

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Дмитрий Медведев

биография

ЧЕРЧИЛЛЬ

АМБИЦИОЗНОЕ НАЧАЛО

ОРАТОР • ИСТОРИК • ПУБЛИЦИСТ

Дмитрий Медведев

**Черчилль. Биография.
Оратор. Историк. Публицист.
Амбициозное начало 1874–1929**

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Медведев Д. Л.

Черчилль. Биография. Оратор. Историк. Публицист.
Амбициозное начало 1874–1929 / Д. Л. Медведев —
«РИПОЛ Классик», 2015

ISBN 978-5-386-08941-2

Уинстон Спенсер Черчилль вошел в историю как политик, однако своей профессией и источником материального благополучия он выбрал литературную деятельность. Это – известный факт, но о нем, как правило, упоминается вскользь в большинстве исследований. Предлагаемая биография восполняет этот пробел, рассказывая о Черчилле-литераторе: историке, романисте, эссеисте, рецензенте, искусствоведе и даже издателе. Почему Черчилль начал писать? Как он выбирал темы, готовил свои тексты и добивался их публикации? Вам предстоит побывать в творческой лаборатории знаменитого автора и узнать, как формировалось его мировоззрение, как оно менялось со временем, а главное – как написанное влияло на собственные решения и поступки Черчилля, определяя его жизнь.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-08941-2

© Медведев Д. Л., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Глава 1. Ранние годы	6
Глава 2. Историк действующей армии	85
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Дмитрий Львович Медведев
Черчилль. Биография.
Оратор. Историк. Публицист.
Амбициозное начало 1874–1929

© Медведев Д. Л., 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Глава 1. Ранние годы

В мировую историю Уинстон Спенсер Черчилль вошел как видный государственный деятель, посвятивший свою долгую и насыщенную жизнь политике, взявший бразды правления в тяжелейшие годы мировой войны, возглавлявший более десяти министерств и ведомств, отвечавший за масштабные и долгосрочные преобразования в военной, социальной, финансовой и внешнеполитической сферах. В его полувековой карьере были и стремительные взлеты, и шокирующие падения; его деятельность отличали и гениальные прозрения, и банальные просчеты; его сопровождали и заслуженный успех, и унижительные поражения. От амбициозной юности и до умиротворенной старости он хотел оставить след в истории, никогда не пасуя перед неудачами, никогда не отступая перед трудностями, никогда не тушуясь перед препятствиями. С упорством, достойным уважения, и упрямством, подчас вызывавшим осуждение, он всегда стремился добиваться своего.

Его характер и личность, поступки и решения, оценки и мнения определялись совокупностью множества взаимозависимых и подчас трудноуловимых факторов. Но один из этих факторов выделяется больше остальных. Без его учета понимание личности Черчилля будет не только неполным, но и неправильным. Как и большинство сложных явлений, фактор этот нелегко описать и еще труднее формализовать. Но если все-таки взять на себя смелость и попытаться обрисовать его, то речь пойдет о своеобразном синтезе между любовью к слову и любовью к истории.

Рассмотрение личности Черчилля с этих позиций не ново. Еще его выдающиеся коллеги, как из мира политики, например премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945), так и из мира литературы, например Джордж Бернард Шоу (1856–1950), искренне полагали, что в историю их современник войдет не государственным деятелем, а литератором. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые авторитетные историки, которые считают британского политика «великим писателем и оригинальным мыслителем»¹.

И тем не менее освещение жизни знаменитого британца с этих позиций остается, как правило, за рамками большинства даже самых глубоких и детальных исследований. Отчасти это и понятно. В одной только политике достижения Черчилля были настолько обширными, что одновременно охватить все нюансы его деятельности не представляется возможным. Чего уж говорить о других сферах деятельности. Настоящая книга, посвященная мировоззрению Черчилля, восполняет этот пробел. В ней подробно рассмотрена работа политика над словом, его постижение истории, а также проанализировано его творческое мышление, в том числе связанное с занятиями живописью.

Для того чтобы лучше понять описанные ниже события и круг интересов Черчилля, особенно в части идейного наполнения его литературных трудов, необходимо сказать несколько слов о том, что значила для него история. Уж точно в его понимании она не была скучной хроникой далекого прошлого, запечатленного на пожелтевших страницах забытых и пыльных манускриптов. История представлялась ему живой субстанцией, которую наблюдаешь через призму пытливого ума, изучающего сохранившиеся источники. Более того, история была для него персонифицирована и всегда связана с выдающимися личностями. Последнее особенно важно, поскольку среди этих личностей были и его предки, формировавшие настоящее и определявшие будущее.

Сам Черчилль относился к неумеренным генеалогическим изысканиям с определенной долей иронии, считая: «Если погрузиться слишком глубоко, то обнаружишь, что все друг другу родственники и всё заканчивается на Адаме»². Но в случае с нашим героем без

генеалогии не обойтись. Тем более что он и сам это отлично понимал и в одном из своих интервью вполне искренне признался, что в обществе очень важно иметь известную фамилию и он счастлив быть Черчиллем³.

Еще бы! Согласно имеющимся данным, Черчилли вели родословную от Гитто де Лиона, младший сын которого, Вандриль де Лион, лорд де Курсиль, осенью 1066 года вступил на землю Туманного Альбиона в составе войск Вильгельма, герцога Нормандского (1027/1028–1087) и принял участие в легендарном сражении при Гастингсе. Этот день – 14 октября 1066 года – стал решающим в истории Англии. Смертельное ранение короля Гарольда II Годвинсона (1022–1066), вызванное попаданием стрелы в правый глаз, не только оборвало жизнь последнего англосаксонского монарха, но и коренным образом изменило историю острова.

Пройдет больше девяти столетий, и Уинстон Черчилль, размышляя об этой «упорной битве», будет описывать, насколько драматично решалась судьба страны: «...англичане стояли так тесно, что раненых невозможно было унести, а мертвым не хватало места упасть на землю», победитель же и новый правитель Англии Вильгельм Завоеватель «сражался в первых рядах, потеряв под собой трех коней»⁴.

Бившемуся на стороне победителя Вандрилю де Лиону удалось выйти из боя целым и невредимым. Он остался жить на острове. Впоследствии его фамилия Курсиль (*de Courcil*) была изменена сначала на Чирчилль (*de Chirchil*), а по прошествии еще некоторого времени – на Черчилль (*Churchill*)⁵. В приходских книгах Брод-Клиста середины XII века можно найти имя Джоселина Черчилля⁶. Самым же известным представителем рода станет генерал-капитан Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо (1650–1722), не проигравший в своих кампаниях на континенте ни одного сражения.

Со смертью 1-го герцога Мальборо его потомки могли перестать носить фамилию Черчилль. Похоронив при жизни двоих сыновей, великий полководец не оставил после себя прямых наследников мужского пола. Все его владения и титул перешли старшей дочери Генриетте (1681–1733), а после кончины последней – ее племяннику Чарльзу Спенсеру (1706–1758).

Первые упоминания о Спенсерах (*le Despenser*) также приходятся на времена Вильгельма Завоевателя. Историк Джанет Дениелс полагает, что фамилия «Спенсер» происходит от старофранцузского *despensier* и означает «камердинер, распорядитель». Именно эту должность Роберт Деспенсер занимал при герцоге Нормандском⁷. Потомки Деспенсера осели в графстве Уорвикшир, зарабатывая разведением овец и продажей шерсти. Дела у Спенсеров шли успешно. Вначале они приобрели обширные владения в родном Уорвикшире, а затем стали владельцами поместья Элторп в соседнем графстве Нортгемптоншир. За богатством последовало и возведение в рыцарство королем Генрихом VIII Тюдором (1491–1547) в 1519 году.

На протяжении следующих пяти столетий Спенсеры неоднократно вписывали свои имена в массивный фолиант британской истории. Среди них были многочисленные главы министерств, включая 2-го графа Спенсера (1758–1834), возглавлявшего Адмиралтейство в эпоху Горацио Нельсона, а также 5-го графа Спенсера (1835–1910) – близкого друга Уильяма Юарта Гладстона (1809–1898), премьер-министра и дважды вице-короля Ирландии. Так что, приступая к написанию официальной биографии нашего героя, его сын Рандольф Черчилль не мог не воздать должное великому роду, поблагодарив своего современника и дальнего родственника Альберта Эдварда Джона, 7-го графа Спенсера (1892–1975) за «аккуратную организацию и изучение» бумаг семейного архива⁸. Эти слова благодарности прозвучат в середине 1960-х годов, когда еще ни Рандольф, ни 7-й граф Спенсер не знали, что на свет

уже появилась леди, которая породнит Спенсеров с королевским домом Виндзоров, упрочив положение рода в национальной истории.

В отличие от богатых на достижения Спенсеров, Черчиллям повезло меньше. После того как Мальборо объединились с ними, эта фамилия почти исчезла из английской летописи. Правда, не навсегда. В мае 1817 года, спустя всего несколько месяцев после вступления в права наследования, 5-й герцог Мальборо (1766–1840) получил от короля Георга III (1738–1820) право «использовать фамилию Черчилль, вместе и после фамилии Спенсер». Столь широкий жест был сделан с целью «увековечить имя, которому его прославленный предок, 1-й герцог Джон Мальборо, придал непреходящий блеск длинной чередой выдающихся и героических побед»⁹.

Отныне потомки победителя битвы при Бленхейме (13 августа 1704 года) стали именовать себя Спенсер-Черчиллями, а их герб объединил геральдические символы обоих семейств: грифона (сказочный полулев-полуорел) Спенсеров и льва Черчиллей. Отец Уинстона не любил двойные фамилии, поэтому отбросил первую часть¹⁰. Что же до его отпрыска, то он войдет в историю как Спенсер Черчилль, хотя в начале жизненного пути двойная фамилия больше доставляла неудобств, чем вселяла гордость за принадлежность к известному роду. Записанный в школе под двойной фамилией, Уинстон оказался в самом конце списка учеников, что немало уязвило его развитое не по годам самолюбие. Не стоит удивляться, что свои письма родителям он сознательно подписывал как «Уинстон С. Черчилль» и никогда – как «Спенсер Черчилль». Он даже пообещал отцу, что в следующем семестре постарается восстановить статус-кво, «взяв себе правильное имя»¹¹. Однако ни в следующем, ни в последующих семестрах избавиться от двойной фамилии ему не удастся, и в архиве школы он останется под литерой «S»¹². Со временем ситуация немного изменится, и Черчилль не только смирится с двойной фамилией, но и станет использовать ее в своих целях, особенно когда речь будет идти о сохранении статуса инкогнито¹³.

В целом, как справедливо замечает историк Уильям Манчестер (1922–2004), на протяжении более чем столетия Спенсеры «превосходили» Черчиллей в достижениях¹⁴. Так, 3-й герцог Мальборо (1706–1758), хотя и участвовал в Семилетней войне (1756–1763), больших военных успехов не добился, дослужившись до бригадира – промежуточного воинского звания между полковником и генерал-майором. Его потомок, 4-й герцог Мальборо (1739–1817), носил титул долгие пятьдесят восемь лет. Однако, несмотря на столь внушительный временной промежуток, в истории он остался только благодаря переустройству родового дворца Бленхейм, на территории которого появилось самое большое в Англии среди частных владений искусственное озеро площадью в сотни акров. Кроме того, он любил коллекционировать живопись и даже заказал портрет своего семейства у известного английского живописца Джошуа Рейнольдса (1723–1792)¹⁵.

С посещением сэром Джошуа Бленхеймского дворца связана забавная история. Во время одного из сеансов позирования художник случайно уронил нюхательный табак на ковер. Опасаясь, что табак испортит элемент интерьера, супруга герцога, леди Кэролин Рассел (1743–1811), попросила лакея подмести ковер. Не успел мужчина приступить к выполнению поручения, как тут же был одернут художником. «Остановись! – с полным осознанием собственного превосходства закричал Рейнольдс. – Пыль, которую ты сейчас поднимешь, причинит моей картине больше вреда, чем табак – ковра»¹⁶.

Пятый и шестой потомки великого Джона Черчилля¹ запомнились чрезмерной расточительностью и распродажей бесценных предметов искусства из семейной коллекции.

¹ Джордж Спенсер-Черчилль, 5-й герцог Мальборо, и Джордж Спенсер-Черчилль, 6-й герцог Мальборо (1793–1857). –

Стремление жить не посредством перейдет по наследству и последующим поколениям Мальборо. При 8-м герцоге² будет распродана уникальная коллекция картин, включавшая портрет Карла I кисти Антониса ван Дейка (1599–1641), автопортрет Питера Рубенса (1577–1640) с супругой Еленой Фурман (1614–1673), а также «Мадонну Ансидеи» Рафаэля Санти (1483–1520)¹⁷, которую знаменитый искусствовед Джон Рёскин (1819–1900) назвал одной из самых великих картин в истории, а также лучшим воплощением христианских сюжетов¹⁸.

На фоне других хозяев Бленхеймского дворца в XIX столетии заметно выделяется фигура дедушки будущего премьер-министра – Джона Уинстона Спенсера Черчилля, 7-го герцога Мальборо (1822–1883). В отличие от своих мотоватых предков, он посвятил себя «службе обществу»¹⁹. Больше десяти лет он был членом палаты общин, а после наследования титула продолжил общественную и политическую деятельность в верхней палате парламента, занимая посты в правительствах лорда Дерби³ и Бенджамина Дизраэли (1804–1881), а также являясь членом Тайного совета.

Богатство 7-му герцогу это, правда, не принесло. Большая часть средств уходила на содержание недвижимости, выполнение представительских функций политического (обеспечение места в парламенте для сына), церковного (поддержка местной общины) и военного (помощь полку йоменов в проведении маневров) характера²⁰, а кроме того – на воспитание восьмерых детей. Пришлось пойти и на крайние меры, выставив на продажу часть фамильных драгоценностей, библиотеку²¹, а также продав банкиру Фердинанду де Ротшильду (1839–1898) некоторые из земельных угодий в графстве Бакингемшир²². Вердикт общества был однозначен и лучше всего выражен фразой афористичного Б. Дизраэли: «Мальборо недостаточно богаты, чтобы быть герцогами»²³.

От своего старшего сына, наследовавшего впоследствии титул 8-го герцога Мальборо, Джон Уинстон Черчилль многого не ожидал, обратив все свои надежды на младшего отпрыска – лорда Рандольфа⁴. После окончания подготовительной школы тот поступил в элитную частную школу Итон, где получил неблагозвучное прозвище Скаг²⁵, характеризующее его как человека «своенравного, самоуверенного, ленивого, нахального и надменного». Были и те, кто относился к нему более снисходительно, считая Рандольфа «веселым и обаятельным проказником»²⁶.

За Итоном последовала учеба в Оксфорде (колледж Мертон), куда потомок Мальборо поступил со второй попытки и то после занятий с частным преподавателем. Новое учебное заведение, где из-за своего пучеглазия²⁷ лорд Рандольф получил новое прозвище – Крыжовник, находилось недалеко от родового поместья. Поэтому большую часть времени студент проводил в Бленхейме. А что до учебы, то на нее просто не хватало времени, которое уходило в основном на охоту и шумные обеды в клубе «Мирмидон», сопровождаемые различного рода проделками и выходками.

В 1874 году, за два месяца до свадьбы, двадцатипятилетний лорд Рандольф принял участие в безликой предвыборной кампании в «карманном» избирательном округе Мальборо Вудсток. Очевидцам он запомнился как «довольно нервный, неловкий молодой человек, имеющий лишь слабое представление о современной политике, плохо знающий литературу,

Здесь и далее примеч. автора.

² Джордж Чарльз Спенсер Черчилль (1844–1892).

³ Полное имя – Эдвард Джордж Джеффри Смит-Стэнли, 14-й граф Дерби (1799–1869), трижды премьер-министр, в 1852, 1858–1859 и 1866–1868 годах.

⁴ Полное имя – Рандольф Генри Спенсер Черчилль (1849–1895). По мнению историков, Рандольф был назван в честь своего крестного отца, брата своей бабушки девятого графа Гелловэя (1800–1873)²⁴.

совершенно не имеющий представления о науке и почти не разбирающийся в международных вопросах»²⁸. Несмотря на столь уничижительные отзывы, влияния и денег Мальборо окажется достаточно, чтобы склонить чашу избирательных весов в нужную сторону, обеспечив Рандольфу место в нижней палате парламента – палате общин.

Так получилось, что первое выступление новоиспеченного депутата состоялось в день рождения королевы Виктории (1819–1901)²⁹. Лорд Рандольф произвел неоднозначное впечатление своей небольшой речью⁵. Одни полагали, что «это была речь глупенького юноши, который никогда не поумнеет», другие были более доброжелательны, признавая, что, «хотя молодой член палаты очень нервничал, голос его звучал визгливо, а изложение мыслей хромало», иногда «то тут, то там вспыхивала блестящая едкая фраза, ради которой стоило вслушиваться в остальные»³⁰.

Взвешенное мнение выразил Бенджамин Дизраэли, который в своем письме королеве Виктории, упоминая о выступлении Черчилля, заметил, что «лорд Рандольф высказал много опрометчивых суждений, которые необязательны для первой речи», но в целом «палата была удивлена и покорена его энергией, стремительностью, а также выразительными манерами». В итоге, заключил премьер-министр, это было «многообещающее начало»³¹. Дизраэли также нашел время написать несколько строк матери молодого депутата, заметив, что ее сын отметился «успешным дебютом»³².

Если с британскими корнями сэра Уинстона Черчилля все более или менее определено, то американская ветвь до сих пор остается предметом споров. Одни исследователи указывают на отдаленное родство между Черчиллем и представителями американского истеблишмента – четырьмя президентами США: Франклином Делано Рузвельтом (1882–1945), Улиссом Грантом (1822–1885) и двумя Джорджами Бушами, а также Аланом Шепардом (1923–1998), первым американцем, совершившим суборбитальный космический полет³³. Другие добавляют к этому и без того солидному перечню имя Джорджа Вашингтона (1732–1799). Прапрадед нашего героя Аарон Джером (1764–1802) был женат на Элизабет Бетси Болл (1765–1826?), кузине первого президента США. Поскольку прямых наследников у генерала не было, то дед Уинстона Черчилля без малейшего бахвальства и иронии утверждал, что «мы Вашингтону ближайшие родственники»³⁴.

Однако наибольший интерес у историков вызывают не родственные связи британского премьера с хозяевами Белого дома. Куда больше их внимание привлекают спорные данные о происхождении матери Черчилля, Дженни Джером (1854–1921), от индейцев-ирокезов. При этом основным носителем индейской крови называется ее бабушка, Кларисса Виллкокс (1796–1827), появившаяся на свет после изнасилования ее матери Анны Бейкер (1761–1813) индейцем-ирокезом³⁵. Косвенно это подтверждает смуглый цвет кожи, черные как смоль волосы и высокие скулы, характерные как для Клариссы Виллкокс, так и для ее дочери Клары Холл (1825–1895) и внучки Дженни Джером.

Несмотря на отсутствие подтвержденных фактов, сам Черчилль не только искренне верил в семейную легенду о своем нетривиальном происхождении, но и предполагал, что в нем течет кровь вождя какого-то племени³⁶. На закате жизни он подведет политическую базу под своей родословной, заметив в беседе с кандидатом в президенты США Эдлаем Стивенсоном (1900–1965): «Я сам – Союз англоязычных стран»³⁷. Черчилль был не одинок в своих догадках. Аналогичного мнения придерживались и его коллеги. «Посмотрите на его телосложение и сутуловатость, – говорил Ллойд Джордж. – Мальборо были слабы физически,

⁵ Чуть меньше 700 слов. Для сравнения: мэйден-спич его сына Уинстона была в четыре с половиной раза больше – 3200 слов.

а Уинстон – крепок. Кроме того, он всегда кричит, когда возбужден, что тоже выдает в нем чужеродную кровь»³⁸.

Что касается Дженни Джером, то ее первыми впечатлениями стал отнюдь не Бруклин, где она появилась на свет 9 января 1854 года. И даже не Америка. Первые детские впечатления матери британского политика связаны с... Италией, Триестом, где ее отец служил консулом³⁹.

Отец Дженни, Леонард Джером (1817–1891), как и многие герои этой книги, был личностью незаурядной. Начав адвокатскую карьеру в заштатном городишке, он не без помощи Уолл-стрит, которую сравнивал с «джунглями, где люди, словно хищные звери, рвут друг друга клыками и когтями»⁴⁰, быстро сумел сколотить огромное состояние, обосновавшись со временем в Нью-Йорке.

Леонард Джером заметно выделялся на фоне обитателей Пятой авеню. Помимо игры на бирже и консульства в Триесте, он успел побывать совладельцем *New York Times* и Тихоокеанской почтовой пароходной компании, а также отважился несколько раз переплыть Атлантику на небольших яхтах. Кроме того, Леонард активно увлекался музыкой, женщинами, картами и скачками. Одной из его *innamorato* была известная сопрано – «шведский соловей» Дженни Линд (1820–1887). Именно в ее честь он и решил назвать свою вторую дочь⁴¹.

Дедушка Черчилля любил жизнь, и она платила ему взаимностью. Леонард, не скупившийся на широкие жесты, был душой общества. Однажды во время организованного им обеда каждая дама нашла у себя под салфеткой приятный и дорогой сувенир: золотой браслет. «В присутствии мистера Джерома скажут быстрее, плывут скорее и веселей пируют», – восторженно свидетельствовали очевидцы⁴². Когда Леонард перешагнул семидесятилетний рубеж, у него обнаружили скоротечную чахотку. Больной и разоренный, он все равно продолжал сохранять бодрость духа, наслаждаясь любимым шампанским и устрицами. Последними его словами, обращенными к дочерям и внукам, стали: «Я отдал вам все, что имел. Передайте дальше»⁴³.

Дженни была его любимицей, и ей досталось больше всего. Словно эстафету, она передаст Уинстону мужество своего отца, его настойчивость и упрямство, готовность идти на риск и бороться за свои убеждения. Передаст она и его жизнелюбие, а также отличительную черту Джеромов – неспособность жить по средствам с постоянным балансированием на грани банкротства.

У Черчилля всегда было особое отношение к каждому из своих предков, и Леонард Джером не стал исключением. Интерес к его персоне не ограничивался только тем, что британский политик, полное имя которого, напомним, было Уинстон Леонард, носил имя своего деда, а также являлся (по некоторым данным⁴⁴) его крестником. Нет, Леонард Джером привлекал внимание Черчилля, как выдающаяся личность, обладающая «силой и разносторонностью»⁴⁵.

В начале 1930-х годов Черчилль набросал небольшое эссе, посвященное своему предку⁴⁶. После начала войны он обратился к своему двоюродному брату, 3-му баронету сэру Джону Рандольфу Шейну Лесли (1885–1971), с просьбой написать биографию их деда⁴⁷. Лесли будет работать над этим произведением почти семь лет и завершит его только в начале 1948 года.

Книга Черчиллю не понравилась. У него вызвали возмущение фрагменты с лордом и леди Рандольф. «Я категорически возражаю против каких-либо упоминаний финансового положения моих родителей, – скажет он автору. – Если ты желаешь раскрывать столь мелкие подробности, я надеюсь, ты ограничишься только своей семьей». Черчилль выразит

надежду, что Шейн не станет публиковать эту книгу, «которая не принесет тебе добра, и будет потворствовать распространению пошлости»⁴⁸.

Но Лесли не последует данным советам. Пообещав внести изменения, он издаст книгу, вызвавшую недовольство у знаменитого кузена.

Биография содержала немало эпизодов, читать которые Черчиллю было неприятно. Например, про супружескую неверность Леонарда. Ведь совсем не случайно уставшая от любовных походов супруга Клара Джером в конце концов оставила мужа и уехала с тремя дочерьми во Францию.

Именно в Париже мать Уинстона и проведет свою юность, застав самые яркие эпизоды Второй империи. Ее время в Париже будет заполнено верховой ездой, игрой на рояле, посещением выставок и салонов. Дженни была удивительно красива – жгучая черноглазая брюнетка со смуглой кожей. К тому же ее отличал жизнерадостный и кипучий нрав⁴⁹. «Многие красавицы высшего света приходят и уходят, но далеко не многие, если вообще кто-нибудь, могли когда-либо сравниться с ней», – описывал ее красоту 5-й барон Росмор (1853–1921)⁵⁰.

Уже с детства Дженни отличали независимость суждений и чрезмерная расточительность. Как иронично замечал один из ее знакомых: «Дженни смело можно отнести к такому типу женщин, для которых иметь меньше сорока пар туфель означает прозябать в нищете»⁵¹.

Возможно, она так и осталась бы в Париже, если бы не суровый нрав князя Отто фон Бисмарка (1815–1898), сумевшего «железом и кровью» объединить германские земли и, с немецкой педантичностью пройдя от Эльзаса до Парижа, обратить в прах красоту и роскошь владений Наполеона III (1808–1873).

Джеромы долго сопротивлялись давлению военных событий, отказываясь покинуть столицу. «Нам казалось невероятным, что пруссаки вторгнутся в Париж, поэтому мы со дня на день откладывали отъезд», – признается Дженни, когда события этой кампании станут уже достоянием истории⁵². Однако французские войска проигрывали одно сражение за другим, приближая неминуемый исход.

Настал день, когда дальнейшее промедление стало опасным. Оставался только один выход – бежать. Поезда к тому времени ходили нерегулярно. Чудом удалось достать билет на поезд до Довилля, уходящий через считанные часы. Собирались в спешке, захватив с собой лишь наиболее ценные вещи, которые завязали в простыни и скатерти⁵³.

Какое-то время Джеромы еще питали надежду вернуться в Париж. Однако поезд, на котором они уехали в Довилль, был последним, покинувшим французскую столицу⁵⁴. Проведя еще какое-то время на континенте, Клара с тремя дочерьми села на корабль, направлявшийся в Англию. Жизнь порой образует удивительные комбинации. Настойчивость немецкого канцлера Отто фон Бисмарка косвенно повлияла на то, что дочь американского миллионера Дженни Джером была вынуждена оставить Францию Наполеона III и направиться в викторианскую Англию, где произвела на свет «величайшего британца в истории»⁶.

«Мрачный и наполненный туманами Лондон», который Дженни увидела впервые, произвел на нее тягостное впечатление⁵⁵. Вскоре Леонард Джером снял для своей семьи дом в Коувсе – небольшой деревушке, расположенной на острове Уайт. Остров был одним из любимых мест отдыха королевы. Здесь она провела свою юность, и именно сюда она придет умирать. Остров также был знаменит яхт-клубом, одним из самых элитарных и закрытых учреждений подобного рода⁵⁶. Ежегодно в начале августа на острове проходила пользующаяся популярностью королевская регата. Тихое место преображалось, становясь светским центром не только Англии, но и всей Европы.

⁶ Согласно результатам опроса, проведенного Би-би-си в 2002 году.

Джеромы быстро стали частью высшего света. Вскоре они попали в списки участников многих торжественных мероприятий, которыми так славилась британская аристократия. «Сезон Коувса» не стал исключением. В первых числах августа 1873 года супруга Леонарда Джерома получила приглашение на бал, устроенный в честь будущего российского императора Александра III (1845–1894) и его супруги Марии Федоровны (1847–1928). На бал, кроме миссис Джером, были приглашены и ее дочери. Уникальный документ сохранился и сегодня находится в архиве Черчилля (номер *CHAR 28/2/1A*). В нем отражено главное, что произошло в тот день, 12 августа 1873 года. В начальной фразе «встретить Их Королевские Высочества, принца и принцессу Уэльских», Дженни сделала от руки приписку. После слова «встретить» она написала «Рандольфа».

Это была любовь с первого взгляда. Одному из присутствующих молодой лорд признался, что готов взять Дженни в жены. «Что ты думаешь по поводу Рандольфа?» – спросит она свою сестру Клариту. Потомок Мальборо на Клариту не произвел впечатления. Его огромные моржовые усы показались ей абсурдными, а манеры – надменными. «А у меня странное чувство, что он сделает мне предложение», – сказала Дженни. Поймав на себе удивленный взгляд сестры, она добавила: «Если так и будет, я отвечу „Да!“». Кларита лишь рассмеялась в ответ. Но на третьи сутки после знакомства лорд Рандольф действительно делает предложение, которое будет встречено согласием⁵⁷.

Что они нашли друг в друге? Просто оба были молоды, импульсивны, открыты для любви, и та не преминула закружить их в стремительном круговороте романтических чувств, смелых ожиданий и бурных эмоций. «Я получил твою фотографию и твой локон волос, все время смотрю на них. Твой верный и преданный тебе Рандольф С. Черчилль», – писал он ей в выдержанном тоне, понимая, что переписка проходит через руки миссис Джером⁵⁸. Со временем лорд Рандольф осмелел. Его письма стали более откровенными. «Дражайшая, я люблю тебя больше всех и никогда не полюблю другую (выделено в оригинале. – Д. М.)», – признавался он в середине сентября 1873 года⁵⁹.

Казалось, жизнь совершила большой оборот и вновь оказалась в точке, откуда все началось. Знала ли Дженни, что это предложение, за которым стоял пропуск в британскую историю, было сделано именно в том месте – на острове Уайт, – откуда в 1710 году ее прапрапрадед Тимоти Джером (1688–1750) покидал родную землю, отправляясь в Новый Свет с королевским грантом на монопольное производство соли в штате Коннектикут?⁶⁰ Конечно знала. Но чего Дженни знать не могла, так это того, что на рубеже нового XX века на том же острове Уайт, на очередной ежегодной регате, она объявит о своей новой помолвке. Однако до этого еще нужно будет дожить. Сейчас же ее мысли были заняты лордом Рандольфом и тем, как их роман будет принят родителями.

Последнее было весьма кстати, поскольку от мнения Джеромов и Мальборо зависела дальнейшая судьба будущего брачного союза. И эти мнения не внушали оптимизма.

Мать Дженни первой узнала о чувствах дочери. Она считала, что молодые торопятся. Итогом отношений, опасалась миссис Джером, будет не брак, а испорченная женская репутация. Дженни не придавала этим страхам большого значения. «Хотя ты ей очень понравился (выделено в оригинале. – Д. М.), – писала она лорду Рандольфу, который покинул остров Уайт и вернулся в родовое поместье, – моя мать ничего не хочет слышать о браке. Но я считаю, мы легко склоним ее на нашу сторону, когда увидим тебя в Лондоне или здесь. Благослови тебя Господь, дорогой»⁶¹. И действительно, Клара Джером относительно легко изменила свою позицию, приняв выбор дочери.

Следующим на очереди был Леонард Джером. Его первая реакция отличалась настоятельностью. Правда, в отличие от супруги, Леонард в своей оценке придал немало значения тому факту, что его будущий зять был представителем аристократии. У него было амби-

валентное отношение к британскому истеблишменту. С одной стороны, он признавал и даже завидовал их могуществу, с другой – гордость человека, который сделал себя сам, не позволяла полностью принять превосходство аристократии, основанное, по большей части, на праве рождения и принадлежности известной фамилии.

Родословная лорда Рандольфа была не единственной причиной, беспокоившей Джерома. Он хорошо знал свою дочь, которая унаследовала многие его черты, в том числе порывистость, любвеобильность и упрямство. Леонард боялся, что при неблагоприятном стечении обстоятельств отношения с лордом Рандольфом закончатся для Дженни катастрофой. «Я всегда знал: если ты влюбишься, это будет очень опасное переживание, – делился он с ней своими опасениями. – Ты не рождена для легкой любви. В твоём случае любовь – это либо все, либо ничего. Подобные тебе живут счастливо, только если им удастся найти друга сердца; если же они разочаруются – их ждут невыносимые страдания»⁶².

Отлично понимая, к насколько трагичным последствиям может привести неудачный роман с лордом Рандольфом, Леонард, тем не менее, не стал вмешиваться, позволив дочери самостоятельно принимать решения. Заявив Дженни, что он верит в нее, он фактически благословил ее отношения с Черчиллем⁶³. «Не могу представить, чтобы какая-либо другая помолвка обрадовала меня больше, – сказал он. – Я уверен: все, что ты поведала о нем, правда, как будто я знаком с ним лично. Молодой, амбициозный, неиспорченный. И самое главное – он любит тебя»⁶⁴.

Наступит время, и двое мужчин встретятся. Оба проникнутся искренней симпатией друг к другу. «Чем больше я его узнавал, тем больше он мне нравился, – напишет лорд Рандольф своей возлюбленной. – Уверен, мы всегда останемся с твоим отцом друзьями. Он поведал мне обо всех наговорах, которые кто-то сообщил ему про меня в Америке. Я был очень рад, что вся эта чепуха не произвела на него впечатления»⁶⁵. В этом написанном в немного легкомысленном стиле послании прослеживается очень важная составляющая отношений между будущим зятем и тестем. Леонард верил и всегда будет верить в лорда Рандольфа и его будущее⁶⁶. Далеко не все друзья молодого Черчилля могли похвастаться такой преданностью его талантам и личности.

В отличие от Джерома, Мальборо придерживались иных взглядов на любовную связь своего отпрыска. Первым с критикой отношений выступил их старший сын, маркиз Блэндфорд. Он считал брата «сумасшедшим». Сумасшедшим не потому, что тот влюбился в Дженни, а потому, что решился на ней жениться. Брак по любви – «иллюзия» и «ловушка», учил он Рандольфа⁶⁷. Герцог Мальборо был еще более строг, заявив, что «неконтролируемые чувства полностью парализовали рассудок» сына. «Любовь зла», – повторял он, полагая, что страсть ослепила его дитя⁶⁸.

Чем была вызвана столь резкая реакция? Так ли уж Дженни не подходила потомку герцога? Дело было не в Дженни, а в ее отце. Герцог Мальборо навел справки о Джероме, и то, что ему удалось узнать, его не обрадовало. Он считал Леонарда «вульгарным типом», «спекулянтom», лишенным респектабельности⁶⁹. Однако не это главное. Испытывавший значительные финансовые трудности герцог возлагал на брак своих детей большие надежды, планируя с их помощью поправить положение. А Джером для этих целей не подходил. Тысяча восемьсот семьдесят третий год выдался для американца неудачным: рискованные сделки на Уолл-стрит поставили под вопрос его благосостояние.

Несмотря на реакцию отца, лорд Рандольф не отчаивался, веря, что его «брак с мадемуазель Джанет – всего лишь вопрос времени»⁷⁰. Он оказался прав. Да, Джером переживал не лучшие времена, но ему уже приходилось бывать на мели, а впоследствии возвращать свое состояние. Можно было надеяться, что аналогичный сценарий повторится и на этот раз.

К тому же Джером не был разорен, у него оставалась недвижимость. Кроме того, наученный горьким опытом предыдущих банкротств, он закрепил часть средств за своей супругой⁷¹.

Пройдет немного времени, и Мальборо скрепя сердце даст свое согласие на брак.

Но это еще не все. Когда принципиальные одобрения были получены, влюбленных ждало новое испытание – согласование условий брачного договора. Должно будет пройти девять лет, прежде чем в 1882 году в Соединенном Королевстве примут закон, защищающий финансовые права женщин в случае развода⁷². А до этого представительницы прекрасного пола не обладали никакими правами на имущество супруга – одно из наиболее ярких и непонятных противоречий Викторианства, эпохи, во главе которой стояла женщина.

Для практичного Джерома, исповедующего прогрессивные экономические взгляды Нового Света, подобное притеснение женщин было неприемлемым. Начались утомительные обсуждения: кто, кому и сколько передает для совместной жизни? Споры продлились полгода и завершились лишь в апреле 1874 года. От Леонарда молодожены получили в приданое пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, что давало им две тысячи фунтов годового дохода. При этом одна половина от общей суммы и дохода принадлежала лорду Рандольфу, другая – его супруге. Еще тысяча сто фунтов годового дохода гарантировал герцог Мальборо⁷³. Последний также уплатил долги своего сына и предоставил молодоженам небольшой особняк в Лондоне.

Церемония бракосочетания состоялась 15 апреля 1874 года. Местом ее проведения стал не Лондон и даже не Англия и не США. Молодые люди расписались в Париже, в здании британского посольства, в доме номер 39 по улице Фобур Сент-Оноре. Именно в Париже Дженни провела большую часть времени после знакомства с суженым на острове Уайт. Несмотря на то что церемония проходила под руководством капеллана посольства преподобного Эдварда Форбса, никаких документальных свидетельств в посольстве о том, что свадьба действительно имела место, не сохранилось. Официальные документы были оформлены дипломатической миссией США⁷⁴.

Не считая этого исторического курьеза (дипломатическая миссия США регистрирует браки, только если оба молодожена являются подданными этой страны), виновникам торжества было приятно сознавать, что они скрепили себя узами брака в здании, которое принадлежало сестре Наполеона принцессе Полине Боргезе (1780–1825). После падения Бонапарта в посольстве некоторое время проживал также герцог Веллингтон (1769–1852).

В остальном церемония мало походила на то, о чем мечтали невеста и ее мать. Как-никак, Дженни была первой дочерью миссис Джером, которая выходила замуж. Леонард, конечно, устроил пышный обед. На невесте было роскошное платье из белого атласа, украшенное алансонскими кружевами, белые шелковые чулки, белые атласные туфельки и длинные лайковые перчатки. Отец также позаботился и о гардеробе дочери: двадцати пяти сшитых в Париже платьях, семи французских шляпках и множестве тончайшего вышитого белья⁷⁵. Однако, несмотря на все эти роскошные детали, марьяж все равно на порядок уступал аналогичным торжествам того времени. Хотя само событие было весьма примечательно. И не только потому, что в Париже скреплялся союз, породивший будущего спасителя Британии. Оно было интересно и тем, что это одна из первых международных свадеб эпохи, когда благородная кровь Соединенного Королевства объединялась с капиталом Нового Света. Бывший премьер-министр Генри Джон Темпл, 3-й виконт Пальмерстон (1784–1865) как в воду глядел, когда, упоминая состоятельных американок, скажет: «Еще до конца столетия эти умные, красивые женщины станут дергать за ниточки половину правительств Европы»⁷⁶. Одним из красноречивых напоминаний о том, что молодожены были близки высшему свету, является тот факт, что шафером жениха стал личный секретарь наследника престола принца Уэльского Фрэнсис Ноллис (1837–1924).

Принц Уэльский, будущий король Эдуард VII (1841–1910), также сыграл не последнюю роль в том, чтобы бракосочетание состоялось. По его скромному мнению, Уинстон Черчилль был обязан жизнью именно Его Королевскому Высочеству.

– Если бы не я, этот молодой человек никогда не появился бы на свет, – скажет он своему другу, лорду Реджинальду Бальёлу Бретту, 2-му виконту Эшеру (1852–1930).

– Почему, сэр?

– Герцог и герцогиня Мальборо были против брака Рандольфа, – объяснит король. – Именно благодаря мне они уступили⁷⁷.

«Бросалось в глаза»⁷⁸ отсутствие на мероприятии родителей лорда Рандольфа. Официальной причиной отказа посетить церемонию послужило неважное самочувствие герцогини Мальборо. Хотя все присутствующие прекрасно понимали, что дело не в этом. Джон Уинстон Черчилль так и не смог смириться с этим браком. Накануне «одного из самых важных дней» в жизни своего сына он направил ему небольшое послание, в котором пожелал «совместное счастье тебе и твоей супруге». Упрекнув отпрыска в том, что тот сделал свой выбор «без присущей рассудительности», герцог, тем не менее, пообещал, встретить «Джанет с распростертыми объятиями в ее **новой семье**» (выделено в оригинале. – Д. М.)⁷⁹.

Поведение Мальборо, которое, по словам историка Уильяма Манчестера, отдает «исключительным пренебрежением»⁸⁰, не может не удивлять. Ведь Рандольф был его любимцем. Кроме того, у герцога сложились хорошие отношения с невесткой. Во время их первой встречи она буквально очаровала будущего свекра. Дженни не только специально исполнила для него на фортепьяно бетховенскую «Аппассионату», но и проявила свои знания в области британской политики, успешно побеседовав с ним на эту тему. Впоследствии мать Уинстона будет с теплотой отзываться о 7-м герцоге Мальборо, считая его «чрезвычайно добрым, обходительным и учтивым» человеком⁸¹.

Иные отношения сложились у невестки со свекровью – герцогиней Фрэнсис Энн Эмили Вэйн Мальборо (1822–1899). Хотя в своих мемуарах Дженни писала о ней в сдержанном тоне, называя «выразительной и умной женщиной»⁸², между ними никогда не было душевой теплоты и взаимного понимания. «Она со мной совершенно не любезна, – будет жаловаться Дженни сыну накануне Рождества 1896 года. – Мы не перекинулись даже парой слов. Возможно, это и к лучшему. Посторонним мы можем казаться друзьями, но в действительности это не так»⁸³.

Именно из-за своей неприязни к невестке герцогиня Мальборо будет с ужасом думать о возможности наследования титула сыном Дженни. «Вашей первейшей обязанностью является родить ребенка, – наставляла она другую невестку, супругу 9-го герцога Мальборо Консуэлу Вандербильт (1877–1964). – И это дитя обязательно должно быть мальчиком, ибо мне невыносимо думать, что герцогом станет этот выскочка Уинстон. Кстати, вы еще не беременны?»⁸⁴.

Консуэла выполнит указание свекрови, произведя 18 сентября 1897 года на свет Джона Альберта Уильяма Спенсера Черчилля, будущего 10-го герцога Мальборо (1897–1972). Не трудно представить, как изменилась бы история Великобритании, если бы Уинстон все-таки наследовал титул. Во-первых, он не смог бы заседать в палате общин, переключив свою безграничную энергию на палату лордов, обладающую гораздо меньшей законодательной властью. Кроме того, будучи герцогом, он вряд ли смог бы стать первым министром королевы.

Маркиз Солсбери был последним представителем палаты лордов, занимавшим этот ответственный пост. Все десять премьеров, сменившие друг друга начиная с 1902 года (начало карьеры У. Черчилля) и заканчивая 1955 годом (уход У. Черчилля из большой политики), были представителями нижней палаты парламента.

Возвращаясь к отношениям Дженни и свекрови, можно выделить две основные причины их неприязни. Первая – чисто женская. Фрэнсис была матерью одиннадцати (!) детей, трое из которых умерли, не дожив до пяти лет. Рандольф был третьим (а фактически вторым выжившим) сыном и самым любимым ребенком герцогини. Это был как раз тот случай, когда любящая мать вполне искренне полагает, что, какой бы идеальной ни была супруга ее отпрыска, она все равно не будет любить ее сына всей душой, а значит, она его недостойна.

Вторая причина заключалась в том, что женщины не сошлись характерами. Черчилль будет описывать свою бабушку как человека «огромных способностей, энергии и решительности»⁸⁵. Но главным было то, что, будучи по природе сильной натурой, герцогиня привыкла подавлять окружающих своей властью. «Она правила Бленхеймом железной рукой, – возмущалась Дженни. – От шороха ее шелковых юбок дрожал весь дворец»⁸⁶. С мнением Фрэнсис должны были считаться все, включая самых отдаленных членов семьи. Но леди Рандольф (именно таким стало ее имя после замужества) с ее своеволием, свободолобием и упрямством не могла позволить подчинить себя. «Герцогиня ненавидит меня просто за то, что я такая, как есть. Что бы я ни сделала, что бы ни сказала, что бы ни надела, она во всем находит недостатки. Мы с ней предельно вежливы друг с другом, но это все равно что жить на вулкане, готовом в любую минуту к извержению»⁸⁷.

К счастью, извержения случались редко и не касались непосвященных. После скрепления своих чувств узами брака Дженни и Рандольф провели медовый месяц на континенте. Затем они вернулись в Лондон, где их окружил вихрь праздников и удовольствий⁸⁸.

В понедельник 25 мая 1874 года счастливые молодожены посетили Бленхейм. В руках юной леди был кружевной зонтик с черепаховым стержнем, инкрустированным золотом. Этот изящный предмет, подаренный Дженни ее отцом, оказался неуместен. Вместо палящего солнца над Оксфордширом сгустились грозовые тучи, то и дело сверкали молнии, лил вгоняющий в уныние дождь. И все же, несмотря на обильные осадки, жители городка Вудсток, в окрестностях которого расположен Бленхейм, облачились в парадные костюмы и вышли на улицы.

Радости встречающих не было предела. «Собравшиеся распрягли лошадей и, взвалив на себя повозку, провезли ее по узким улочкам через город», – восторженно писал корреспондент *Oxford Times*⁸⁹. Когда повозка въехала на площадь перед «Медвежьим отелем», чету встретил мэр города. Он зачитал праздничное приветствие с пожеланием «благополучия всем членам благородного дома Черчиллей», а также «многих лет безоблачного счастья» молодоженам⁹⁰.

Заслушав поздравление, процессия продолжила свой путь к дворцу. Преодолев узкие улочки Вудстока, экипажи подъехали к огромной каменной арке с привратником; в руках, в знак приветствия, тот держал длинный жезл, серебряная рукоятка которого была украшена красными шелковыми кистями.

Едва молодожены пересекли арку, перед ними открылся удивительный пейзаж.

– Это самый красивый вид в Англии, – произнес лорд Рандольф улыбаясь.

Огромное озеро в окружении роскошного травяного ковра с многовековыми дубами действительно вызвали восхищение. Однако признаться в этом Дженни не позволяла «американская гордость», и, «не найдя подходящих слов», она промолчала, продолжая наслаждаться моментом⁹¹.

Старый дворец жизнерадостной американке не понравился. Во-первых, Бленхейм был местом, где властвовала герцогиня Мальборо, а следовательно, все подчинялось точному, неизменному и жесткому порядку. Герцогиня контролировала все, включая даже, на каком поезде гости должны были прибывать или покидать поместье⁹². День Дженни отныне был

расписан по минутам: утреннее чтение газет, занятия живописью, игра на фортепьяно, прогулки, обсуждения последних новостей из мира политики, трапеза, отход ко сну. Казалось, она снова вернулась в школу⁹³.

Во-вторых, огромный дворец, больше напоминавший музей, чем жилой дом, был неудобен в быту. «Мы спали в узких комнатухах с высокими потолками, обедали в полутемных комнатах с такими же высокими потолками, одевались в душных кладовках, отдыхали в галереях и мрачных расписных салонах», – возмущались очевидцы⁹⁴. В Бленхейме отсутствовало электричество и не было системы центрального отопления, все это появилось только при 8-м герцоге Мальборо и его богатой супруге (еще одной американке) Консуэле Вандербильт.

Столь заметное влияние «долларовых принцесс», благосостояние которых частично пошло на переустройство и модернизацию английских поместий, впоследствии позволило Уинстону Черчиллю иронично заметить: «Вы только представьте: с того момента, как римляне оставили Британию, и до прибытия наследниц американского капитала эта страна была лишена полноценного водопровода»⁹⁵.

На пребывание Дженни в Бленхейме, куда она переехала с супругом осенью 1874 года, неизгладимый отпечаток накладывал и тот факт, что молодая леди находилась в положении и страсть к развлечениям и активным видам отдыха ей следовало умерить. В воскресенье 29 ноября во дворце должен был состояться бал. За пять дней до этого миссис Черчилль неудачно упала во время прогулки со стрелками. В субботу 28-го, после опрометчивой прогулки на пони по ухабистой дороге, у нее появились сильные боли. Несмотря на это, торжество состоялось, и Дженни на нем блистала.

Но в середине праздника начались предродовые схватки. Дженни попытались отвести в спальню, но боли оказались настолько сильными, что пришлось разместить ее в первой попавшейся комнате. В свое время в этом помещении проживал капеллан первого хозяина Бленхейма, а накануне бала комната была приспособлена для дамской гардеробной. В этой-то гардеробной, среди мехов, муфт, горжеток и многочисленных шляпок с перьями, начались роды⁹⁶.

По словам Роя Харриса Дженкинса (1920–2003), все связанное с появлением будущего политика на свет было сделано в спешке⁹⁷. В спешке связались с известным лондонским акушером Уильямом Хоупом (1837–1893). Рассчитывали, что именно он будет принимать роды, однако поезда в воскресенье вечером ходили нерегулярно, и Хоуп сообщил, что сможет прибыть во дворец не раньше утра. В спешке пришлось обращаться к местному хирургу Фредерику Тейлору (1831–1909), державшему практику в Вудстоке. К счастью, по словам лорда Рандольфа, он оказался «смышленным малым»⁹⁸. Самой же роженице пришлось нелегко, но она вела себя «мужественно, отказавшись от хлороформа»⁹⁹.

Роды длились восемь часов и завершились в половине второго ночи 30 ноября 1874 года появлением на свет Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля. Новорожденного назвали в честь сэра Уинстона Черчилля (1620–1688), отца 1-го герцога Мальборо. Ребенок был рыжий, с вздернутым тупым носом, унаследованным от английских предков. «Мальчик очень красив, по крайней мере, так говорят все, – весело заявил гордый отец. – У него темные глаза и волосы. К тому же он очень здоровенький, несмотря на преждевременное рождение»¹⁰⁰.

Лорд Рандольф не погрешил против истины: ребенок действительно был здоров. Но родился ли он преждевременно? Некоторые биографы Черчилля в этом не уверены. Они не исключают, что дата рождения была обусловлена «не столько торопливостью младенца, сколько аналогичным качеством лорда Рандольфа»¹⁰¹. А что на этот счет говорят факты?

Не зря впоследствии наш герой призовет «следить за фактами, поскольку они следят за нами»¹⁰².

Если опираться на факты, то до свадьбы родители Уинстона виделись довольно редко. Лорд Рандольф жил в Англии, Дженни – во Франции. Однако известно, что в конце февраля 1874 года, за девять месяцев до знакового события, лорд Рандольф приезжал в Париж и встречался там со своей возлюбленной. «Не так уж и трудно вообразить, что двое влюбленных, чья страсть была накалена долгой разлукой и страхом того, что их свадьба потонет в юридических дрязгах вокруг брачного контракта, решили настоять на браке собственным методом или просто дали эмоциям захлестнуть себя», – рассуждает по этому поводу биограф Дженни Ральф Мартин¹⁰³.

Если и так, то это говорит лишь о силе чувств, о внутренней свободе молодых людей и в какой-то степени – об их бесстрашии, а где-то и о безрассудстве. Поскольку, если бы брак так и не состоялся, репутация Дженни была бы безнадежно испорчена.

Если близость действительно имела место и если в семье об этом знали, то вполне логичным выглядит решение Мальборо не присутствовать на свадьбе, выражая тем самым неодобрение происходящим. Но были и другие обстоятельства, косвенно указывающие на обратное. В конце ноября появления первенца никто не ждал, планировалось, что роды пройдут в январе. И не в Бленхейме, а в Лондоне, в особняке на Чарльзстрит, где все это время ускоренно шли приготовления к предстоящему событию. Вот почему Дженни вела себя столь небрежно, гуляя со стрелками, управляя повозкой и танцуя на балу. Вот почему не приехал вовремя столичный акушер и пришлось довериться врачу из Вудстока. По этой же причине рядом не оказалось миссис Джером, о чем та очень сожалела¹⁰⁴. А у новорожденного не было подготовлено приданое, и свой жизненный путь будущий глава правительства начал в рубашонке, позаимствованной у жены местного адвоката Элизабет Энн Браун, которая тоже находилась в положении. Она, кстати, произведет на свет мальчика⁷, но немного позже: в конце января следующего года¹⁰⁵.

В подобной ситуации Черчилль мог бы смело процитировать В. С. Высоцкого: «Час зачатия я помню не точно, / Значит, память моя однобока». Однако у некоторых биографов популярно другое его высказывание о собственном рождении: «Хотя я и присутствовал при этом событии, у меня не осталось четких воспоминаний об обстоятельствах, приведших к нему»¹⁰⁶. Исследователям пока не удалось обнаружить документальных свидетельств, подтверждающих подлинность этих слов¹⁰⁷, но они весьма характерны для Черчилля. Не менее характерно было и его появление на свет, если оно и в самом деле случилось преждевременно. Уинстон не собирался ждать. Бал не бал, в срок не в срок – родился он вопреки планам и ожиданиям, заполнив коридоры дворца пронзительным криком. «Я сама произвела на свет немало детей, и все они имели прекрасные голосовые данные, – ворчала хозяйка Бленхейма. – Но такого ужасающего крика, как у этого новорожденного, я еще никогда не слышала»¹⁰⁸. Не исключено, что эта инвектива больше была обращена к матери новорожденного, с которой у герцогини сложились, повторим, весьма прохладные отношения.

Как бы там ни было, реплика герцогини Мальборо весьма примечательна. Уинстон не просто обратил на себя внимание – с первых же минут жизни он стал предметом обсуждений, причем не всегда лестных. Так будет продолжаться и дальше, на протяжении всех девяти лет его жизни, а также многих десятилетий, последовавших за его смертью.

Для того чтобы о пополнении в знаменитом семействе узнало как можно больше людей, известная газета *The Times* и менее известный *Oxford Journal* отметили в своих номе-

⁷ Его имя – Томас Стефан Браун (1875–1927), впоследствии он станет адвокатом.

рах, что «во дворце Бленхейм леди Рандольф Черчилль преждевременно разрешилась от бремени сыном», а *Oxford Times* сообщала также о «веселом колокольном перезвоне», устроенном в честь этого события¹⁰⁹.

В рождении Черчилля все было примечательно – общество, родители, время и конечно же место – единственный замок в Англии, который, не являясь собственностью Церкви и королевской семьи, именовался дворцом. «В наших владениях нет ничего равного ему», – с гордостью признавал король Георг III (1683–1760)¹¹⁰, и у него были на то основания. Бленхейм и по сей день продолжает сохранять свой необычный статус, совмещая в себе одновременно функции официальной резиденции, музея и национального монумента.

Исторические хроники свидетельствуют, что королева Анна (1665–1714), вдохновленная успехами Джона Черчилля в борьбе с французским королем Людовиком XIV (1638–1715), даровала своему подданному древнее королевское поместье Вудсток, графство Оксфордшир. Более тысячи лет назад здесь находились дворы саксонских королей: Этельреда II Неразумного (968–1016) и Альфреда Великого (849–899/901). Впоследствии живописное место облюбовали норманны, а за ними – Плантагенеты. Вудсток хорошо был знаком и Елизавете I (1533–1603), именно в Вудстоке, в сторожке замка, она провела свое заточение, пока ее сестра, Мария I Тюдор (1516–1558), больше известная как Мария Кровавая, повергала страну в ужас религиозных преследований¹¹¹.

К началу XVIII века старый замок, находившийся на территории Вудстока, превратился в руины, и королева Анна выделила значительные средства на строительство нового здания. Отныне история этих мест неразрывно была связана с именем Мальборо. На декоративной доске, помещенной над Восточными воротами, указано: «Этот дом построен для герцога Джона Мальборо и его супруги герцогини Сары архитектором сэром Ванбру в период между 1705 и 1722 годами. Его строительство стало возможно благодаря необычайной щедрости монарха. Королевское поместье Вудсток, а также грант в двести сорок тысяч фунтов стерлингов для постройки дворца были пожалованы Ее Величеством королевой Анной и легализованы решением парламента».

В действительности постройка Бленхейма стала причиной многочисленных недовольств и споров, несколько не уступающих по своей напряженности перу драматурга. Первые разногласия, появившиеся еще до начала строительства, были связаны с выбором архитектора. Супруга Мальборо леди Сара (1660–1744) предложила кандидатуру сэра Кристофера Рена (1632–1723), великого творца собора Святого Павла. Однако, несмотря на знакомство жены с одним из лучших архитекторов своего времени, герцог Мальборо решил пригласить более близкого ему сэра Джона Ванбру (1664–1726), работавшего в паре со своим ассистентом Николасом Хоксмуrom (1661–1736).

Строительство дворца, который было решено назвать в честь первого крупного сражения, выигранного генерал-капитаном Мальборо 13 августа 1704 года при маленькой деревушке в Баварии Гохштедт, коммуна Блиндхайм, было начато летом 1705 года. В связи с тем, что хозяин замка, проводивший в военных кампаниях большую часть своего времени, не мог принимать непосредственного участия в ходе работ, все переговоры с архитектором вела леди Сара. В основном она старалась сдерживать грандиозные идеи Ванбру. В результате и без того натянутые отношения между герцогиней и архитектором закончились крупной ссорой и отстранением Ванбру от участия в проекте. Когда же дворец был открыт в 1725 году, главного зодчего не только не пригласили на торжественную церемонию, но даже запретили входить в окружающий здание парк.

Не менее драматично выглядела и история с финансированием, которое предполагалось полностью осуществить за счет королевской казны. Пожаловав первоначально шестьдесят тысяч фунтов, королева Анна продолжала выделять средства по ходу строительства.

Подобная щедрость с ее стороны объяснялась не только военными заслугами Мальборо, но и дружбой, которая сложилась у Анны с его супругой. В первые годы правления королевы Анны Сара занимала должность хранителя королевских драгоценностей. Она не только была близка к монаршей особе, но и обладала огромным влиянием при дворе. И все же со временем отношения между двумя женщинами стали портиться, взаимное уважение все чаще подменяли нелепые ссоры, приведшие в 1711 году к окончательному разрыву. После конфликта финансирование строительства было прекращено, а Мальборо, оказавшиеся в опале, были вынуждены покинуть пределы страны и переехать на континент. Строительные работы были возобновлены только после кончины королевы Анны в 1714 году.

Несмотря на отстранение Ванбру и все финансовые перипетии, дворец, занимающий площадь около семи акров, в конце концов предстал перед публикой как грандиозное творение человеческого духа, удивляя поистине пантагрюэльевским размахом. Чего стоит одна площадка перед парадным входом, где спокойно мог разместиться полк солдат. А на вопрос, сколько комнат во дворце, первый хозяин Бленхейма с беззаботностью отвечал: «Точно не знаю, но недавно я подписал счет на покраску тысячи оконных рам!»¹¹². Для справки: в Бленхеймском дворце триста двадцать помещений – спален, кабинетов, гостиных, больших залов; кроме того имеется своя консерватория, капелла и огромная библиотека, длина которой составляет пятьдесят шесть метров¹¹³.

Некоторым Бленхейм казался громоздким и вычурным. Например, Вольтер (1694–1778) называл барочное творение Ванбру «грудой камней»¹¹⁴. В отличие от великого философа, Уинстон Черчилль любил этот замок, ставший свидетелем его рождения. Упомянув о нем, он писал: «Это итальянский дворец в английском парке. Сочетание столь разных, но в отдельности привлекательных стилей производит потрясающий эффект. Дворец строг в своей симметричности и завершенности, здесь нет насильственно навязанного контраста, нет неожиданной разделяющей линии между первозданностью и свежестью парка, с одной стороны, и помпезностью архитектуры – с другой»¹¹⁵.

Легко представить, какое чарующее воздействие на воображение впечатлительного ребенка оказывала атмосфера всех этих помещений, сохранивших память о выдающемся предке-полководце. На стенах висели огромные картины и гобелены, повествующие о военных успехах Мальборо. «Он предпочел хранить молчание о своих достижениях, – скажет Черчилль о первом герцоге. – Его ответом стал этот великий дворец»¹¹⁶.

Помимо огромного исторического значения, Бленхейм был связан для Уинстона Черчилля с множеством воспоминаний личного характера. Именно в его стенах в январе 1882 года он написал аккуратным, хотя и неуверенным почерком одно из своих первых писем⁸, в котором благодарил «дорогую маму» за «замечательные подарки» – солдатиков, флаги и крепость¹¹⁸. Весну 1882 года Уинстон провел у своего дедушки и признался леди Рандольф, что местные парковые ансамбли понравились ему гораздо больше, чем столичные Грин-парк и Гайд-парк¹¹⁹.

После кончины 7-го герцога Мальборо в 1883 году и перехода поместья к его старшему сыну Уинстон перестал посещать любимый дворец. Он вернется в Бленхейм только в 1893 году, когда его дяди уже не будет в живых, а новым хозяином обширных владений станет Санни, 9-й герцог Мальборо (1871–1934), получивший свое прозвище – Санни – не из-за причастности к солнцу, а от своего предыдущего титула: граф Сандерлендский. Между кузенами сложатся хорошие отношения. С самых первых встреч они часто проводили время

⁸ Первое сохранившееся письмо Уинстона Спенсера Черчилля приходится на лето 1881 года. Оно было написано в Вентноре, где мальчик гостил у брата своей няни. Письмо адресовано «моей дорогой маме» от «твоего любимого уинстона» (в последнем слове сохранена оригинальная орфография. – Д. М.)¹¹⁷.

вместе, обсуждая волнующие их темы до глубокой ночи¹²⁰. Впоследствии Черчилль будет говорить о 9-м герцоге Мальборо как о «своем величайшем друге»¹²¹.

Что же касается знаменитого замка, то Черчилль и в зрелые годы любил это место. До конца своих дней он часто приезжал в резиденцию Мальборо, где для него всегда были зарезервированы комнаты¹²². Именно в Бленхейме он проведет первую брачную ночь. Именно в Бленхейме он будет активно работать над своими лучшими историческими произведениями, два из которых будут посвящены личностям, также связанным с этим дворцом. Именно в Бленхейме он примет «два самых важных решения своей жизни»: родиться и жениться. По словам Черчилля, ему «повезло в обоих случаях»¹²³.

И именно в Бленхейме, если вернуться к истокам, Черчилль прожил первый месяц своей жизни. Двадцать третьего декабря 1874 года было составлено следующее свидетельство о его рождении¹²⁴:

№	Когда и где родился	Имя	Пол	Имя отца	Имя матери	Род занятий отца	Дата регистрации	Подпись регистратора
388	30.11.1874 Бленхейм	Уинстон Леонард	Мальчик	Рандольф Генри Спенсер Черчилль	Дженни Черчилль ранее Джером	Член парламента от Вудстока	23.12.1874	Джордж Фостер

Двадцать седьмого числа капеллан домашней церкви преподобный Генри Уильям Юл окрестил новорожденного. Крестным отцом стал Леонард Джером, крестной матерью – сводная сестра 7-го герцога Мальборо маркиза Клементина Августа Кэмден (1848–1886)¹²⁵, присутствовавшая также при рождении младенца. Забавное совпадение – свидетельницей появления юного Черчилля на свет и его крестной стала женщина по имени Клементина. Именно так будут звать будущую супругу потомка Мальборо.

На следующий день после крещения сына лорд Рандольф отправил письмо доктору Фредерику Тейлору, принимавшему роды. Он поблагодарил его за «добрые услуги», а также за «высокий профессионализм и заботливое внимание к ее светлости во время родов». К письму прилагался чек на 25 гиней¹²⁶.

В начале 1875 года лорд Рандольф с супругой и маленьким сыном переехали в Лондон, где родители Уинни будут вести «веселую жизнь, изобилие которой превышало имеющийся доход»¹²⁷. Позже, описывая этот период в биографии отца, Черчилль будет говорить о «днях, наполненных светским весельем и семейным счастьем»¹²⁸.

Необремененное бытовыми мелочами времяпрепровождение, безусловно, оказывало влияние на привычки лорда Рандольфа и его супруги. Влияние это распространялось и дальше, коснувшись их первенца. Рассматривая жизнь Уинстона Черчилля, всегда следует помнить, что он не только принадлежал к слоям высшей аристократии – он родился в расцвет Викторианства, переняв ценности, устои и нравы этой эпохи¹²⁹. Он вырос в обществе, для которого роскошные особняки были изначальной данностью, а множество слуг – необходимостью.

Друзья Черчилля вспоминали впоследствии, что он не мог жить без слуг. «Уинстон-паша», – шутила его супруга¹³⁰. Но его штату было не до смеха, и работать с Уинстоном было нелегко. Руководствуясь все теми же викторианскими стандартами, он требовал полной отдачи с выходом на работу семь дней в неделю. Немногие были способны выдержать столь напряженный график и обычно не задерживались у требовательного шефа больше года¹³¹.

Несмотря на свою любовь к роскоши, Черчилль пытался убедить свое окружение, что «всегда стремился понять смысл аскетизма»¹³². Но аскеза была не для него. Правда, однажды он решил обойтись без слуг. Было это после начала Второй мировой войны, в 1939 году. Черчилль решил внести свою лепту во всеобщую экономию, совершив рабочий визит в Париж без личного сопровождающего. Опыт оказался неудачным. На вокзале Гар-дю-Нор британского политика встречал духовой оркестр, но он, неожиданно для всех, быстро свернул церемонию. Холодно поздоровался с встречающими, быстро сел в автомобиль и недовольным тоном приказал ехать в британское посольство. Позже он объяснит, что произошло:

«Решив отправиться в путешествие без слуг, я с удивлением для себя обнаружил, что довольно успешно сел в поезд, заказал себе выпить, зажег сигару и затем приступил к чтению вечерних газет. Должным образом я нашел свою уборную, переоделся в пижаму, чудесно выспался ночью и с утра выпил чашечку чая. Не испытывая никаких трудностей, я побрился, причесался, завязал бабочку, надел пиджак и уже когда, выйдя из поезда, хотел радостно поприветствовать собравшихся, то вдруг с ужасом обнаружил, что забыл в купе вставную челюсть»¹³³.

Влияние викторианских стандартов в отношении нашего героя и приверженность к ним представляются тем более важными, поскольку расцвет его политической деятельности выпадет на эпоху с иными нормами и правилами. И в этом нет ничего удивительного. Парадоксы, несуразности и необычности встречаются в биографии Черчилля сплошь и рядом. Например, кто бы мог предположить, что человек, который станет символом британской стойкости, свои первые воспоминания связывал отнюдь не с Лондоном и даже не с Англией. Первые воспоминания будущего премьера касались Ирландии! Да-да, именно непокорной Ирландии!

В 1877 году, после назначения 7-го герцога Мальборо вице-королем, семья Черчиллей переехала в Дублин. Несмотря на громкое название, должность вице-короля в основном имела представительский характер и не была облечена сколько-нибудь серьезными полномочиями. Еще больше неудобств назначение в Ирландию сулило в бытовом плане. Хозяин Бленхейма не горел желанием покидать любимое поместье и прерывать размеренный уклад жизни, однако обстоятельства сложились не в его пользу, и связаны они были с опрометчивым поведением его сыновей. Сначала отличился старший из них – маркиз Блэндфорд, которого авторитетный историк британской аристократии сэр Дэвид Кэннедин назвал «одним из самых постыдных людей, когда-либо обесценивающих высочайшее положение в британском пэрстве»¹³⁴.

Маркиз Блэндфорд вступил в любовную связь с супругой 7-го графа Эйлисфорда (1849–1885) Эдит (1844–1897), чем вызвал заслуженный гнев не только ее супруга, но и принца Уэльского, который также «уделял повышенное внимание молодой графине»¹³⁵. Затем в дело вмешался лорд Рандольф. Учитывая хорошие отношения с наследником престола, он мог затушить пламя светского скандала. Но вместо этого раздул его еще больше, начав безрассудно шантажировать принца Уэльского любовными письмами к графине Эйлисфорд. «Корона Англии в моем кармане», – декларировал он, упиваясь собственной неосторожностью¹³⁶.

Вскоре скандальная история была доведена до королевы, которая нашла ее «постыдной и ужасной»¹³⁷. Лорд Рандольф был быстро поставлен на место. Сначала принц Уэльский вызвал его на дуэль. Однако драться с наследником престола зазнавшийся аристократ, конечно, отказался. Затем к сыну герцога Мальборо был направлен эмиссар – глава оппозиции лорд Хартингтон, пользующийся огромным уважением в обществе⁹. Он потребовал у

⁹ Спенсер Комптон Кавиндиш, маркиз Хартингтон, 8-й герцог Девонширский (1833–1908), британский государственный

лорда Рандольфа письма и, заручившись его согласием в праве распоряжаться ими в дальнейшем по своему усмотрению, отправил их на глазах изумленного собеседника в камин¹³⁸. На этом конфликт был исчерпан, но Черчилли подверглись ostracism. Принцу Уэльскому достаточно было только намекнуть, что он не переступит порог дома, который принимает неугодных, чтобы превратить некогда почитаемое и всеми любимое семейство в изгоев общества.

Наступило время, когда «светское общество перестало улыбаться лорду Рандольфу», – добавив немного драматизма, напишет Уинстон Черчилль. «Влиятельные враги были обеспокоены лишь тем, чтобы унижить его. Присущие ему гордость и тонкость чувств усиливали каждое проявление холодности, доводя их до оскорбления. Лондон стал ему ненавистен»¹³⁹.

Долго так продолжаться не могло, и выход из щекотливой ситуации пришлось искать рассудительному Дизраэли, который предложил для снятия напряженности на время удалить семейство из столицы, отправив Черчиллей с почетной миссией в Ирландию. Сначала герцог Мальборо ответил отказом. Однако впоследствии ему ничего не оставалось, как принять предложение. «Дедушка охотнее остался бы в Англии, жил бы себе в Бленхеймском дворце и похаживал на заседания кабинета министров, – не без иронии скажет его внук, когда ни 7-го герцога Мальборо, ни его старшего сына, ни Рандольфа Черчилля, ни даже принца Уэльского уже не будет в живых. – Но он всегда слушался Дизраэли»¹⁴⁰.

Вся глубина решения мудрого политика проявлялась в том, что вместе с герцогом Мальборо в Дублин отправлялся главный возмутитель спокойствия – лорд Рандольф следовал за отцом в качестве неоплачиваемого секретаря. Неоплачиваемого, потому что в противном случае ему пришлось бы отказаться от места в парламенте¹⁴¹. Одновременно с лордом Рандольфом в январе 1877 года Лондон покинула и его семья.

Описывая отъезд «их светлостей герцога и герцогини Мальборо», журналисты *The Times* допустили любопытную ошибку, назвав нашего героя «лордом Уинстоном Спенсером Черчиллем»¹⁴². На протяжении всей своей жизни британский политик, несмотря на все свои награды, почести и звания, никогда не будет носить титул «лорд».

На первых фотографиях, которые запечатлели двухлетнего Уинни в Ирландии, мы видим полненького ребенка с кудряшками, одетого в девчоночий наряд. Это не ошибка и не казус, а распространенная в то время мода, согласно которой в первые несколько лет жизни мальчиков и девочек одевали одинаково. Конец этому обычаю положила Первая мировая война, прочертившая гендерные отличия уже на начальной стадии человеческой жизни¹⁴³. Черчилль, однако, ходил в платьицах недолго. Сохранилась фотография пятилетнего Уинни в твидовом костюме с бабочкой. В зрелые годы британского политика можно будет увидеть в твидовом костюме нечасто (в основном на отдыхе), но бабочка станет неизменным атрибутом его гардероба.

В своих мемуарах Черчилль уверяет читателей, что одним из первых его воспоминаний стало открытие герцогом Мальборо памятника фельдмаршалу Хью Гофу (1779–1869) в 1878 году: «Огромная темная толпа, конные солдаты в ярко-красном, веревки, тянущие вниз блестящее бурое полотно, голос моего грозного дедушки, гремевший над толпой». Он даже запомнил отдельные фразы: «...и убийственным залпом разметал вражеский строй»¹⁴⁴. На самом деле речь вице-короля звучала иначе, да и открытие памятника состоялось не в 1878-м, а в начале 1880 года, вскоре после столетнего юбилея фельдмаршала и незадолго до отъезда семейства герцога Мальборо из Ирландии¹⁴⁵.

Несмотря на небольшие неточности, Ирландия станет местом первых осознанных воспоминаний Уинстона Черчилля, которому в процессе своей политической деятельности придется не раз возвращаться к решению болезненного ирландского вопроса. Более того, именно в Дублине будущий премьер, а пока просто ребенок, познакомится с политикой. И знакомство это будет малоприятным. Во время прогулки маленького Уинни на ослике сопровождавшие его взрослые приняли стрелков на марше за фениев – членов тайного общества, борющихся за освобождение Ирландии. Все очень перепугались. Но больше всех испугался ослик. Он стал брыкаться, сбросив наездника на землю. Результатом падения стало сотрясение мозга и несколько ушибов¹⁴⁶.

Одновременно с политикой там же, в Дублине, юный Черчилль познакомился с искусством. Причем при весьма трагических обстоятельствах. Внук вице-короля должен был посетить детский спектакль. Когда назначенный день наступил, ребенок с сожалением узнал, что представление не состоится: театр взорвали. Здание сгорело дотла, и сгорело вместе с директором, от которого осталась только связка ключей. Не понимая, что произошло, Уинстон просил показать ему эту связку, однако его просьбе «не вняли»¹⁴⁷.

Важным событием в семье лорда Рандольфа и Дженни во время их пребывания в Ирландии стало рождение 4 февраля 1880 года второго ребенка – Джона Стрейнджа Спенсера Черчилля (ум. в 1947 г.). Уинстон всегда называл брата Джеком и поддерживал с ним теплые отношения. Когда его впоследствии спросят, почему он так любит компанию своего брата, он ответит: «Потому что Джек нескучный человек»¹⁴⁸. Однако дело было не только в этом. На протяжении всей своей жизни Черчилль будет по мере возможностей помогать младшему брату. Показательны его слова, адресованные леди Рандольф в декабре 1902 года: «Я постоянно думаю о Джеке. Он меня очень беспокоит. Пожалуйста, сосредоточь на нем свое внимание. Он какой-то покинутый и одинокий»¹⁴⁹.

Несмотря на наличие двоих детей, Дженни не слишком обременяла себя материнскими заботами. Ей было чем заняться в Дублине: плавание под парусом, ловля крабов и форели, охота на вальдшнепов, ну и, конечно, верховая езда. Мать Уинстона никого не могла оставить равнодушным. «Гибкая фигура, словно сотканная из другой, чем у нас, материи – сверкающей, летящей, ослепительной, – восторженно писал один из ее поклонников. – Обликом скорее пантера, нежели женщина, только с развитым интеллектом, какого не сыскать в джунглях. Ее любезность, жизнелюбие и идущее от сердца стремление всех заразить радостной верой в жизнь сделали ее центром кружка верноподданных»¹⁵⁰.

«Этот фрагмент очень важен, – считает биограф Дженни Анна Себба. – В этом высказывании драматическим образом раскрыта ее женская сущность, бросающая вызов господствующей в то время сексуальной морали»¹⁵¹.

На сходство леди Рандольф с пантерой указывали и другие современники. «У нее был лоб пантеры и большие исключительные глаза, ее взгляд пронзал насквозь, – вспоминала супруга премьер-министра Марго Асквит (1864–1945). – Если бы леди Рандольф Черчилль была бы вся, как ее лицо, она могла бы править миром»¹⁵².

Похожие на пантер женщины способны произвести впечатление, но, как верно замечает Уильям Манчестер, их редко отличает материнская забота¹⁵³. Уинстону «мать всегда казалась сказочной принцессой – лучезарным существом, всемогущей владычицей несметных богатств». «Она светила мне, как вечерняя звезда, – напишет он в мемуарах. – Я нежно любил ее, правда, издали»¹⁵⁴.

Последнее уточнение – «издали» – самое важное. Сохранилось несколько писем Дженни супругу, в которых она описывает свои впечатления от общения с первенцем. Пожалуй, в них больше изумления, чем истинной материнской теплоты. «Уинстон был со мной, он

такой прелестный», – делится она. Пишет Дженни и том, что Уинни, узнав, что она должна оставить его на время, закричал: «Я не могу, чтобы моя мама уехала, я побегу за поездом и прыгну в него». Другое письмо способно вызвать изумление. Оказывается, няня просила миссис Черчилль уделить внимание одежде Уинни, посчитав, «позором» небольшое количество вещей и их «потрепанное» состояние¹⁵⁵. Все бы ничего, но это замечание сделано женщине, которая редко появлялась на балах в одном и том же платье!

Отношение леди Рандольф к сыну определялось средой, для которой няньки, гувернантки, кормилицы и учителя составляли обычную практику. В эпоху правления королевы Виктории несовершеннолетние дети в благородных семействах вели себя тихо и незаметно¹⁵⁶. «В большинстве аристократических семей между поколениями лежала пропасть сдержанности, охраняемая рамками благопристойности, – объясняет Ральф Мартин. – Дети воспринимали родителей как непонятных персонажей с непредсказуемым настроением. Любой нежелательный поступок или порыв ребенка вроде невольных слез или смеха мог стать причиной мгновенного изгнания обратно в детскую или даже лишения десерта»¹⁵⁷.

Листая подшивки журналов и газет того времени, можно встретить удивительные советы. Например, солидный журнал *The World* в одном из своих номеров за ноябрь 1874 года рекомендовал великосветским дамам «держаться подальше от детской, успокаивая себя тем, что у вас есть малыш. Пусть гувернантка приведет детей пару раз в гостиную, чтобы с ними можно было поиграть, как с милыми котятками»¹⁵⁸.

Сын Черчилля Рандольф (не путать с отцом – лордом Рандольфом) утверждает, что «презрение и отсутствие интереса к Уинстону со стороны его родителей было поразительно даже по стандартам» того времени¹⁵⁹. Однако это не означает, что наш герой был предоставлен сам себе. Вскоре после рождения в его жизни появилась женщина, оказавшая огромное влияние на его воспитание и взросление. По словам близкой подруги Черчилля Вайолет Бонэм Картер (1887–1969), именно эта женщина станет «его утешителем, гарантом его силы и стойкости, его единственным и неиссякаемым источником человеческого понимания, тем очагом, рядом с которым будут высыхать его слезы и успокаиваться сердце»¹⁶⁰. Аналогичные высказывания свойственны и современным биографам: «Ее влияние на детство Уинстона трудно переоценить. Добрая и верная, она смягчала горечь родительского невнимания, служила ему опорой и тихой гаванью в минуты огорчений»¹⁶¹.

Речь идет о няне – миссис Элизабет Энн Эверест (1833–1895). Учитывая, что никаких свидетельств о мистере Эвересте не сохранилось, вполне возможно, что приставка «миссис» являлась скорее данью уважения, чем свидетельством замужества. В то же время это было отступлением от правил: в Викторианскую эпоху не состоящих в браке нянь и гувернанток называли «мадам».

До устройства к чете Черчиллей Элизабет Эверест двенадцать лет ухаживала за дочерью священника из Камберленда Эллой, так что детство будущего политика прошло, как он сам выразился, «под знаком „Эллоньки“» – «хотя я ее и в глаза не видел, я все про нее знал: что она любит есть, как молится, когда капризничает и когда ведет себя примерно»¹⁶².

С первых же дней знакомства с Уинстоном миссис Эверест проникнется к своему воспитаннику не просто глубокой симпатией, но и нежной любовью. Чувства будут взаимны. Не в состоянии выговорить полностью слово «женщина» (*Woman*), маленький Уинни называл Элизабет просто Вум (*Woom*) или Вумани (*Woomany*). Позже он признается, что миссис Эверест была его «наперсницей». «Она везде следовала за мной и всячески меня баловала. С ней я делился многими своими печальями»¹⁶³.

В архиве Черчилля сохранилось множество писем, красноречиво показывающих, какую потребность он испытывал в детстве и отрочестве в присутствии любимой няни. «Я

так слаб, почти ничего не ел в течение последних четырех дней, – жаловался четырнадцатилетний Уинстон своей матери на плохое самочувствие. – Миссис Дэвидсон¹⁰, которая навещает меня три раза в день, надеется, ты разрешишь Вумани завтра приехать ко мне. Она считает, что дружеское общение пойдет мне на пользу. Не знаю, как пройдет день без Вумани. Я надеюсь, ты позволишь ей приехать, иначе я буду очень разочарован»¹⁶⁴. В очередной раз захворав (теперь – после падения с велосипеда), Уинстон будет благодарить леди Рандольф: «Огромное спасибо, что разрешила Вум приехать. Позволь ей завтра тоже побыть со мной»¹⁶⁵.

Миссис Эверест продолжит заботу об Уинстоне и после того, как тот подрастет. Она пришлет ему «большое пальто из твида и несколько дорогих фланелевых рубашек для сна»¹⁶⁶. «Дражайший мальчик, выходя на улицу в столь ужасную погоду, старайся не промокнуть и не забывай надевать пальто», – наставляла она юношу, которому полтора месяца назад исполнилось шестнадцать лет¹⁶⁷. Подобные просьбы – «не промокать»¹⁶⁸, «не ходить в мокрых ботинках»¹⁶⁹ – встречаются неоднократно. Были у миссис Эверест и более серьезные опасения. Она всегда беспокоилась из-за неосторожного поведения Уинстона на железнодорожном перроне. «Не запрыгивай в поезд, когда он уже начал движение, – умоляла она его. – Я всегда очень волнуюсь об этом. Когда ты погружаешься в чтение и забываешь о поезде, то будь внимательнее, милый мальчик»¹⁷⁰.

В семье Черчиллей к миссис Эверест относились с уважением и любовью. Исключение составляла герцогиня Мальборо, называвшая ее «ужасной старухой». Кузен Уинстона Шейн Лесли считал, что причина столь явной антипатии заключалась в неприязни, которую миссис Эверест испытывала к Бленхейму. По ее скромному мнению, старый замок был холодным и полным сквозняков, плохо сказывавшимся на здоровье детей¹⁷¹. По иронии судьбы, когда Уинстон и Джек вырастут и Черчилли уже не будут нуждаться в услугах миссис Эверест, ее возьмут ключницей в лондонский дом герцогини Мальборо. Как и следовало ожидать, она недолго продержится на новом месте. Не самые лучшие отношения с хозяйкой, а также неблагоприятная финансовая ситуация в семье Черчиллей приведут к тому, что осенью 1893 года Элизабет Эверест будет сначала отправлена домой на праздники, а затем уведомлена письмом о своем увольнении.

Уинстон будет крайне раздосадован столь «жестоким и подлым» обращением с любимым человеком. Изменить что-либо было не в его силах. Однако сидеть сложа руки было не в его правилах. Он написал длинное, пятнадцатистраничное письмо матери, в котором заявил, что именно Эверест «больше чем кто-либо другой ассоциируется у меня с домом», что именно «она больше чем кто-либо на свете любит нас с Джеком»¹⁷².

Читать подобные строки леди Рандольф было неприятно. Однако не признать, что Уинстон был прав, когда требовал «более справедливого и великодушного» обращения с пожилой женщиной, которую фактически выставили на улицу без средств к существованию после «почти двадцати лет преданной службы»¹⁷³, она не могла. Оспаривать же решение герцогини, в лондонском доме которой на тот момент проживала чета Черчиллей, также было проблематично. Дженни найдет место для миссис Эверест у одного из епископов, а также время от времени будет поддерживать ее финансово, направляя небольшие суммы денег¹⁷⁴.

Элизабет не забудет своих воспитанников и после увольнения. Каждый год на Рождество и в дни рождения она будет направлять им подарки, покупая милые пустяки на свои скромные средства. «Мой дорогой Уинни, я хочу видиться с тобой ежедневно, хотя это и

¹⁰ Супруга классного руководителя в школе Хэрроу.

невозможно, – признается она в одном из писем, обмен которыми не прекращался. – Все что мне теперь остается, это думать о тебе и смотреть на твою фотографию»¹⁷⁵.

Позже, когда Черчилль будет описывать отношения няни и ее воспитанника в своем романе «Саврола», из-под его пера выйдут следующие строки: «Вся любовь ее доброй старей души была сосредоточена на человеке, которого она лелеяла с тех пор, когда он был еще беззащитным ребенком. И он не забыл об этом»¹⁷⁶. Любовь к няне Черчилль сохранит на протяжении всей жизни. Портрет миссис Эверест будет висеть в его кабинете до конца дней¹⁷⁷. На страницах романа «Саврола» он попытается понять причину ее бескорыстной любви, но так и не найдет исчерпывающего ответа:

«Странная вещь – любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная любовь на свете. Ведь насколько естественна любовь матери к сыну – такова ее материнская природа, юноши к девушке – это тоже может быть объяснено, собаки к хозяину – тот ее кормит, мужчины к другу – он стоял рядом в моменты сомнений. Во всех этих случаях есть разумное объяснение. Но любовь приемной матери к ребенку, заботу о котором ей поручили, на первый взгляд кажется совершенно необъяснимой»¹⁷⁸.

Однако важно не то, как объяснить чувства бездетных и незамужних женщин. Гораздо важнее то влияние, которое они оказывают на формирование личности своих воспитанников. Пример Черчилля в этом отношении очень показателен, хотя и не уникален. Годы спустя, читая «Автобиографию» своего кумира, известного английского историка Эдварда Гиббона, внимание нашего героя привлекут строки о старой нянюшке: «Если есть кто-то, а такие, я верю, есть, кому в радость, что я живу, благодарить они должны эту женщину». Черчилль перечитывает эти слова несколько раз, заметив: «Я думал о миссис Эверест, пусть это будет ей эпитафией»¹⁷⁹.

В апреле 1880 года в Англии прошли очередные всеобщие выборы, на которых убедительную победу одержала Либеральная партия под руководством Уильяма Гладстона. Правительство Дизраэли, включая вице-короля Ирландии герцога Мальборо, было отправлено в отставку. В результате этих событий семья Черчиллей вернулась в Лондон. Однако пройдет еще четыре долгих года, прежде чем принц Уэльский, сменив гнев на милость, вернет лорда и леди Рандольф в свое окружение.

Незадолго до отъезда Черчиллей из Ирландии перед Уинстоном, как он сам потом выразится, «нависла угроза образования», воплотившаяся в «зловещей фигуре гувернантки»¹⁸⁰. Желая оградить впечатлительного ребенка от неприятных переживаний, миссис Эверест решит пройти с ним предварительный курс по книге «Чтение без слез». Однако учебник не оправдал своего названия. В течение нескольких дней бедная женщина безуспешно будет указывать пером на различные буквы и слоги, пытаясь добиться от воспитанника, чтобы он произнес их. Когда же «роковой день» настанет и гувернантка появится в доме, юный Черчилль не придумает ничего лучше, как выбежать на улицу и найти убежище в ближайших кустах. Именно так – с бегства начался двенадцатилетний период его обучения, наполненный «тяжким трудом, потом, слезами», а иногда даже и «кровью».

Проявленная Уинни слабость оказалась кратковременной. Гувернантка говорила о своем новом подопечном, как об «очень решительном мальчишке». Еще бы, недовольный, как с ним обращаются, он однажды позвонил в колокольчик и, когда появился слуга, в приказном тоне заявил, чтобы гувернантку проводили прочь. «Она слишком строгая», – объяснит Уинстон. Женщину звали мисс Хатчинсон. Совпадение! Она же будет гувернанткой Клемента Ричарда Эттли (1883–1967), лидера Лейбористской партии, заместителя Черчилля в коалиционном правительстве в годы Второй мировой войны, а также его преемника на посту премьер-министра в послевоенные годы¹⁸¹.

Как бы Уинстон ни стремился выдворить гувернантку, процесс образования был неотвратим. Третьего ноября 1882 года, за четыре недели до восьмого дня рождения, его отправили в подготовительную школу Сент-Джордж, расположенную в Аскоте. Черчилль плохо отнесся к подобным переменам, ограничивавшим его личную свободу. Ведь к тому времени он был обладателем поистине замечательных игрушек – паровоза, волшебного фонаря и огромной коллекции оловянных солдатиков. С началом же образования весь его мир со сказочными персонажами и детскими баталиями рушился, словно карточный домик. Уинстон станет слезно умолять родителей повременить, но с его «мнением считались не больше, чем с желанием появиться на свет»¹⁸².

В момент приезда Уинстона в Сент-Джордж все ученики находились на прогулке, что предоставляло ему хорошую возможность поближе познакомиться с будущим преподавателем. Когда они остались наедине, учитель достал тоненькую книжечку в зеленовато-коричневой обложке и спросил:

– Ты раньше занимался латынью?

– Нет, сэр, – прозвучал настороженный ответ.

– Это латинская грамматика, тебе нужно выучить этот параграф. Я зайду через полчаса и проверю, что ты выучил.

Когда учитель вышел из класса, Черчилль медленно придвинул к себе учебник и, заглянув в него, увидел:

mensa – стол

mensa – о стол

mensam – стол

mensae – стола

mensae – к столу или для стола

mensa – столом, со столом или из стола

В его голове тут же промелькнуло: «Боже мой! Что бы это все может значить? Где здесь смысл? Все это полнейшая ерунда...» Единственный выход – зазубрить все наизусть.

Когда учитель вернулся, Уинстон неохотно сказал то, что успел запомнить.

Увидев, что его ответ произвел благоприятное впечатление, он набрался смелости и спросил:

– А что это все значит, сэр?

– Что написано, то и значит. *Mensa* – «стол». *Mensa* есть существительное первого склонения. Всего их пять, ты освоил единственное число первого склонения.

– Но все же что это значит? – не унимался Уинстон.

– *Mensa* – означает «стол», – стал раздражаться наставник.

– Тогда почему *Mensa* означает «о стол»? И вообще, что значит «о стол»?

– *Mensa*, «о стол», – это звательный падеж.

– Но почему «о стол»?

– «О стол» ты будешь говорить в том случае, если обратишься к столу.

– Но я никогда не буду разговаривать со столом, – тут же выпалил мальчик.

– Если ты будешь мне дерзить, то тебя накажут, и можешь мне поверить, сделают это самым суровым образом¹⁸³.

В тот момент Черчилль не придаст этим словам большого значения, но за два года учебы в Сент-Джордже ему придется не раз испытывать на себе строгость местного образования.

В своих письмах из Сент-Джорджа Уинстон убеждал родителей, что «очень счастлив в школе»¹⁸⁴. На самом деле это было не так. Полагал ли сын лорда Рандольфа, что его переписка читается наставниками, или просто верил в то, что, как настоящий джентльмен, он не

должен жаловаться, молча снося неблагоприятные обстоятельства? Неизвестно. Известно лишь, что его пребывание в школе не имело ничего общего с положительными эмоциями. «Как же я ненавидел эту школу, – признается он позже. – Каким мучением обернулись проведенные там два с лишним года. Я считал дни и часы до окончания семестра, когда вырвусь с этой ненавистной каторги»¹⁸⁵. Да-да, именно «каторги». Незадолго до своего восьмидесятилетия, вспоминая детство, Черчилль вновь назовет Сент-Джордж «штрафной каторгой»¹⁸⁶.

Столь резкое недовольство было обусловлено двумя причинами – родителями и системой образования. Рассмотрим по порядку.

Одной из основных тем, что красной нитью проходит в письмах маленького Уинстона к матери, является мольба «приехать ко мне как можно скорее»¹⁸⁷. О том, как реагировала леди Рандольф, лучше всего говорит сохранившийся в архиве Черчилля документ под номером *CHAR 28/13/18*. Ориентировочно это письмо датируется июнем 1883 года. Уинстон просит «разрешить Эверест и Джеку приехать посмотреть, как я занимаюсь спортивными упражнениями». «Приезжай также сама, любимая, – пишет восьмилетний ребенок. – Я буду ждать тебя, Джека и Эверест в субботу» (выделено в оригинале. – Д. М.).

Леди Рандольф не приедет.

Но этот документ интересен не столько своим содержанием и не тем, что мать не откликнулась. На обратной стороне листа карандашом рукой Дженни сделаны заметки. В два столбца, по девять имен в каждом, на письме своего чада она набросала список гостей для очередного званого ужина¹⁸⁸. Когда ей было навещать сына, если черед великосветских мероприятий не прекращалась? Да что там навещать, – у нее не всегда хватало времени даже на то, чтобы просто черкнуть ребенку несколько строк. И такое, к примеру, послание девятилетнего Уинстона воспринимается как крик души: «Дорогая мама, не писать мне – очень жестоко с твоей стороны. Я получил только одно письмо от тебя в этом семестре»¹⁸⁹. «Уинстон просил хлеба, а она протянула ему камень», – резюмирует Уильям Манчестер взаимоотношения между самыми близкими людьми¹⁹⁰.

Однако утверждать, что воспитание Уинстона не волновало Дженни, будет не совсем корректно. Да, у нее не было времени, а возможно, и желания навещать его в Аскоте. Но что касается успехов в учебе и поведения своего старшего сына, то этим вопросам леди Рандольф старалась уделять самое пристальное внимание. Ситуация, правда, осложнялась тем, что Черчилль был *enfant terrible*¹¹¹⁹¹. В первом отчете в декабре 1882 года директор школы сообщил, что Уинстон занял по успеваемости последнее место в классе. Кроме того, он умудрился за один месяц опоздать четыре раза¹⁹². После возвращения домой на рождественские каникулы леди Рандольф была шокирована «громкими и вульгарными» речами сына¹⁹³. Дурное влияние Уинстона не замедлит распространиться и на младшего брата. Когда друг лорда Рандольфа сэр Генри Драммонд Чарльз Вольф (1830–1908) спросит Джека:

– Хороший ли ты мальчик?

Тот ответит:

– Да, но мой старший брат учит меня быть непослушным и озорным¹⁹⁴.

Возможно, Дженни сторонилась своего сына, потому что не знала, как с ним справиться. «Я буду так рада, когда Уинстон вернется в школу, – делилась она своими переживаниями с супругом. – Он такой бездельник с капризным и шкодливым поведением, им невозможно управлять»¹⁹⁵. Или в другой раз: «Какое облегчение, что я спланировала Уинстона»¹⁹⁶.

¹¹ Несносный ребенок (*фр.*).

Второй причиной, омрачившей пребывание Черчилля в Аскоте, явились местные порядки и дисциплинарные взыскания. В момент его поступления в Сент-Джордж школа управлялась преподобным Гербертом Снейд-Киннерсли (1848–1886) и его супругой Флорой¹⁹⁷.

Привилегированное заведение было одним из самых дорогих¹² школ Англии. Количество учеников было небольшим – всего тридцать пять человек, классы оборудованы электричеством, на территории – собственная часовня, большой плавательный бассейн, площадки для игры в гольф, футбол и крикет. Все преподаватели, магистры гуманитарных наук, вели уроки в специальных мантиях и академических шапочках²⁰⁰.

Готовя выпускников для поступления в Итон, они вели обучение по так называемой итонской модели, уделявшей основное внимание не столько образованию, сколько воспитанию. Но в случае с Черчиллем эта система обучения оказалась неэффективной. В его отчетах по успеваемости постоянно встречаются упоминания об опозданиях и плохом поведении. Наиболее удивительно выглядит замечание Снейд-Киннерсли об отсутствии у ребенка амбиций²⁰¹. И это у Черчилля нет амбиций? Буквально через несколько лет тринадцатилетний Уинстон признается матери, что его «переполняют амбиции и желание превзойти других»²⁰². И еще один штрих в тему. Однажды после прогулки майским воскресным вечером 1880 года с будущим премьер-министром Арчибалдом Розбери сэр Чарльз Дилк (1843–1911) записал в дневнике: «Я пришел к заключению, что Розбери – самый амбициозный человек, которого я когда-либо встречал». Перечитывая эти строки спустя годы, он сделает на полях заметку: «До тех пор, пока не познакомился с Уинстоном Черчиллем»²⁰³.

Делая вывод об отсутствии у семилетнего Уинстона амбиций, Снейд-Киннерсли руководствовался собственной логикой. Директор школы не мог понять, почему его воспитанник по успеваемости плетется в конце класса, обладая при этом «очень хорошими способностями»²⁰⁴. Отсутствие амбиций в данном случае воспринималось главой школы как наиболее разумное объяснение плохих оценок. Но причина заключалась в другом и определялась характерной чертой нашего героя – упрямством.

Не блистая знаниями на уроках, Черчилль открыл для себя удивительный мир чтения. Все началось с подарка отца – «Острова сокровищ». Глотая одну книгу за другой, он продолжал числиться среди отстающих учеников и стал настоящей головной болью для преподавателей. А все было просто. «Если какой-либо предмет не возбуждал моего воображения, то я просто не мог его изучать, – объяснит он свое отношение к учебе. – За все двенадцать лет, что я провел в учебных заведениях, ни одному преподавателю не удалось заставить меня написать даже стих на латыни или выучить хоть что-нибудь из греческого языка, исключая алфавит»²⁰⁵.

Вряд ли такой вольный подход к обучению мог кому-то понравиться. Да он и не нравился, и в итоге между Уинстоном и администрацией Сент-Джорджа началась конфронтация. Когда директор наказал его за кражу сахара из кладовки, Черчилль в клочья разорвал в отместку любимую соломенную шляпу обидчика²⁰⁶. «В распоряжении преподавателей имелось достаточно средств, чтобы заставить меня учиться, но я был упрям», – не без гордости признается он много позже²⁰⁷.

Литератор Морис Бэринг (1874–1945), также учившийся в Сент-Джордже, вспоминал, что «об Уинстоне Черчилле рассказывались ужасные легенды. Его непослушание и непокорность выходили за все мыслимые рамки. Его пребывание в школе было одной долгой

¹² Стоимость обучения – 55 фунтов за семестр¹⁹⁸. Для сравнения: эта сумма составляла годовой прожиточный минимум семьи из пяти человек; 16 млн рабочих Британии зарабатывали менее 50 фунтов в год, служащие – 75 фунтов¹⁹⁹.

враждой с администрацией»²⁰⁸. Впоследствии Черчилль считал, что добился так много благодаря тому, что «не перегружал мозг в молодости». Хотя ближе всего к истине является его кредо: «Я никогда не делал то, что мне не нравилось»²⁰⁹. Не меньшую роль сыграли и личные качества, среди которых выделялось четкое понимание, чего он хочет достичь и как этого добиться. По свидетельству современников, подобное понимание было характерным для Черчилля уже в десятилетнем возрасте²¹⁰.

Проблема Уинстона состояла в том, что одноклассники не разделяли его бунтарских и независимых устремлений. На это указывает и Морис Бэринг²¹¹, и другие ученики. Граф Гарри Клемент Ульрих Кесслер (1868–1937), впоследствии ставший дипломатом, писателем и покровителем искусства, в момент поступления Черчилля в Сент-Джордж учился в старших классах и был отличником. Школа ему нравилась, чего нельзя было сказать о его отношении к новому ученику. По словам Кесслера, Уинстон был «драчлив», «действовал всем на нервы», а также «употреблял слова и освоил манеры, которые не подходили для молодого джентльмена»²¹².

Вторая, более серьезная проблема сводилась к тому, что Уинстон начал свой жизненный путь не в том учебном заведении, где приветствуется демонстрация упрямства. «Директора школ обладают властью, превышающей власть любого премьер-министра» – один из популярных афоризмов Черчилля²¹³. Если следовать его логике, то так же, как власть способна развратить государственного деятеля, она способна развратить и директора школы, причем в гораздо большей степени. Конечно, далеко не для всех учебных заведений и их руководителей подобный вывод точен, но Уинстону не повезло. Снейд-Киннерсли как раз оказался тем директором, на которого власть над учениками оказала пагубное влияние. В его распоряжении имелось «достаточно средств», чтобы склонить непокорных детей стать покладистыми. И в основном эти средства были связаны с поркой.

Сохранились записи искусствоведа Роджера Фрая (1866–1934), учившегося в Сент-Джордже незадолго до поступления туда будущего политика. Каждый понедельник, вспоминает Фрай, после общей линейки провинившихся вели в кабинет директора, где стоял большой ящик, покрытый черной материей. Ребят ставили на колени перед ящиком, приказывая снять штаны. Затем Снейд-Киннерсли производил экзекуцию березовыми розгами.

Трех, а иногда и двух ударов было достаточно, чтобы на теле появилась кровь. Однако директор продолжал бить, нанося по пятнадцать – двадцать ударов, превращая попки несчастных в «кровавое месиво». Те, кому в тот день повезло, в воспитательных целях сидели около открытой двери, «дрожа от страха и слушая вопли» своих одноклассников. Будучи старостой, Фрай во время телесных наказаний часто держал провинившихся и наблюдал издевательства в непосредственной близости. По его словам, директор испытывал в эти моменты «сильнейшее садистическое наслаждение»²¹⁴. «Уверен, никакой мальчик из Итона, и тем более Хэрроу, не отведал столько березовой каши, сколько ее скормил малышам, доверенным его властному попечению, наш директор», – скажет Черчилль потом²¹⁵.

Согласно сохранившимся свидетельствам, рыжеволосый Снейд-Киннерсли питал особую слабость к рыжим мальчикам²¹⁶. Учитывая рыжий цвет волос Уинстона, а также его свободолюбивый характер, не трудно догадаться, кто был самым частым участником жестоких аутодафе.

Долго так продолжаться не могло. Заметив на теле Уинни следы удовлетворения садистских наклонностей главы школы, миссис Эверест поставит перед леди Рандольф вопрос о смене учебного заведения²¹⁷. И Дженни согласится. К руководству Сент-Джорджа у нее уже давно накопился ряд вопросов. Во-первых, она высказывала сомнения в эффективности принятой там системы обучения²¹⁸. Во-вторых, даже несмотря на свое редкое обще-

ние с сыном, она заметила изменения в его поведении, и эти изменения ей не понравились. «У меня такое ощущение, что Уинстон побаивается меня», – жаловалась она супругу²¹⁹.

Измученный жестоким обращением, Уинстон оказался на грани нервного срыва. «Если бы моя мать не послушалась миссис Эверест и не забрала бы меня из Сент-Джорджа, я был бы полностью сломан, – признается он много лет спустя дочери своего кузена Аните Лесли. – Представляешь, что значит для ребенка быть „полностью сломанным“? Я никогда не забуду эту школу. Она была отвратительна!»²²⁰. В 1893 году Уинстон Черчилль вернется в Аскот, чтобы отомстить директору-садисту, но тот, скончавшись в ноябре 1886 года от сердечного приступа в возрасте тридцати восьми лет²²¹, такого удовольствия ему не доставит.

Новый учебный 1884/85 год Уинстон начнет в частной приготовительной школе, которую держали две незамужние сестры, Шарлотта (1843–1901) и Катерина Томсон (1845–1906). Школа располагалась в южной части Брайтона, на фешенебельной Брансвик-сквер, в домах номер 29 и 30. Эти два здания пережили десятилетия, и впоследствии на одном из них будет размещена стандартная мемориальная синяя табличка овальной формы, указывающая (не без ошибок¹³), что «в период с 1883 по 1885 год» в «приготовительной школе миссис Томсон» учился будущий премьер-министр²²².

Это учебное заведение было рассчитано на двадцать два ученика. В штате имелись собственный повар и четыре человека обслуживающего персонала²²³. Учеба у сестер Томсон отличалась «добротой и симпатией» и оставила у Черчилля «приятные впечатления, контрастирующие с воспоминаниями о первом школьном опыте»²²⁴.

В одном из первых писем леди Рандольф Уинстон сообщает, что в Брайтоне у него появилось новое хобби – коллекционирование марок²²⁵. Увлечение филателией окажется кратковременным, по крайней мере, в зрелые годы погоня за марками не будет значиться в длинном перечне пристрастий британского политика. Вполне возможно, что и в школе заполнение классеров служило более прозаичной цели, оправдывая значительные траты ученика. Неслучайно именно в этот период в его письмах домой все больше места начинает занимать новая тема – нехватка средств.

«Не будешь ли ты так любезна прислать мне еще немного денег»²²⁶, «не забудь о моей просьбе насчет дополнительной наличности»²²⁷ – эти и подобные им фразы отныне становятся постоянной составляющей его писем²²⁸. Стремление жить не по средствам и связанная с этим стесненность в финансовом вопросе была свойственна обоим родителям Уинстона, и он унаследовал эту черту в полной мере. Лучшее отношение к болезненному вопросу выразила Дженни, признавшись своей матери: «Деньги для меня ненавистная тема, давай о ней лучше не говорить»²²⁹.

В остальном Черчилль все так же скучал по дому, испытывая нехватку родительского тепла, внимания и заботы. «Я считаю дни до выходных, когда смогу поведать тебе обо всех своих проблемах, – писал десятилетний Уинстон леди Рандольф. – Я буду с тобой целых десять дней»²³⁰. Читая переписку этого периода, невольно обращаешь внимание на живой и озорной стиль общения, несвойственный строгим нормам Викторианства. В этом отношении очень показателен следующий фрагмент письма, написанный Уинстоном в сентябре 1886 года: «Джек шлет тебе свою любовь и 6,666,666,666,666,666,666,666 поцелуев, а я в два раза больше!»²³¹.

Но все равно это была лишь переписка. Личные встречи между матерью и сыном случались нечасто. Даже на каникулах, наступление которых Уинстон всегда ждал, считая дни,

¹³ Ошибка допущена в датах: не с 1883 по 1885-й, а с 1884 по 1888 год, и не миссис Томсон, а мисс Томсон.

леди Рандольф не всегда могла найти время для собственного сына. Наибольшее разочарование постигло воспитанника Брайтона на Рождество 1887 года. Ничего не сказав о своих планах, его родители отправились в долгое – семинедельное – путешествие на восток.

Это путешествие не имеет прямого отношения к теме нашего повествования, однако, учитывая, что основная цель путешествия была связана с посещением Санкт-Петербурга и Москвы, читателю будет небезынтересно узнать, какое впечатление на мать будущего британского премьера произвела Россия времен Александра III.

Описанию визита в Россию, где был проведен «самый интересный и восхитительный месяц»²³², леди Ранфдольф посвятила больше двадцати страниц мемуаров. Этот фрагмент изобилует русскими словами в латинской транскрипции: *mujiks, troikas, isvoschik, tziganes, kakoshnik*. Дженни была удивлена «обаянием и гостеприимством» русских людей. Менее приятные впечатления оставили запорошенные снегом пейзажи, которые вызвали у нее «глубокую тоску и печаль». Именно в этом «холодном однообразном безмолвии» леди Рандольф видела главную причину «грусти, основной черты русского характера, так наглядно выраженную в русской музыке и живописи»²³³.

Однако лютая зима навевает не только тоску, но и предоставляет возможности, которые не встретишь в теплых городах Европы. Укутавшись в шубу и спрятавшись под огромной меховой шапкой, мать Уинстона с огромным удовольствием каталась в санях, запряженных тройкой лошадей. Каталась она на санях и с ледяных горок²³⁴.

Разумеется, не последнее место во время пребывания четы в России занимала светская жизнь. «Русские обожают полуночные посиделки, – отмечает леди Рандольф. – Возникает такое ощущение, что они никогда не идут спать и вечер у них часто начинается в полночь». А еще «русские имеют хороший аппетит и обожают сверх меры поесть, не говоря уже о том, чтобы выпить»²³⁵. Была в поездке и культурная составляющая. Большая любительница классической музыки, Дженни сходила на оперу М. И. Глинки (1804–1857) «Жизнь за царя». И хотя оркестровка ей – поклоннице Вагнера и Бетховена – показалась «слабой», музыку она нашла «прелестной», а в самом произведении увидела «воплощение основных национальных черт: печали и дикого, неистового веселья»²³⁶.

В Сергиевском дворце, известном также как дворец Белосельских-Белозерских, расположенном на пересечении Невского проспекта и реки Фонтанки, леди Рандольф ужинала в обществе высшей аристократии и представителей государственной власти. Она имела долгую беседу с «грозным» обер-прокурором Святейшего синода Константином Петровичем Победоносцевым (1827–1907). О чем была беседа, Дженни не помнила, зато на нее огромное впечатление произвели желтые зубы тайного советника²³⁷.

В Гатчине Черчилли получили аудиенцию у российского императора и его супруги. Александр III принял потомка герцога Мальборо в своем кабинете, сидя за большим письменным столом. Своему гостю он предложил сесть на желтую банкету напротив. Государь заговорил по-французски, чем вызвал «огромное разочарование» у своего собеседника. Кроме того, Александр иногда говорил тихим голосом в бороду, и лорд Рандольф с трудом разбирал отдельные фразы²³⁸.

Друг лорда Рандольфа Артур Бальфур (1848–1930), возглавивший в начале XX века британское правительство, называл Александра III «необычно огромным парнем с добродушным лицом, при этом не слишком умным». Черчилль с ним не согласился. По его мнению, русский царь был не так уж и простодушен. «Что касается Черного моря и Дарданелл, то, если вы хотите мира и дружбы с Россией, не надо вмешиваться в тамошние дела против нас, – тихим, но уверенным голосом сказал ему самодержец. – По возвращению домой вас ждет великая задача: улучшить отношения между Россией и Англией»²³⁹.

Лорд Рандольф с этой задачей не справится. Да и возвращаться в Англию он пока не спешил. После Петербурга Черчилли посетили первопрестольную. В Москве Дженни наслаждалась шедеврами коллекции Павла и Сергея Третьяковых, прошла по Воробьевым горам, побывав на месте, где «стоял Наполеон, взирая на город, который предпочел разрушение порабощению»²⁴⁰.

Когда Черчилли покидали Москву, провожать их приехал генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгорукий (1810–1891), «обаятельный восьмидесятилетний старик». Он подарил Дженни букет орхидей. «Я уезжала из Москвы с чувством глубоко сожаления», – признается она²⁴¹.

Уинстон также испытывал сожаление. Правда, не по поводу отъезда своей матери из далекой России. Наоборот. «Я очень расстроен, услышав, что проведу каникулы без тебя», – писал он ей в середине декабря²⁴². Вместо любимой мамы Черчиллю пришлось встречать Рождество в обществе ее сестры. А своими переживаниями он снова делится посредством эпистолярного жанра:

«Любимая мама, должен рассказать тебе, как я провел Рождество. Тетя Клара плохо себя чувствовала, поэтому нашими единственными гостями были тетя Леони и дядя Джек. Мы выпили за здоровье королевы, твое и папино здоровье. Затем мы выпили за здоровье миссис Эверест, тети Леони и дяди Мортон. Вечер я провел на Стаффорд-плейс¹⁴, где играл до половины седьмого утра. Бабушка написала мне из Бленхейма. Она хочет, чтобы я приехал к ней. Тетя Леони должна все устроить. Но я совершенно не хочу к ней ехать. Моя дорогая мамочка, как бы я хотел, чтобы ты была дома, это было бы так прекрасно. Ты должна приехать и повидать меня, когда вернешься. Лучше, если ты заберешь меня из школы на день-два»²⁴³.

К герцогине Мальборо он все-таки поедет. «Уинстон считает, что я слишком строга по отношению к нему, но он и в самом деле, по-моему, очень многое себе позволяет, – напишет она леди Рандольф. – Я категорически возражаю, чтобы он засиживался допоздна. Он легко возбудим. В то же время он нежен и не капризничает»²⁴⁴. Еще герцогиня жаловалась на то, что Уинстон часто использует выражения, которые неподобающи его происхождению. «Это плохо влияет на Джека», – неодобрительно заметила хозяйка Бленхейма²⁴⁵.

Взаимоотношения Уинстона с отцом внушали еще меньше оптимизма, чем общение с матерью. Лорд Рандольф принимал весьма посредственное участие в выборе мест обучения сыновей. Его отстраненность можно было бы объяснить большой занятостью. К тому времени он уже стал заметной политической фигурой и действительно имел мало возможностей для занятий с детьми. Но если это и так, подобного объяснения недостаточно. Ведь не менее погруженный в политическую деятельность Джозеф Чемберлен (1836–1914) не только находил время для того, чтобы следить за обучением сыновей, но и давал преподавателям недвусмысленные намеки, что обращение с Остином и Невиллом должно быть достойно высокого статуса их отца.

Не изменилась ситуация и после того, как Уинстон поступил в школу. Его переписка с отцом была суха, а личные встречи сведены к минимуму. Даже когда лорд Рандольф приезжал в Брайтон по делам, он крайне редко навещал своего сына. «Я очень расстроен, что вы не увиделись со мной, – жаловался ребенок. – Предполагаю, что вы были слишком заняты, чтобы заехать ко мне»²⁴⁶.

¹⁴ В доме номер 11 на Стаффорд-плейс проживала младшая сестра Дженни Леони (1859–1943) со своим супругом сэром Джоном Лесли (1857–1944).

Занятость занятостью, но нежелание Черчилля-старшего общаться с сыном более чем красноречиво демонстрировало, что он не испытывал к Уинстону большой любви²⁴⁷. А некоторые биографы полагают, что он даже питал «неприязнь» к своему старшему отпрыску²⁴⁸. Не соглашаясь со столь резкой оценкой, приведем более справедливое замечание Роя Дженкинса: «В этом определенно состоит величайшая ирония, что спустя век после своей кончины лорд Рандольф вошел в историю как отец»²⁴⁹.

Не менее справедливой является оценка отношений историком Норманом Роузом: «Все усилия сблизиться с отцом, завоевать его доверие, внести в общение с ним теплоту и сердечность, придать их встречам ту значимость, которой должны отличаться взаимоотношения сына и отца, натыкались на глухую стену равнодушия, непостижимого для впечатлительного ребенка»²⁵⁰. В конце 1930-х годов, во время одного из семейных ужинов, Уинстон Черчилль с грустью признается сыну: «Сегодня вечером у нас с тобой состоялся продолжительный и живой разговор, длившийся значительно дольше, чем мое общение с отцом на протяжении всей нашей совместной жизни»²⁵¹.

Не в пример своему родителю, Уинстон старался принимать участие в воспитании собственного чада. Во время обсуждения какого-либо вопроса с друзьями или коллегами он всегда будет давать сыну возможность высказаться, а заодно узнать и его точку зрения²⁵². Также он будет читать книги, которые читает его сын. Когда Черчилль узнает, что Рандольф штудировал работы Джона Стюарта Милля (1806–1873) о политэкономии, он вызовется разобрать с ним прочитанное. «Хотя я совершенно не образован в подобном предмете, спорам и обсуждениям этой темы посвящена вся моя жизнь», – порекомендует он себя скромно в качестве возможного наставника²⁵³.

Найдя время для воспитания сына, Уинстон стал более счастливым отцом, чем лорд Рандольф. Он смог испытать те редкие и чудесные эмоции, которые не способна дать ни одна деятельность, кроме отцовства и материнства. Блаженство, когда открываешь ребенку мир, знакомя его с дорогими тебе предметами и понятными тебе явлениями. «Показывать мир Рандольфу представляет для меня новый вид удовольствия», – признался однажды Черчилль своей супруге²⁵⁴. Не меньшее наслаждение будет доставлять ему наблюдение за тем, как его отпрыск растет и развивается. «Рандольф обладает свободным умом, который каждый день становится все мощнее и мощнее, – делится он своими наблюдениями с женой. – Поразительно – слышать, как он спорит. На меня сильное впечатление произвела логичность его рассуждений, смелость мысли, брутальный и порой отталкивающий характер его возражений. Он гораздо лучше развит, чем я в его годы»²⁵⁵.

На отношение Черчилля к сыну, по крайней мере в первой трети жизни Рандольфа, повлиял неудачный опыт общения с собственным отцом. Это понятно и вполне закономерно. Гораздо большее удивление вызывает то, какое мнение сложилось об отце у нашего героя. Отчужденность и равнодушие со стороны лорда Рандольфа могли пробудить аналогичные ответные чувства, однако этого не произошло. Напротив, Уинстон всегда – и в детстве, и в зрелые годы – любил своего отца, преклонялся перед ним. «Мне казалось, что у него были ключи от всего (или почти от всего), что стоит внимания», – описывает он свое детское восприятие²⁵⁶. «Редко бывает, чтобы, занимаясь своим сыном столь мало, мужчина породил столько верности к себе после своей кончины», – прокомментирует эту особенность Уильям Манчестер²⁵⁷.

На чем же основывалась и как подкреплялась эта любовь? Отсутствие прямого общения с лордом Рандольфом вынудило Черчилля сосредоточиться на косвенных источниках получения отеческого тепла. Да, лорд Рандольф редко писал ему и еще реже с ним беседовал. Но у нашего героя всегда была возможность, пусть и частично, компенсировать это,

заполняя душевную брешь опосредованным общением. Он стал верным поклонником отца, следил за каждым его шагом, собирал и перечитывал газетные статьи, где встречалось его имя и печатались его выступления. Настоящим идефиксом Уинстона во время учебы в школе стало коллекционирование автографов лорда Рандольфа. Едва ли не каждое письмо к отцу содержало просьбу прислать автограф²⁵⁸. Он объяснял это тем, что раздает автографы одноклассникам. Однако так ли уж был велик спрос на них среди его сверстников? Скорее всего, в автографах нуждался сам Черчилль. Как и многочисленные газетные вырезки, которые он собирал, росчерки пера лорда Рандольфа стали для него свидетельством близости к отцу, напоминанием о его незримом присутствии.

Столь необычное общение имело для Черчилля два важных последствия, которые оказали определяющее влияние на его дальнейшую жизнь. Первое было связано с тем, что нескрываемое отсутствие интереса лорда Рандольфа к старшему сыну послужило для Уинстона дополнительным катализатором в развитии честолюбия и амбиций. Отныне смыслом его жизни станет достижение успеха: преуспеть как можно больше, преуспеть во всем, доказав себе, отцу и всем окружающим, что ты не забитый и одинокий ребенок, что ты – Герой, что ты – Личность. Черчилль сам косвенно подтвердит это спустя десятилетия, когда, во время работы над биографией своего предка, 1-го герцога Мальборо, придет к выводу: «У великих людей часто было несчастное детство. Тиски соперничества, суровый гнет обстоятельств, периоды бедствий, уколы презрения и насмешки, испытанные в ранние годы, необходимы, чтобы пробудить беспощадную целеустремленность и цепкую сообразительность, без которых редко удаются великие свершения»²⁵⁹. Он сделает все от него зависящее, чтобы добиться как можно большего, пойдет напролом, ломая условности и правила, выковыывая в себе железную волю и превращая неустанный труд в верного и постоянного союзника.

Второе важное последствие касалось выбора той сферы деятельности, которой решил посвятить себя Черчилль. Сотворив из собственного отца кумира, он не мог не проникнуться тем, что составляло будни лорда Рандольфа, – политикой. Поступление Черчилля в Брайтон совпало со стремительным взлетом его отца. К середине 1880-х потомок Мальборо стал влиятельной фигурой на политическом небосклоне. Создав в лагере консерваторов собственную «Четвертую партию», он доставлял немало хлопот как главе либералов Уильяму Гладстону, так и лидеру тори в палате общин Генри Стаффорду Норткоту (1846–1911).

В целом лорд Рандольф являл собой пример личности сложной и противоречивой. С одной стороны, он был человек незаурядных способностей, живого ума и великолепного дара оратора, который в полной мере унаследовал его сын. Выступления Черчилля-старшего, всегда отличавшиеся неизменным остроумием, были наполнены искрометным юмором, колкими замечаниями и резкими выпадами в адрес противников. Пресса называла его «Рэнди-нахал»²⁶⁰. Он быстро поднимался по крутой политической лестнице. В 1885 году его назначили министром по делам Индии, а спустя год он возглавил Министерство финансов и стал лидером палаты общин.

Каким политиком был лорд Рандольф Черчилль? «Не лучше, чем отцом, – считает Рой Дженкинс, в свое время также занимавший пост главы Минфина. – У него был талант презирать, способность бросать запоминающиеся фразы, а также сила духа декламировать их, не испытывая при этом страха»²⁶¹. Другие исследователи придерживаются схожего мнения²⁶². Главной фишкой отца Уинстона была идея «демократии тори». Но когда один из коллег спросил его, что он понимает под этой конструкцией, лорд Рандольф откровенно ответил: «По правде говоря, я и сам не знаю. Полагаю, это, в сущности, оппортунизм, умение воспользоваться благоприятной возможностью»²⁶³.

Неудивительно, что с таким настроением пребывание на посту канцлера Казначейства – второй по значимости должности после премьер-министра – оказалось непродолжитель-

ным. Всего за полгода лорду Рандольфу удалось настроить против себя большинство членов правительства, включая своего непосредственного руководителя, главу кабинета, человека с длинным именем и огромным влиянием – Роберта Артура Талбота Гаскойн-Сесиля, 3-го маркиза Солсбери (1830–1903). Кризис разразился накануне Рождества 1886 года. Черчилль выступил с категоричным заявлением о сокращении военных расходов. Ни Солсбери, ни военный министр Уильям Генри Смит (1825–1891) не собирались ему уступать. Тогда лорд Рандольф не придумал ничего лучше, как начать шантажировать главу правительства своей отставкой. Он написал Солсбери письмо, в котором, ссылаясь на «отсутствие сторонников в кабинете», просил «разрешения оставить свой пост и удалиться на континент»²⁶⁴. К его удивлению, премьер-министр отставку принял.

Ситуацию еще можно было исправить, но лорд Рандольф сам усугубил положение, придав инциденту публичность. Он открыто опубликовал в *The Times* свою переписку с главой правительства, надеясь тем самым поднять партию против ее лидера. Он рассчитывал, что Солсбери будет смещен и освободившееся место тори предложат занять ему. Мечту стать первым министром Короны он лелеял уже давно. «Единственный пост, который я хочу занимать, – это пост премьер-министра, – признался он одному из друзей. – Мне нравится быть главным. Я люблю держать бразды правления в своих руках»²⁶⁵.

Самонадеянность лорда Рандольфа может показаться чрезмерной и даже безрассудной, хотя на самом деле вероятность смены главы правительства действительно имела место. Приняв отставку второго по значимости министра в кабинете, лорд Солсбери оказался в довольно сложной ситуации. Ему потребовалось двенадцать дней (!), прежде чем он смог найти Черчиллю замену. Но все-таки Солсбери сумеет переиграть лорда Рандольфа. Неслучайно профессор Манфред Вайдхорн сравнит британского премьера с фельдмаршалом Михаилом Илларионовичем Кутузовым (1745–1813), который за семьдесят лет до отставки потомка герцога Мальборо наглядно продемонстрировал методы отступления и выжидания, когда сила противника, расширяясь с одной стороны, ослабевает с другой²⁶⁶.

После того как Солсбери нашел замену, планы экс-министра на руководство кабинетом рассеялись. «Рандольф оказался выброшенным с капитанского мостика консервативного корабля, – прокомментирует его падение В. Г. Трухановский (1914–2000), – а корабль как ни в чем не бывало последовал дальше»²⁶⁷.

Какое будущее ждало заигравшегося министра? Спустя годы Уинстон скажет лорду Хью Сесилу, младшему сыну лорда Солсбери: «„Никогда“ – гораздо более часто встречаемое в политике слово, чем принято думать»²⁶⁸. Сам он будет неоднократно восставать из праха всеобщего забвения и поругания, но в случае с его отцом все оказалось куда более драматично и фатально. В результате своего скоропалительного решения лорд Рандольф превратился в политический труп. Когда лорда Солсбери спросили, возможно ли возвращение изгнанника в большую политику, он ответил безапелляционно: «А вы когда-нибудь видели, чтобы человек, избавившись от карбункула, хотел его вернуть обратно»²⁶⁹.

В биографии лорда Рандольфа, которую наш герой напишет впоследствии, отставке посвящена целая глава. По словам автора, в этом решившем судьбу его отца эпизоде не было «ни непостижимой тайны, ни хитроумной интриги, ни взрыва эмоций – только логическое и неотвратимое следствие предшествующих событий»²⁷⁰. Кроме того, он находил, что отличия между отцом и лордом Солсбери носили «фундаментальный» характер: «Они различались по вере, характеру и стремлениям. Они были представителями противоречащих школ политической философии. Они отстаивали идеи, которые были несовместимы. Рано или поздно разрыв отношений состоялся бы все равно»²⁷¹.

Должно будет пройти еще четверть века, прежде чем Черчилль пересмотрит ситуацию с отставкой и сформирует более зрелый взгляд. «Сейчас я вижу отца немного в другом свете, нежели в те дни, когда писал его биографию, – скажет он в 1930 году. – Мне более чем очевидно, что его поступок носил фатальный характер. Это был „отчаянный маневр пилота в критической ситуации“»²⁷². Еще через тридцать лет Черчилль признается своему личному секретарю, что «бывают случаи, когда отставка необходима, но никогда не следует становиться профессионалом по этой части». «Слишком часто это орудие оборачивается против стреляющего, – объяснит он. – У моего отца не получилось. Хотя и оставаться, надеясь нивелировать недостатки отвратительной политики, тоже ошибочно. В чем-то это напоминает сопровождение пьяницы в его похождениях по барам. Тебе кажется, ты ему помогаешь, когда говоришь: „Хорошо, старина, я куплю тебе маленькую порцию виски вместо большой“. Но на самом деле ты всего лишь отодвигаешь его падение»²⁷³.

Если назначение лорда Рандольфа на пост министра финансов стало возможным благодаря его положительным качествам, то столь короткое пребывание в должности – его недостаткам. К ним в первую очередь следует отнести чрезмерный эгоизм, отсутствие последовательности в собственных действиях, а также слабость к наслаждениям и радостям плоти. Как признается однажды близко знавший его лорд Дерби: «При всей неотразимости Рандольф ведет весьма сомнительный образ жизни, вряд ли достойный настоящего джентльмена. Мне иногда кажется, что его разум помутился»²⁷⁴.

Отец Уинстона часто говорил о своей скоропостижной кончине. На вопрос одного из друзей, как долго он собирается руководить палатой общин, он бравурно ответил:

– О, что-нибудь около шести месяцев.

– А что же будет потом?!

– Потом? Вестминстерское аббатство²⁷⁵.

В другой раз он признается своей матери: «Я буду Цезарем или никем!»²⁷⁶.

Не став Цезарем, Рандольф сам обрек себя на жалкое существование. Как сообщает его сын, после ухода из правительства в жизни экс-канцлера «не было ничего, кроме разочарований и поражений»²⁷⁷.

Отставка стала огромным потрясением не только для лорда Рандольфа. Очень сильно переживала его мать. У герцогини Мальборо произошла истерика, когда она прочитала злополучный номер *The Times*. «И почему только мои сыновья не похожи на других?» – заливаясь слезами, воскликнула она²⁷⁸.

Дженни была потрясена не меньше. Она рассчитывала стать супругой премьер-министра, а вместо этого вынуждена была удалиться в тень общественного забвения. Ей было вдвойне обидно оттого, что муж не только не посоветовался с ней, принимая опрометчивое решение, но даже не соизволил поставить ее в известность. Так же как и герцогиня Мальборо, она узнала обо всем из газет. «Насколько темными казались эти дни, – сокрушалась миссис Черчилль. – Тщетно я пыталась утешить себя мыслью, что счастье связано с внутренним состоянием и не зависит от обстоятельств»²⁷⁹.

Очень хорошо ее состояние в тот момент передаст Уинстон. В его романе «Саврола» есть сцена, когда Люсиль, супруга президента республики Антонио Молары, размышляя над возможной отставкой своего мужа, восклицает: «Неужели я ничего не могу сделать? Неужели я отыграла свою роль? Неужели лучшая часть моей жизни подошла к концу?» Нет! «Я добьюсь своего», – с дерзкой решимостью возражает героиня самой себе. И в тот же момент вновь задается вопросом: «Но чего мне добиваться?»

«Этот вопрос остался без ответа», – пишет автор «Савролы»²⁸⁰. Но у Дженни ответ был. Когда представитель парламента приехал забрать церемониальные одежды канцлера Казначейства, она отказалась вернуть их, заявив, что «прибережет для сына»²⁸¹.

Уинстон был единственный в семье, для кого драматичная отставка отца не означала конец. Политическая деятельность лорда Рандольфа в 1885–1886 годах совпала с периодом активного формирования личности молодого Черчилля, важное место в котором занимало увлечение политикой. «Дорогой папа, я ехал сегодня с джентльменом, который считает Гладстона грубым человеком; по его мнению, „этот с кудрявыми усами должен стать премьером“, – спешит сообщить он обладателю «кудрявых усов» в апреле 1885 года. «Машинист электропоезда сказал, что „лорд Р. Черчилль“ будет премьер-министром», – читаем мы в его письмах отцу²⁸².

Вряд ли взрослые стали бы обсуждать с десятилетним ребенком политическую ситуацию в стране, если бы он сам не поднимал эту тему. Во время посещения бассейна Уинстон спросил у одного из служителей:

– Вы консерватор или либерал?

– Я не думаю о политике, – ответил растерявшийся мужчина, не привыкший к подобным вопросам от детей.

– Что? – закричал Черчилль. – Вы платите налоги и не думаете о политике?²⁸³

При вспыхнувшем интересе к политике Уинстон еще больше увлекся чтением. В Брайтоне он жадно проглатывал все газеты, которые только мог найти. К тому времени его волновало уже буквально все – захват бельгийцами Конго, демонстрация рабочих в далеком Чикаго, изобретение Даймлером автомобиля и возведение статуи Свободы в Нью-Йорке²⁸⁴. К своему дню рождения он просит леди Рандольф подарить ему иллюстрированный труд генерала армии Улисса Симсона Гранта (1822–1885) «История Гражданской войны в Америке»²⁸⁵. Похоже, эта книга произвела на него очень сильное впечатление. По крайней мере, он возьмет на вооружение метод главнокомандующего армией Севера и впоследствии не раз будет выступать трубадуром собственных подвигов на различных руководящих должностях.

В 1885 году вышел в свет роман Генри Райдера Хаггарда (1856–1925) «Копи царя Соломона». Один экземпляр книги попадает к Черчиллю, и тот прочтет его на одном дыхании. Описание приключений Аллана Квотермейна настолько впечатлили юного читателя, что он попросил Дженни прислать ему остальные произведения Хаггарда²⁸⁶. Тетя Леони организует Уинстону личную встречу с Хаггардом, которая лишь усилит любовь к писателю и его романам. Когда в 1887 году выйдет сиквел, Хаггард подарит экземпляр своему новому знакомому. «Большое спасибо, что прислали мне „Аллана Квотермейна“, – поблагодарит Уинстон. – А. К. мне понравился больше, чем „Копи царя Соломона“. Этот роман более занятен. Надеюсь, вы напишете еще много хороших книг»²⁸⁷. Всего Черчилль прочтет «Копи царя Соломона» двенадцать (!) раз²⁸⁸ и в шестидесятилетнем возрасте будет продолжать восхищаться этим произведением²⁸⁹.

В отличие от Сент-Джорджа, в Брайтоне Черчиллю позволяли заниматься тем, что ему нравится: «Французским, историей, заучиванием множества стихов, а главное – верховой ездой и плаванием»²⁹⁰. Плавание доставляло ему особое удовольствие. Он с гордостью сообщает леди Рандольф, что научился переплывать бассейн²⁹¹, и делится с ней наслаждением, которое доставило ему ныряние²⁹². В Брайтоне Черчилль также увлекся футболом. «В этом семестре я участвовал в шести матчах, мы победили в пяти из них», – писал он младшему брату²⁹³. Несмотря на юношеский опыт, впоследствии наш герой будет равнодушен к этой игре²⁹⁴, проявляя гораздо больше интереса к другой командной игре в мяч – поло.

Если говорить об основной программе, то за годы учебы у сестер Томсон Черчилль значительно подтянулся по многим дисциплинам. А по классической литературе и французскому языку смог даже занять первое и третье места соответственно²⁹⁵.

Однако поведение его по-прежнему оставляло желать лучшего. Спустя три месяца после обустройства в Брайтоне он «немного повздорил» с одним из одноклассников, набросившимся на него с ножом. Уинстону крупно повезло, что он отделался легким ранением – нож пронзил грудь лишь на четверть дюйма, не причинив серьезных повреждений.

Инцидент был из ряда вон выходящим, и Шарлотта Томсон в тот же день связалась с леди Рандольф, чтобы сообщить ей о происшествии. У руководства школы на обидчика Уинстона накопилось уже достаточно жалоб, и они готовы были, если родители Уинстона сочтут нужным, немедленно инициировать разбирательство с последующим исключением агрессивного ученика из школы. Но мать Черчилля не торопилась карать драчуна. Она слишком хорошо знала характер своего сына. Интуиция ей подсказывала, что именно Уинстон и был виновен в произошедшем. По ее мнению, он стал задирается, за что и получил. «Пусть это послужит ему уроком», – скажет она своему супругу²⁹⁶.

Уинстон остепенится, но ненадолго. В графе «Поведение» значилось: «Общее количество учеников в классе – тридцать. Место в классе – тридцатое»²⁹⁷. В памяти учителей он останется «маленьким рыжеволосым учеником, самым капризным ребенком в классе, возможно, даже самым капризным ребенком в мире»²⁹⁸.

Черчилль и сам понимал, что с ним нелегко. «Думаю, ты рада моему отсутствию, – не без самоиронии писал он матери в январе 1885 года. – Никаких криков от Джека, никаких жалоб. Небеса спустились, и на земле воцарился порядок»²⁹⁹. При этом он очень ревностно охранял свое право на свободное от учебы время. Когда летом 1887 года встал вопрос о продолжении занятий во время каникул, недовольству Уинни не было предела. «Я никогда не учился во время каникул и сейчас не собираюсь, – в категоричном тоне заявил он родителям. – Это противоречит моим принципам»³⁰⁰. Его принципам противоречил не столько сам факт учебы, сколько то, что его принуждали к ней. Уже тогда своим кредо он выбрал: «Я люблю учиться, но мне неприятно, когда меня учат»³⁰¹.

Дженни было тяжело справиться с упрямством сына. Но разве не от нее он унаследовал эту черту, как и стремление всегда и во всем действовать по своему усмотрению, независимо от того, что по этому поводу думают другие и насколько они недовольны тобой? По мере взросления Уинстона леди Рандольф приходилось все сложнее и сложнее, и она признала, что управиться с ним может только миссис Эверест. Хотя порой казалось, что и няня бессильна в этом отношении³⁰².

Во время учебы в Брайтоне Черчилля ждали и более серьезные испытания, чем учеба во время каникул и отстаивание своей точки зрения. Несмотря на активное увлечение спортом, он никогда не отличался крепким здоровьем и именно в учебном заведении сестер Томсон приобретет привычку, которая останется с ним до конца дней: постоянно измерять температуру собственного тела³⁰³. В детстве он так боялся простудиться, что практически не расставался с термометром. «Моя температура не слишком дружелюбна, – жаловался он матери в сентябре 1885 года. – Однажды она поднялась до 37,8 °C вместо положенных 36,8 °C»³⁰⁴. В зрелые годы Черчилль будет мерить температуру ежедневно³⁰⁵, а если случалось заболеть, то ежечасно³⁰⁶.

Обычная простуда – еще не самое страшное, с чем Черчиллю придется столкнуться в Брайтоне. В архиве политика сохранилось письмо под номером *CHAR 28/13/88*, адресованное няне. Не надо быть графологом, чтобы понять, насколько слабым было физическое

состояние автора, который поставил на двух страницах три большие кляксы, а каждое слово выводил с огромным трудом³⁰⁷.

Это письмо могло стать последним в его жизни. В марте 1886 года Уинстон слег с тяжелой пневмонией. Спустя всего четыре дня после начала заболевания положение стало критическим – температура поднялась до 40,2 °С, правое легкое отказывало. Не на шутку перепугавшиеся родители тут же примчались к постели больного. «Приближается кризис, – сообщил им семейный доктор Робсон Роуз (1848–1905). – Если воспаление не распространится на левое легкое, тогда, да благословит Господь, можно ожидать улучшения»³⁰⁸. Утром следующего дня Роузу удалось сбить температуру до 37,8 °С, однако к полудню она вновь подскочила до 39,5 °С. «Если мне удастся не допустить повышения температуры выше 40,5 °С, особых причин для беспокойства нет, через два дня кризис пройдет. Питание, лекарства и внимательный уход спасут вашего мальчика»³⁰⁹.

К вечеру температура незначительно возросла – до 39,7 °С, однако, по мнению доктора, в ближайшие 12 часов резкого ухудшения состояния не ожидалось³¹⁰. «Ночь прошла очень беспокойно, но нам удалось удержать температуру, – информировал Роуз утром. – Левое легкое здорово, пульс сильный. Ваш мальчик достойно сражался, надеюсь, он скоро поправится»³¹¹.

Уинстон действительно пошел на поправку. На следующий день доктор с удовлетворением констатировал заметное улучшение состояния: температура – 37,2 °С, шесть часов спокойного сна, отсутствие бреда. «Уинстон шлет вам и ее светлости свою любовь», – с радостью сообщил Роуз лорду Рандольфу³¹². Во избежание рецидива Роуз прописал маленькому пациенту тишину, покой, обильное питание, а также «избегать сквозняков и переохлаждения»³¹³.

Только спустя несколько месяцев Черчилль окончательно встанет на ноги, вновь приступит к верховой езде, пару раз искупается в бассейне, а также обратится к родителям с ожидаемой просьбой: «Вышлите мне немного наличности, потому что я в очередной раз оказался банкротом»³¹⁴.

Во всей этой истории со счастливым концом был лишь один эпизод, который бросает тень на родных Черчилля. И этот эпизод касается миссис Эверест, вернее, недопущения ее до кровати больного. Родители сочли, что ее присутствие может разволновать ребенка и плохо повлиять на его выздоровление³¹⁵. В аристократической среде было не принято бурно выражать свои чувства, а миссис Эверест, женщина простая, могла и не сдержаться. «Надеюсь, Эверест будет разумна и своей сентиментальностью не нарушит его покой, – наставляла невестку герцогиня Мальборо. – Сейчас это совершенно некстати»³¹⁶. Бедной женщине придется пережить и это. Как верно заметит У. Манчестер, «ей, кто спасал Уинстона от эмоционального голода, доверили нести любовь, но не здоровье»³¹⁷.

Летом 1887 года Лондон, Англия и вся Британская империя жили в предвкушении праздничных гуляний в честь золотого юбилея восшествия на престол королевы Виктории. В ожидании торжества жил и Черчилль, который страстно желал на нем присутствовать. Однако сестры Томсон не разделяли его стремлений, полагая, что раз места в Вестминстерском аббатстве ему не найдется, то и на других мероприятиях появляться особого резона нет. Но Уинстон хотел попасть на американскую выставку в Эрлс-корте, посетить которую ему обещала мать. Теперь же его планы рушились, как карточный домик, и принять этого он не мог. «Я буду очень расстроен, нет, расстроен – это даже не то слово, я буду очень несчастлив, – напишет он Дженни. – Раз твое обещание будет нарушено, я больше не смогу тебе

верить. Я же знаю, что мамочка очень любит своего Уиннни». Он попросил мать связаться с мисс Томсон, понимая, что та не сможет отказать и отпустит его в Лондон³¹⁸.

На следующий день Уинстон отправляет новое послание, не дождавшись ответа: «Надеюсь, ты не разочаруешь меня. Я не могу думать больше ни о чем, кроме как о юбилее. Неопределенность ошеломляет, напиши мне как можно скорее, пожалуйста!!! Мамочка, я очень сильно люблю тебя и знаю, что ты так же сильно любишь меня и не станешь меня разочаровывать». Он так же приложит набросок письма мисс Томсон от имени леди Рандольф с просьбой отпустить его домой³¹⁹.

Прошел день, два, но ответа так и не последовало. «Я уже почти схожу с ума от нетерпения», – признается Уинстон. Ему даже удастся договориться с мисс Томсон, которая готова была пойти навстречу, если только леди Рандольф обратится к ней с соответствующей просьбой. «Ради меня, напиши ей, пока не стало слишком поздно, – умоляет он мать. – Напиши мисс Томсон, пожалуйста!!!»³²⁰.

Ему удалось добиться своего, и 21 июня он принял участие в празднестве. На торжественную церемонию в Лондон съедутся высокопоставленные гости, включая королеву Гавайев и наследного принца Японии. Своим присутствием монарха почтут шерифы всех пятидесяти двух графств Англии, мэры ведущих городов, а также представители со всех уголков Британской империи. «Я редко видела Лондон таким праздничным: синее небо, яркое солнце, повсюду флаги и толпа – взволнованная, но терпеливая, заполнившая все тротуары по пути следования процессии, – вспоминала леди Рандольф. – Как жена бывшего члена кабинета министров, я получила хорошее место внутри Вестминстерского аббатства. Это было великолепное и впечатляющее зрелище. Изумительно красивые платья и мундиры казались еще ярче и прекраснее в мягком церковном полумраке, рассеваемом тут и там лучами летнего солнца, что струились сквозь старинные витражи окон. Королева, являвшая собой славу и преемственность английской истории, сидела одна в середине огромного нефа. Маленькая, трогательная фигурка, окруженная пышным собранием. Все взгляды были прикованы к ней»³²¹.

Дженни на всю жизнь запомнит встречу с главой Британской империи. Когда ее представили королеве, она склонилась, чтобы поцеловать монаршую руку. В этот момент королева притянула подданную к себе и поцеловала ее. «Я была настолько этим ошеломлена, что поцеловала ее в ответ», – призналась мать Черчилля³²². Потом она наблюдала, как пожилая женщина принимает поздравления. По щекам королевы текли слезы. Ее Величество переполняли смешанные чувства. С одной стороны, любовь и гордость, благодарность и признательность народу, с другой – сожаление о том, что ее супруг, принц Альберт (1819–1861), не дожил до этого дня. «Этот день настал, а я одна, хотя и окружена многими любимыми детьми, – записала Виктория в дневнике. – Сегодня исполнилось пятьдесят лет, как я вступила на трон! Господь поддерживал меня своей милостью во время многих испытаний и печалей. Я сидела одна – увы, без моего возлюбленного супруга, который бы так гордился этим днем» (выделено в оригинале. – Д. М.)³²³.

Торжества по поводу юбилея совпали с не менее значимыми событиями и в жизни самого Уинстона. Обучение в Брайтоне постепенно подходило к концу. Накануне отъезда родителей в Россию ему исполнилось тринадцать лет. Самое время подумать о следующем этапе образования – средней школе.

На протяжении нескольких столетий в Англии держат первенство три престижные средние школы. Первое место среди них занимает Итон, за ним идут Винчестер и Хэрроу. Согласно традициям, члены одной фамилии учатся, как правило, в одной школе. Для шести поколений Мальборо таким учебным заведением был Итон. Черчилли учились в Итоне на протяжении ста сорока лет, начиная с поступления в него в 1722 году будущего 3-го герцога;

в 1862 году в Итон поступил и лорд Рандольф. Казалось, вот он – единственный выбор. Однако родители Уинстона не спешили останавливаться на этом заведении, справедливо опасаясь, что сырой климат местности может отрицательно сказаться на слабых легких их первенца³²⁴.

Вполне разумной заменой Итону мог стать Винчестер, где уже три года учился двоюродный брат нашего героя, будущий 9-й герцог Мальборо. Уинстон и сам готовился к поступлению в эту школу, но у него были проблемы с изучением греческого языка. «Я должен хорошо им овладеть, чтобы поступить в Винчестер, я буду стараться», – обещал он матери в мае 1885 года³²⁵. Однако больших успехов достигнуть не удастся. «Греческий язык – мое слабое место, – признается Уинстон через два года. – С его незнанием я не смогу поступить в Винчестер»³²⁶.

Уинстону повезло, Лорд Рандольф сам отвергнет Винчестер. Правда, не из-за проблем сына с языком. Ключевую роль в его решении сыграло обострение отношений со старшим братом, опрометчиво заступаясь за которого одиннадцать лет назад он попал в немилость принца Уэльского и был вынужден четыре года провести в Ирландии. Причиной раздора между братьями стала вызвавшая неодобрение у большинства членов семьи активная распродажа новым владельцем дворца¹⁵ знаменитой коллекции картин Бленхейма³²⁷.

Не желая, чтобы Уинстон учился вместе с сыном герцога Мальборо, лорд Рандольф остановил свой выбор на Хэрроу. Эта школа была привлекательна по ряду причин. Во-первых, учебное заведение располагалось на холме, и для ослабленных болезнью легких Уинстона климат там был благоприятен. Во-вторых, практически в это же самое время к поступлению в Хэрроу активно готовился племянник лорда Рандольфа Дадли Мэрджорибэнкс, в будущем 3-й барон Твидмаут (1874–1935).

В третьих, школа пользовалась хорошей репутацией. В свое время ее окончил Джордж Гордон, 6-й барон Байрон (1788–1824). Из нее вышли пять премьер-министров, включая таких видных, как Роберт Пил (1788–1850) и Генри Пальмерстон. К моменту поступления Черчилля почти шестьдесят выпускников Хэрроу были депутатами палаты общин, причем большинство из них состояли в Консервативной партии. По какой бы стезе ни пошел Уинстон, здраво рассуждал лорд Рандольф, ему полезно будет уже в детские годы познакомиться с будущими вершителями судеб Соединенного Королевства¹⁶.

Была и четвертая причина, поставившая жирную точку в мучительном выборе. Уинстона согласился принять директор школы, преподобный Джеймс Эдвард Каувелл Уэллдон (1854–1937). Свободных мест не было, но лорду Рандольфу (шутка ли, всего девять месяцев назад – министр финансов и лидер палаты общин) он готов был оказать посильное содействие³²⁹.

Нетрудно догадаться, что для Уинстона, не сумевшего найти подход к овладению греческим языком, предпочтение Хэрроу перед другими школами воспринималось как благословение. «Я очень рад узнать, что буду продолжать обучение в Хэрроу, а не в Винчестере, – сообщит он отцу в октябре 1887 года. – Я надеюсь, что сдам вступительные экзамены, которые не так сложны, как в Винчестере».

Письмо, из которого цитируются эти строки, интересно не только вполне ожидаемым признанием Уинстона и очередной просьбой прислать автограф, а скорее концовкой, в которой юный Черчилль задает лорду Рандольфу наивный вопрос: «Вы учились в Хэрроу или в

¹⁵ Джон Уинстон Черчилль, 7-й герцог Мальборо, скончался 4 июля 1883 года. Титул герцога Мальборо наследовал его старший сын, до этого носивший титул маркиза Блэндфорда.

¹⁶ Одновременно с Черчиллем выпускниками Хэрроу стали также писатель, лауреат Нобелевской премии Джон Голсуорси (1867–1933), премьер-министр Великобритании Стэнли Болдуин (1867–1947), первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру (1889–1964).

Итоне? Мне было бы интересно знать»³³⁰. Тот факт, что тринадцатилетний подросток понятия не имел, какую школу окончил его отец, лишний раз демонстрирует размеры пропасти, разделявшей их. Забежим немного вперед и скажем, что спустя несколько лет лорд Рандольф сделает совсем уж фантастическую ремарку, из которой следует, что и он не знал, какое учебное заведение окончил Уинстон!

К поступлению в школу потомок герцога Мальборо подошел основательно. Прежде чем начать подготовку к экзаменам, он собрал информацию о том месте, где ему предстояло провести несколько лет жизни. В заведении сестер Томсон оказался ученик, который с успехом сдал вступительные экзамены в Хэрроу. Черчилль связался с ним и буквально завалил вопросами. обстоятельные ответы на большинство из них наполнили юношу оптимизмом³³¹. Теперь дело оставалось за малым – сдать экзамены самому.

Поступление не обошлось без курьезов. Описывая свой экзаменационный опыт, Уинстон будет вспоминать: «Едва мне исполнилось двенадцать лет, как я оказался на негостеприимной территории экзаменов, по которой мне придется путешествовать в течение последующих семи лет. Экзамены всегда были для меня большим испытанием. Те из предметов, которые вызывали пиетет у моих преподавателей, мне нравились меньше всего. Я бы предпочел, чтобы меня спрашивали по истории, поэзии и сочинениям, а экзаменаторы, наоборот, требовали латынь и математику. Причем вопросы, которые они мне обычно задавали, оказывались, как правило, далеки от тех, на которые я мог дать вразумительный ответ. Неудивительно, что после такого подхода мне так и не удалось произвести должного впечатления»³³².

Шестнадцатого марта 1888 года Черчилль приехал в Хэрроу на первый экзамен по латыни. Получив экзаменационный лист, он стал готовиться к ответу. Вначале написал в верхнем углу страницы свою фамилию, затем поставил цифру I – номер вопроса. После продолжительных размышлений для большей важности решил заключить цифру в круглые скобки – (I). Спустя два часа на листе появились чернильные пятна и большая клякса – вот, собственно, и всё. В таком виде экзаменационный лист был передан на проверку. Экзаменаторы сочли ответ достаточным и зачислили претендента в список будущих учеников³³³.

Именно так Черчилль описал историю поступления в Хэрроу в своих мемуарах «Мои ранние годы». По своим литературным достоинствам это произведение – одно из лучших образцов литературного стиля британского политика. Не менее точно оно и с исторической точки зрения. Большинство приводимых фактов имеют документальные свидетельства, к которым Черчилль обращался при работе над книгой.

Несмотря на все плюсы, воспринимая труд Черчилля буквально, можно составить неверное представление об общем фоне описываемых событий и разного рода нюансах. А ведь именно они порой и играют ключевую роль, позволяя отличить правду от вымысла. В отношении этого произведения уместно вспомнить латинское высказывание *cum grano salis*¹⁷ – именно так и надо воспринимать «Ранние годы». По крайней мере, сам Черчилль описывает события и дает оценки через призму самоиронии.

Разумеется, поступление в Хэрроу не было ни столь простым, ни столь забавным, как представлено в мемуарах. Во-первых, Уинстон усиленно готовился к экзаменам, чему есть немало документальных подтверждений. В одном из них читаем: «Дражайшая мама, я тружусь очень напряженно, в самом деле, очень напряженно, и могу только надеяться, что мои усилия будут вознаграждены»³³⁴.

Во-вторых, экзамен оказался далеко не так прост, как рассчитывал поступающий. «Намного, намного сложнее, чем я ожидал, – признается он матери, когда все будет кончено. – Я с огромным трудом перевел двенадцать или тринадцать строк латинского и гре-

¹⁷ «С крупинкой соли», иронически (лат.).

ческого»³³⁵. После экзамена Уинстон попытался объяснить Шарлотте Томсон свой слабый ответ тем, что никогда раньше не переводил с латинского на родной язык. При этом его не смутило, что он уже больше года переводил Вергилия, а Цезаря – и того больше. Умная женщина не стала спорить с огорченным воспитанником, ведь он и так был слишком подавлен, опасаясь, что не поступит³³⁷. А поступить жуть как хотелось. «Я очень сильно хочу учиться в Хэрроу, – не скрывал Уинстон. – Это настолько прекрасное место – живописный вид, хороший бассейн, замечательный гимнастический зал, столярная мастерская, а также множество других привлекательных особенностей»³³⁸.

В-третьих, и это очень наглядно демонстрирует, насколько тяжело дались Черчиллю экзамены, он был настолько вымотан – психологически, эмоционально и физически, – что после завершения испытаний сразу слег в постель³³⁹. «Я так рад, что поступил, такое облегчение, было ужасно тяжело», – сообщил он матери, когда поправился³⁴⁰.

В заключение этого эпизода можно с уверенностью добавить: не будь фамилия Уинстона – Спенсер Черчилль, не будь его дедушка потомком генерала Мальборо, а отец – в недавнем прошлом членом правительства, путь в Хэрроу был бы ему заказан. Взять, к примеру, будущего министра и впоследствии близкого друга Черчилля Фредерика Эдвина Смита (1872–1930). Этот человек не уступал отпрыску известного семейства в способностях, чего нельзя было сказать о его значительно более скромной родословной. За два года до описываемых событий он тоже пытался поступить в Хэрроу, но безрезультатно.

Что же представляло собой учебное заведение, которое через несколько десятилетий будет гордиться тем, что Черчилль учился в его стенах? Школа была основана в 1572 году на Хэрроуском холме богатым землевладельцем Джоном Лайоном (ок. 1514–1592), который проживал в расположенной неподалеку деревушке Престон. Известный своей методикой воспитания молодежи, Лайон получил личное одобрение королевы Елизаветы I на создание школы. Некоторые исследователи отмечают, что специальный акт Короны способствовал не столько основанию, сколько второму открытию Хэрроу-скул, функционировавшей на этом месте уже почти два с половиной века, начиная с 1324 года. Как бы там ни было, но после своего первого (или второго) открытия Хэрроу стала пользоваться большой популярностью.

Среди предметов в Хэрроу выделялось преподавание латыни, а среди спортивных занятий – стрельба из лука. На начальном этапе большинство учеников, среди которых преобладали местные жители, учились бесплатно. Ситуация изменилась в 1700 году с поступлением в Хэрроу молодых людей из других графств. К началу XIX века число учеников увеличилось в шесть с половиной раз, с 69 до 470. Существенным изменениям подверглась и учебная программа – стрельбу из лука вытеснил крикет, а список дисциплин пополнился математикой, французским и музыкой. Примерно на этот же период приходится и написание первых хэрроуских песен, которые стали популярными во всей Англии.

Какие вопросы беспокоили Черчилля на новом месте? Все те же: нехватка родительского тепла и денег. Причем «финансовая» тема занимала все больше места в его письмах домой. «Пожалуйста, пришли мне еще денег, – умолял он леди Рандольф на пятые сутки после начала учебы в Хэрроу. – Этим вечером я оформил подписку на крикет, которая оставила меня почти без средств»³⁴¹. Поясним, что, помимо стандартного общеобразовательного курса, который оплачивали родители, администрация школы предоставляла ученикам возможность оформлять подписки на дополнительные дисциплины. В принципе, они тоже оплачивались родителями, которые вынуждены были увеличивать карманные средства своим детям.

Уинстон денег на подписки не жалел, поэтому большую часть пребывания в Хэрроу отчаянно балансировал на грани полного безденежья. При этом он считал, что причина кроется не в его запросах, а в незначительном объеме поступлений. Примечательно, что со

временем его точка зрения не изменится. Но если в Хэрроу объем поступлений зависел от родительской щедрости и он мог воздействовать на них, то в своей взрослой жизни ему приходилось рассчитывать только на себя. Более или менее, но ему удастся обеспечить свою семью достаточным заработком для ведения того образа жизни, к которому он привык и который считал для себя единственно приемлемым. Хотя, конечно, вопрос о деньгах возникал, и возникал довольно часто. Пока же Уинстон теребил родителей. И в первую очередь леди Рандольф, которая была более покладиста, чем ее супруг, не проявляющий внимания к воспитанию детей.

Юный Черчилль действовал методом убеждения. Он написал матери, что опросил по меньшей мере пять учеников, и все подтвердили, что родители дают им по три фунта на карманные расходы, но и этой суммы им недостаточно. «Я собираюсь оформить дополнительные подписки, – гнул он свою линию. – Не знаю, что и делать. Пожалуйста, пришли мне еще денег как можно скорее. Ты же обещала мне, что я не должен отличаться от остальных»³⁴². «Мне надо оформить еще одну подписку, но у меня не хватает средств для ее оплаты, – продолжал давить он. – Я едва смогу расплатиться за следующий семестр, в то время как в школе ужасно много» интересных курсов³⁴³. В одном из писем Уинстон признается своему «банкиру» (как он однажды назвал леди Рандольф)³⁴⁴, что «не хочет ни у кого занимать», но его финансовое положение не оставляет выхода. Если, конечно, не поступит новая наличность³⁴⁵.

Учитывая, что страсть к мотовству Черчилль унаследовал от матери, взывать к ней насчет дополнительных средств было, в общем-то, бесполезно, у нее самой их не было. Разумеется, порой она помогала, но гораздо чаще отчитывала сына за чрезмерные траты. «Мое дорогое дитя, твои письма всегда содержат один и тот же рефрен: „Пожалуйста, пришли мне денег“, – журила она сына³⁴⁶. «У тебя слишком много желаний, похоже, в отношении денег ты идеальное решето»³⁴⁷. Ругал его и отец: «Ты слишком экстравагантен. Даже если ты был бы миллионером, ты бы не смог быть более экстравагантным. Так больше продолжаться не может. Умерь свои желания и фантазии»³⁴⁸.

Однако умерять себя Уинстон и не собирался – слишком сложно это было для его натуры. И ему ничего не оставалось, как оправдываться. Он подробно перечислял, куда, на что и почему уходил каждый пенс³⁴⁹. «Так что, *chere maman*¹⁸, не сердись без причины»³⁵⁰. Когда Черчилль узнает, что его мать ограбили в казино Монте-Карло, он посоветует ей больше не ходить в подобные заведения. «Лучше вкладывай деньги в меня, это безопаснее»³⁵¹.

Упреки лорда и леди Рандольф не были беспочвенны, и уж тем более не были несправедливы. Это признавала даже любящая Уинстона миссис Эверест. Она упрекала своего воспитанника за то, что он в неделю тратит больше средств, чем требуется на содержание семьи из шести-семи человек. «Чем больше тебе дают денег, тем больше ты в них нуждаешься и тем больше ты их тратишь. Тебе и в самом деле надо научиться тратить их с умом. Единственный способ научить тебя этому – лишить свободных средств, чтобы ты почувствовал, что значит их отсутствие»³⁵².

Деньги деньгами, но в первую очередь Хэрроу была школой, и основная цель пребывания в ней состояла в получении образования. Как изменился подход Черчилля к восприятию учебного процесса по сравнению с Сент-Джорджем и Брайтоном? Незначительно. Он по-прежнему отдавал предпочтение лишь тем предметам, которые ему нравились, которые его вдохновляли, изучение которых приносило ему удовольствие. В частности, за все годы

¹⁸ Дорогая мама (*фр.*).

учебы он так и не смог преодолеть своего негативного отношения к латинскому языку, который играл не последнюю роль в принятой в то время в Хэрроу системе обучения.

Впоследствии Черчилль изменит свое отношение не только к древним языкам, но и к методам их преподавания. «Тем, кто владеет латинским и греческим языками, доступно множество наслаждений в этой жизни, – скажет он своему брату Джеку. – В школе же мы сталкиваемся только с непривлекательной стороной классических языков: грамматикой и просодией – вместо нравов и образа жизни»³⁵³. Латинские цитаты станут неотъемлемой частью многих сочинений политика. Уже в своей первой работе, написанной спустя всего несколько лет после окончания Хэрроу – «Истории Малакандской действующей армии», он приводит четыре высказывания из произведений Тита Кара Лукреция (99–55 до н. э.) и Марона Публия Вергилия (70–19 до н. э.)³⁵⁴.

В зрелые годы Черчилль признавал, что латинский язык «выглядит и звучит выразительнее» английского. «В латинском предложении все подогнано, как в отлаженном механизме, – объясняет он. – Каждую фразу можно плотно наполнить смыслом. Это непростой труд даже для тех, кто не знал иного способа выражения, но именно через него римляне и греки легко и красиво утвердили свою посмертную славу. Они были первопроходцами в сфере идей и литературы. Открывая очевидные истины, касающиеся жизни и любви, войны, судьбы и образа жизни, они придавали им чеканную форму афоризмов и эпиграмм, получая, таким образом, на эти темы вечный патент»³⁵⁵.

Черчилль очень точно подметил природу «вечного патента». Ни оригинальность суждений, ни глубина высказываний, ни красота формы, а именно первенство обеспечило древнегреческим и древнеримским авторам место в истории человеческой мысли. И это право первенства распространится не только на литературу и философию и не только на Древний мир. Гиппократ станет величайшим врачом, Александр Македонский – полководцем, Гомер – поэтом, Исаак Ньютон – физиком, Леонардо да Винчи – изобретателем, Моцарт – композитором. На смену им придут Авиценна, Наполеон, Данте, Эйнштейн, Ломоносов и Бетховен. Они тоже будут великими, но все же уступят пьедестал своим предшественникам, которым принадлежало право первенства. «Меня всегда поражало, каким преимуществом обладают люди, живущие в более раннем историческом периоде, – признается однажды Черчилль. – Они обладают возможностью первыми сказать правильные вещи. Снова и снова я сталкиваюсь с ситуацией, когда хочу высказать достойную мысль и обнаруживаю лишь, что она уже была произнесена, причем задолго до меня»³⁵⁶.

Однако, несмотря на право первенства, уже в школьные годы Черчилль выражал сомнение в том, «что древние авторы достойны быть фундаментом нашего образования». И когда ему напомнили, что «чтение Гомера в подлиннике – наилучший отдых для мистера Гладстона», он лишь саркастически заметил: «Так ему и надо»³⁵⁷. Своему брату Уинстон советовал «оставить латинский итальянцам, пусть они изучают его»³⁵⁸.

С годами мнение Черчилля относительно древнегреческих и древнеримских авторов изменится. В 1948 году он признает, что классическая литература является «великой объединяющей силой Европы»³⁵⁹. Хотя вполне возможно, что изменения в его мировоззрении не были столь существенными, и эта реплика больше принадлежит умудренному опытом государственному деятелю, мечтающему о мирном сосуществовании европейского семейства земель и народов, чем любителю искусства в целом и древней литературы в частности. По крайней мере, даже признавая за классиками важную «объединяющую» функцию, он, тем не менее, скептически заявлял: «Древнегреческие и латинские философы, похоже, часто находились в неведении, что их общество построено на рабстве»³⁶⁰.

Все эти рассуждения займут Черчилля спустя годы, когда в его активе будет множество достижений на ниве государственной службы, публицистики и ораторского мастерства. Пока же перед учеником Хэрроу стояла необходимость изучения латыни. И для того чтобы он смог одолеть этот предмет, обучать его взялся лично Джеймс Уэллдон. Трижды в неделю он по четверти часа перед вечерней занимался с отстающим юношей. «С его стороны это была невероятная милость, так как он учил лишь старост и выдающихся учеников, – вспоминал политик. – Я гордился такой честью и гнул под тяжестью бремени»³⁶¹. Занятия продолжались почти целый семестр. В конечном счете, поняв, что не в коня корм, Уэллдон оставил свои «начатые с наилучшими намерениями, но оказавшиеся напрасными труды»³⁶².

Почувствовал ли Уэллдон себя уязвленным, не сумев приобщить Уинстона к латыни? Учитывая его доброжелательный нрав, по всей видимости, нет. Прочитав в 1930 году воспоминания Черчилля о не самых приятных годах в Хэрроу, он будет сожалеть, что не сделал пребывание своего воспитанника в стенах школы более счастливым. Сославшись на недостаток времени – «одну из основных проблем, с которой сталкиваются директора школ», – он заметит, что «всегда верил» в Черчилля³⁶³. В 1935 году он признается супруге политика:

«Хотя я и не могу утверждать, что предвидел все будущие достижения Уинстона, я вправе сказать, что даже в его школьные годы я не мог не оценить его удивительных способностей и искреннего патриотизма»³⁶⁴. Также он относил свое общение с Черчиллем к «одним из самых счастливых эпизодов работы в Хэрроу»³⁶⁵. Все эти признания и заявления были сделаны спустя четыре десятилетия после описываемых событий, что, конечно, нельзя не учитывать при их оценке. И тем не менее факт остается фактом, Черчилль будет поддерживать теплые отношения со своим бывшим наставником. А Уэллдон будет с симпатией наблюдать за жизнью своего ученика, лишь укрепляясь в вере, что «с каждым годом человек становится лучше и благороднее»³⁶⁶.

Когда по прошествии десятилетий Черчилль начнет оплачивать обучение уже своим детям, он будет придавать большое значение изучению иностранных языков, считая, что знание дополнительного языка является «ощутимым преимуществом». Причем это преимущество очевидно, даже если знаний иностранного языка хватает только на чтение книг. «Чтение на иностранном языке расслабляет ум, оживляя его посредством знакомства с другими мыслями и идеями, – считал политик. – Даже простая структура языка задействует соседние клетки мозга, снимая самым эффективным образом усталость. Это то же самое, как если бы музыкант, зарабатывающий на жизнь игрой на трубе, станет играть на скрипке для собственного удовольствия»³⁶⁷.

Что касается конкретных языковых пристрастий, то основное внимание Черчилль уделял не мертвым, а тем языкам, которые открывают перед человеком новые горизонты, обеспечивая доступ к новому своду знаний и погружению в незнакомую культуру; тем языкам, которые способны не только расширить кругозор, но и пригодиться в повседневной жизни. При этом он был против изучения одновременно нескольких языков, полагая, что вначале необходимо овладеть в совершенстве одним и только после этого, если будет желание, возможности и время, приступать к изучению дополнительного языка³⁶⁸. Сам он выбрал французский.

Французский язык, овладение которым Черчилль рассматривал как «восхитительный дар»³⁶⁹, был близок ему с детства. Французским в совершенстве владела леди Рандольф, прожившая в Париже шесть лет. Неоднократно во Францию приезжал и сам Уинстон для прохождения языковой практики. В Хэрроу французский ему преподавал один из лучших учителей школы Бернар Жюль Минссен (1861–1924). «Я добился значительного прогресса в изучении французского, – не без гордости признавался Уинстон матери в конце 1891 года. –

Я начинаю думать на этом языке»³⁷⁰. Спустя месяц новое признание: «Я обнаружил, что существенно подтянулся по французскому»³⁷¹.

Черчилль продолжит совершенствовать свои знания иностранного языка и после окончания Хэрроу. В основном с помощью бесед с носителями языка, а также чтения французских классиков, например Вольтера и Монтеня, ну и, конечно, исторической литературы. Во время одного из путешествий в Париж он пополнит свою библиотеку почти тремястами томов различных сочинений³⁷².

Признавая огромные силы, затраченные Черчиллем на изучение французского языка, невольно возникает вопрос, насколько хорошо он смог им овладеть. Французские исследователи жизни британского политика отмечают, что, хотя ему и удалось добиться «превосходных результатов»³⁷³, ответ на этот вопрос неоднозначен. По словам одного из первых французских биографов Черчилля Жака Арнавона, политику была ближе письменная речь, а использование разговорного языка требовало гораздо больше усилий³⁷⁴. Современный историк Франсуа Бедарида указывает, что «возможность поговорить по-французски всегда доставляла Черчиллю удовольствие», при этом автор добавляет: «Впрочем, его собеседники не всегда разделяли с ним эту радость»³⁷⁵. Не разделял эту радость, к примеру, генерал Шарль де Голль (1890–1970), который шутя заметил, что ему пришлось даже выучить английский язык, чтобы понять французский Черчилля³⁷⁶. Да и сам политик однажды с иронией потребовал от одного из своих коллег: «Пожалуйста, перестань переводить с моего французского на французский»³⁷⁷. А в другой раз перед выступлением на языке Вольтера, Бальзака и Гюго он предварительно предупредил публику, что речь идет о «значительном предприятии», которое проверит на прочность хорошие отношения собравшихся к Великобритании³⁷⁸.

Оценивая знания Черчилля, принципиальным является не то, насколько хорошо или плохо он смог овладеть французским. Куда более важно, что он активно использовал этот язык в повседневной жизни, часто вставляя в переписку французские слова и выражения, наслаждаясь французскими классиками, распевая французские песни, а также, когда требовала ситуация, – ведя на французском переговоры на правительственном уровне и выступая перед французской аудиторией³⁷⁹. Не менее важным является и то, что французский язык позволил ему, общепризнанному франкофилу³⁸⁰, полнее погрузиться в великую культуру великой страны. Черчилль настоятельно будет советовать своему брату изучать французский, объясняя, что владение этим языком окажет ему «величайшую услугу в жизни»³⁸¹. Аналогичные требования он будет предъявлять и к своим детям³⁸². «Уинстон любит Францию, словно женщину», – отмечал в своем дневнике личный врач политика³⁸³. «С Францией все будет хорошо. Это благословенная земля», – скажет Черчилль в конце жизни своему другу Вальтеру Грабнеру³⁸⁴.

Среди других иностранных языков у будущего премьера будет возможность выучить немецкий, однако язык Шиллера и Гёте оставил его равнодушным³⁸⁵. Не желая распыляться, он решил сосредоточиться на одном иностранном языке, также отказавшись от возможности изучать хиндустани во время своего пребывания в Индии³⁸⁶, несмотря на просьбы своей матери³⁸⁷.

Главным же лингвистическим пристрастием Черчилля был английский язык. Сам он не без самоиронии признавал, что в связи со скромными академическими успехами его считали неспособным к другим языкам, кроме английского³⁸⁸. Разумеется, это не так. И когда в конце 1920-х политик сядет за описание истории своей жизни, акцент на изучении английского

языка докажет свое принципиальное значение. Все должно иметь свои истоки, и любовь Черчилля к письменному слову, его талант писателя и историка берут начало именно в стенах Хэрроу: с простого разбора сложных английских предложений.

Выстраивая логическую цепочку между своими лингвистическими увлечениями в детстве и юности и достижениями на литературном поприще в зрелые годы, Черчилль был недалек от истины. За время пребывания в Хэрроу он действительно смог впитать «в плоть и кровь» структуру английского языка, полюбив его всем сердцем³⁸⁹. «Невозможно написать страницу, чтобы не испытать наслаждения от богатства, многообразия, подвижности и глубины английского языка», – скажет он в феврале 1908 года, выступая перед членами лондонского Клуба авторов³⁹⁰. В последующие годы Черчилль будет призывать, чтобы «все молодые люди изучали английский язык». «Особенно умные могут продолжить совершенствоваться в латинском для почета и в греческом – для удовольствия, – заметит он. – Но единственное, за что бы я их порол, так это за незнание английского языка. Причем здорово порол бы»³⁹¹.

Подход Черчилля не потерял актуальности и по сей день. В его отношении к английскому важным было не то, что он любил именно английский язык. Важным было то, что он любил родной язык. Посмотрите на греков, говорил он. Почему им удалось превратить свой язык в «самый изящный и лаконичный инструмент для выражения мыслей», сделать так, чтобы он «стал эстетическим эталоном, которым человечество не перестает восхищаться и сегодня»? Это достижение стало возможно благодаря тому, что греков «интересовал родной язык». «Они любили, лелеяли и обогащали его, – объясняет наш герой. – Нужно как можно больше времени и внимания уделять родному языку, ведь именно от него в значительной мере зависит грядущий прогресс»³⁹².

В становлении личности Черчилля ключевую роль сыграло самообразование. Но в отношении английского языка на его жизненном пути встретился человек – «замечательный человек», – перед которым политик, по его собственным словам, был «в неоплатном долгу»³⁹³. Речь идет об учителе английского языка Роберте Сомервелле (1851–1933), который использовал для обучения своих воспитанников собственную методику. Описание этой методики кратко представлено в мемуарах Черчилля «Мои ранние годы»: «Он брал достаточно длинное предложение и разбивал его на составные части, используя при этом чернила разного цвета: черные, красные, синие и зеленые. Подлежащее, сказуемое, дополнение; придаточные и условные предложения, соединительные и разделительные союзы! У каждого был свой цвет, своя группа. Это напоминало натаскивание, и мы занимались этим чуть ли не ежедневно»³⁹⁴.

Это описание достаточно известно и приведено во множестве исследований, посвященных британскому политику. Куда менее известно то, что, приступая к написанию своих мемуаров в конце 1920-х годов, Черчилль связался с бывшим учителем и попросил передать материалы по методике, оставившей глубокий след в его памяти. «Я всегда полагал, что ваши наставления принесли мне огромную пользу, научив меня писать на сносном английском», – признается он Роберту Сомервеллу в 1927 году³⁹⁵.

«Видишь, Чарльз, все это началось в Хэрроу», – скажет Черчилль в 1943 году, обращаясь к своему личному врачу Чарльзу Макморану Уилсону, 1-му барону Морану (1882–1977)³⁹⁶. Что политик имел в виду? Именно в Хэрроу он начал писать. Среди наиболее интересных работ следует отметить эссе (май 1888 года) о Палестине времен Иоанна Крестителя с цитированием двух первых строф «Псалма жизни» известного американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882)³⁹⁷:

Не тверди в строфах унылых:
«Жизнь есть сон пустой!» В ком спит
Дух живой, тот духом умер:
В жизни высший смысл сокрыт.

Жизнь не грезы. Жизнь есть подвиг!
И умрет не дух, а плоть.
«Прах еси и в прах вернешься», —
Не о духе рек Господь¹⁹.

На эти же годы приходится подготовка детально проработанного эссе в стиле Джона Гилпина²⁰ о мифическом царе Египта Рампсините – одном из героев рассказов Геродота³⁹⁸. «Никогда не мог поверить, что встречу ученика, который в четырнадцать лет будет испытывать такой пиетет перед английским языком», – не скрывая своего удивления, признавал Сомервелл³⁹⁹. Незадолго до окончания Хэрроу, в декабре 1892 года, Черчиллем также была написана небольшая пьеса в четырех актах с интригующим названием «Беглый взгляд в будущее», посвященная школьной жизни⁴⁰⁰.

Самым же интересным сочинением в период учебы Черчилля в Хэрроу является эссе 1889 года о битве между Англией и Россией. В противнике автор эссе ошибется, пойдя на поводу у преобладающих в британском обществе настроений. Зато с шокирующей точностью он угадает начало международного противостояния – июль 1914 года. Эссе, занимавшее по объему почти две тысячи слов и содержащее шесть карт, написано от имени полковника Сеймура, адъютанта командующего кампанией. Завершалось оно словами главного героя, которые можно отнести к первому афоризму Черчилля: «Победа – лучший в мире наркотик»⁴⁰¹.

Не зная, кем станет его воспитанник, и понятия не имея, какие испытания будут ждать Европу в июле 1914 года, Сомервелл обратит внимание на высокое литературное качество текста и решит сохранить эту работу. Впоследствии она окажется у его сына, барона Дональда Брэдли Сомервелла (1889–1960), занимавшего с 1936 по 1945 год пост генерального атторнея Англии и Уэльса. В 1942 году он решит выставить эссе в библиотеке Хэрроу, предварительно согласовав это с автором сочинения. Черчилль ответил, что «не возражает, если оно и в самом деле достойно такой чести». Единственное, он попросит подождать окончания войны, не желая, чтобы эссе попало «сейчас на страницы газет»⁴⁰².

Сам Черчилль прекрасно отдавал себе отчет, что обладает талантом изложения своих мыслей, переживаний и идей в письменной форме. Более того, он довольно рано осознал, что его способности могут принести не только моральное удовлетворение, но и куда более осязаемые блага. Благодаря прекрасному владению письменным словом он выделялся на фоне других учеников, что давало ему уникальную возможность оказывать им услуги. Взамен же он мог потребовать от них помощи в решении собственных проблем.

О каких проблемах могла идти речь? Конечно, о выполнении заданий по остальным предметам, и в первую очередь заданий по латинскому языку. Каждый день Уинстон должен был переводить по десять – пятнадцать строк из античных классиков, на что у него уходило до полутора часов драгоценного времени. Причем львиную долю времени съедала возня со словарем, выматывающая нетерпеливого ученика: «Нетрудно открыть его на более или менее правильной букве, но потом приходится листать взад и вперед, сверху вниз пробежать

¹⁹ Перевод И. А. Бунина.

²⁰ Гилпин, Джон – герой комической поэмы Уильяма Купера (1731–1800) «История Джона Гилпина».

глазами столбцы и зачастую убеждаться в том, что от нужного слова ты отстоишь на три-четыре страницы»⁴⁰³.

После недолгих раздумий Черчилль решил заключить союз с одним из учеников (некоторые исследователи указывают, что это был Леопольд Эмери⁴⁰⁴), который легко переводил Горацио, Овидия, Вергилия и даже эпиграммы Марциала, но зато с огромным трудом писал эссе по английскому языку. Отныне над эссе трудился Уинстон, а его знакомый взял на себя переводы. До поры до времени все шло замечательно, пока эссе прежде отстающего в литературе юноши не было отмечено самим Уэллдоном. Он пригласил ученика к себе, желая обсудить понравившийся ему текст. Учитывая, что автором эссе был не он, бедняга не смог поддержать должным образом беседу. Вероятно, не желая портить себе настроение, после нескольких вопросов директор отпустил нерадивого «автора», заметив напоследок: «Пишете вы лучше, чем говорите». После этого случая Черчилль сознательно снижал качество текстов, написанных для других учеников⁴⁰⁵.

При всем этом потомок Мальборо никогда не отличался излишней осторожностью. Если с подложным авторством ему удалось избежать нежелательной беседы с руководством школы, то написание статей для местной газеты *The Harrovian* подчас оборачивалось для него неприятностями. Уже в те годы Уинстон взял за практику смело высказывать свое мнение и делал это порой в ироничной, даже едкой форме. Обычно он подписывал статьи вымышленными именами – де Профундис²¹, Юниус-младший²², Справедливость и Правда⁴⁰⁶. Однако ни для кого не было секретом, кто скрывался под этими псевдонимами.

Что же критиковал Уинстон? Многое. От состояния классных помещений, где, по его мнению, либо не хватало освещения, либо гуляли сквозняки⁴⁰⁷, до общей организации школьного процесса. Однажды он многозначительно процитировал небезызвестные строки Шекспира: «Прогнило что-то в Датском королевстве»⁴⁰⁸. Когда на одно из его критических посланий был дан аргументированный ответ объемом в двести сорок слов⁴⁰⁹, он подготовил новое письмо, по косточкам разбирающее этот ответ. По объему его «ответ на ответ» был больше почти в два раза⁴¹⁰.

По воспоминаниям очевидцев, большинство заметок Черчилля не доходило до публикации, но, будучи «чрезвычайно остроумными и великолепно написанными», они заставляли редакторов «смеяться до упаду»⁴¹¹. Те же статьи, которым посчастливилось появиться на страницах газеты, вызывали не только смех, но и раздражение, особенно у администрации школы. Однажды после публикации очередного обвинительного опуса Черчилля вызвал директор школы и достаточно строго намекнул, что у него нет желания докапываться до авторства, но если подобное повторится, то он исполнит «свой печальный долг и высечет» писавшего⁴¹². До порки, к счастью, дело не дошло.

Одновременно с первыми опытами сочинительства Черчилль активно развивает свое увлечение литературой. Он становится завсегдатаем школьной библиотеки и местного книжного магазина, погружается в творчество Уильяма Теккерея (1811–1863), Чарльза Диккенса (1812–1870) и Уильяма Вордсворта (1770–1850)⁴¹³. Со своими преподавателями он обсуждает форму изложения мыслей и литературные приемы, которые использовали Роберт Льюис Стивенсон (1850–1894), Джон Рёскин и кардинал Джон Ньюман (1801–1890). «Уин-

²¹ Из глубины (*лат.*). Само выражение восходит к 129 псалму: *De profundis clamavi ad te Domine* («Из глубины взываю к Тебе, Господи»). В 1897 году, во время заключения в Редингской тюрьме, Оскар Уайльд напишет письмо-исповедь, которое также назовет *De Profundis*.

²² Юниус – псевдоним, используемый неизвестным автором знаменитых писем для Public Advertiser, написанных в период с 1769 по 1772 год.

стон учился образовывать себя самостоятельно, – констатирует Уильям Манчестер. – Он будет проявлять никчемность в классе и проваливаться на экзаменах, но в нужное ему время, на его условиях он станет одним из самых образованных государственных деятелей наступающего века»⁴¹⁴.

Вскоре после поступления в Хэрроу Черчилль принял участие в поэтическом конкурсе, вызвавшись запомнить и процитировать наизусть тысячу строчек из «Песен Древнего мира» Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859)⁴¹⁵. Он выбрал первую поэму «Гораций» со следующими известными строками:

Пусть рано или нет
Любой оставит свет,
Но лучше нет конца,
Чем пасть от рук врагов,
В бою за честь отца,
За храм своих богов²³.

Вспоминали ли Черчилль приведенные строки летом 1940 года? Трудно сказать. По словам его сына: «Вдохновляющий патриотизм этих стихов оставался с отцом все время, превратившись в главный стимул его политической деятельности»⁴¹⁶.

К конкурсу Черчилль не выучит тысячу строк, как планировал. Он выучит больше – тысячу двести! Надев «самые лучшие брюки, пиджак и жилет»⁴¹⁷, он продекламирует поэму с выражением и без единой ошибки. И одержит уверенную победу, первую в своей жизни. Отныне в школьных ведомостях рядом с его именем появится буква (p), что означало *prizeman* – призер⁴¹⁸.

Вдохновленный успехом, Уинстон решил участвовать в новом состязании. На этот раз ученикам предстояло «запомнить и представить фрагменты из “Венецианского купца”, “Генриха VIII” и “Сна в летнюю ночь”»⁴¹⁹. Черчилль заранее побеспокоился, попросив отца прислать ему «хороший томик Шекспира» для подготовки к конкурсу⁴²⁰. Он также рассчитывал продекламировать наизусть тысячу строк.

Конкурс состоялся в конце октября 1888 года. В нем приняли участие двадцать пять учеников. Победу Черчилль не одержал, набрав сто очков²⁴ и заняв четвертое место⁴²¹. Но он все равно был доволен результатом: «Я поражен, поскольку смог обойти двадцать ребят, которые намного старше меня»⁴²².

Участие Уинстона в такого рода конкурсах очень характерно для него. Во-первых, декламируя стихи, он мог всецело воспользоваться своей феноменальной памятью, которая будет восхищать многих его современников⁴²³. «Мне достаточно прочитать колонку печатного текста четыре раза, чтобы затем повторить ее без купюр и ошибок», – с полным на то основанием хвастался он своими способностями⁴²⁴.

Во-вторых, Черчилль считал полезным запоминание стихов. Причем не только в целях тренировки памяти, но и для хорошего времяпрепровождения. «Никогда не знаешь, в каких обстоятельствах, в том числе неудачных, можешь очутиться, – объяснял он. – Под рукой может не оказаться книг. Либо придется терпеливо ожидать что-то в скучной или, того хуже, неприятной обстановке. Закрой глаза и начинай вспоминать строки поэтов, оставивших тебе

²³ Перевод автора.

²⁴ Ученик, занявший первое место, набрал сто двадцать семь очков.

свое наследие»⁴²⁵. Когда будущий политик окажется в бурском плену, он именно так и поступит, коротая время за цитированием обширных кусков из произведений Лонгфелло, Мак-лея и Шекспира⁴²⁶.

На Шекспире остановимся отдельно. Третья причина, почему декламация стихов характерна для Черчилля, заключалась в том, что в ней отчасти проявилась любовь к столпу английской литературы Уильяму Шекспиру, слова которого, по мнению нашего героя, «проникают в сердца слушателей и читателей»⁴²⁷. Исследователи признают, что автор «Гамлета» был любимым драматургом политика. «В английской литературе нет автора, которого он цитирует больше, чем Уильяма Шекспира», – отмечает исследователь литературных произведений Черчилля Даррел Холли, которая нашла почти пятьдесят аллюзий Шекспира в его произведениях⁴²⁸.

Именно из Шекспира Черчилль взял эпитафию для своей первой книги⁴²⁹, именно к Шекспиру он обращается для раскрытия своего внутреннего состояния, для передачи настроения и размышлений во время вынужденного привала в ходе инспекции Королевского военно-морского флота в Скапа-Флоу в сентябре 1939 года. Прошло чуть более двух недель, как началась Вторая мировая война, чуть более двух недель, как он был возвращен после десяти лет отлучения от власти к решению нависших над страной проблем и назначен на пост первого лорда Адмиралтейства. На тот самый пост, который он уже занимал четверть века назад в другом мировом военном конфликте. Черчилль цитирует строки из «Ричарда II»⁴³⁰, но при этом не дает ссылку ни на автора, ни на произведение, полагая, что образованные читатели должны их знать наизусть⁴³¹:

Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей⁴³².

Помимо литературного гения, Шекспир привлекал Черчилля тем, что в его произведениях возрождается история Англии, воскресают одержимые властью и страстью личности, оживают важнейшие события, а также «суровые и жестокие, но в то же время героические черты»⁴³³ минувших дней. «Его луч волшебного искусства поочередно касается большинства вершин английской истории и освещает их ярким светом», – скажет Черчилль о своем великом соотечественнике⁴³⁴. И когда он сам сядет за воссоздание монументального полотна истории своей страны, он будет знать, к кому обратиться для отражения глубины человеческих чувств и страданий.

Декламация стихов представляет интерес и еще по одной причине. Она напрямую связана с актерским началом Черчилля, а также с его увлечением театром. Когда Уинстону было тринадцать лет, Леони и Клара, тетки по материнской линии, подарили ему игрушечный театр. На протяжении следующих четырех лет игрушечный театр станет для мальчика «великим развлечением»⁴³⁵ и «источником бесподобного наслаждения»⁴³⁶. Постановка и разыгрывание пьес было не обычным детским увлечением, исчезающим по мере взросления. Черчилль сохранит любовь к театру и в зрелые годы. С любовью к театру в его жизни сохранится и любовь к театральности, находящая проявление в желании выступать в котурнах на политической сцене либо добавлять мелодраматичность и амплификацию в собственные тексты⁴³⁷.

Иначе выглядело отношение Черчилля к музыке. В детстве он имел несколько пересечений с этим видом искусства: желание научиться играть на виолончели⁴³⁸, участие в оперетте⁴³⁹ и успешное пение в хоре⁴⁴⁰. Хотя по прошествии пятидесяти лет об этом он отзо-

вется с иронией: «Мне нравился большой барабан, а вместо него мне дали треугольники». «Что бы мне действительно хотелось, так это стоять за пультом дирижера», – говорил политик. Однако, понимая подспудно всю сложность этой работы, он признавался, что «готов оставить это поле деятельности сэру Бичему»²⁵⁴⁴¹.

В 1912 году Черчилль приобретает пианино знаменитой фирмы *Steinway*. Трудно сказать, чем он руководствовался, делая подобную покупку, но музыкальный инструмент у него не задержался. Он вернул его обратно в магазин на следующий месяц. Еще через пятнадцать лет Черчилль повторит попытку, став обладателем пианолы. Результат был аналогичен: инструмент вернулся в *Harrods*⁴⁴².

Во всем огромном литературном наследии Черчилля есть лишь один абзац, посвященный музыке: «Из всех войн, где я участвовал, из каждого решающего эпизода моей жизни я вынес мелодии. Однажды, когда мой корабль окончательно бросит якорь в родной гавани, я соберу их в грамофонных записях; сяду в кресло, закурю сигару, и нахлынут стертые временем картины и лица, настроения и переживания; и засветится тусклый, но неподдельный огонек былого»⁴⁴³. Любимыми произведениями политика были комические оперы либреттиста Уильяма Швенка Гилберта (1836–1911) и композитора Артура Сеймура Салливана (1842–1900), а также русский балет⁴⁴⁴, марши, военные и школьные песни. Из классики он отдавал предпочтение Брамсу, Моцарту и Бетховену, особенно четвертой части Первой симфонии Брамса⁴⁴⁵.

Музыка привлекала политика не только как слушателя. В его архиве сохранилось письмо от апреля 1926 года, адресованное другу и научному консультанту, профессору Фредерику Александру Линдемону (1886–1957). В нем он просит ученого найти связь между музыкой и математикой. В том случае, если эта связь будет обнаружена, выдвинул предположение Черчилль, удастся перебросить мостик между музыкой и физикой, не ограничиваясь при этом одним лишь учением о звуковых волнах⁴⁴⁶.

Политик также признавал общественное значение музыки, замечая, что без нее невозможно представить «церковь, кино, театр, политическое собрание, футбол, морской курорт, отдых в круизе, забастовку, революцию и, конечно, войну»⁴⁴⁷. Это высказывание наглядно демонстрирует, что в основном он отводил музыке общественную роль, оставляя за пределами внимания духовную и эстетическую природу этого вида искусства, прекрасно выраженную в емком афоризме Фридриха Ницше: «Без музыки жизнь была бы ошибкой».

Скромные связи Черчилля с музыкой не привлекли бы столько внимания, если бы не мать нашего героя. Дженни прекрасно играла на фортепьяно и была ученицей друга Шопена, Листа и Берлиоза – композитора и пианиста Стефана Хеллера (1813–1888), который считал, что у нее настоящий талант концертной пианистки. Впоследствии она не раз поражала публику исполнением в четыре руки с будущим премьер-министром Артуром Бальфуrom дуэтов Бетховена и Шумана.

Дженни любила творчество скандального, но великого Рихарда Вагнера (1813–1883). Леди Рандольф посещала Мекку вагнеровского искусства *Festivalspielhaus*, способствовала первой постановке тетралогии «Кольцо нибелунга» в Лондоне, а о своем первом впечатлении от «Парсифаля» отзывалась: «Колоссально». Также она общалась с сыном байройтского гения Зигфридом (1869–1930). Когда во время беседы с ним она неосторожно произнесла, что обожает Баха и Бетховена, воцарилась тишина. И как она посмела в присутствии сына самого Вагнера упомянуть с восторгом других композиторов, подумали присутствующие?

²⁵ Сэр Томас Бичем (1879–1961) – выдающийся английский дирижер.

Автор «Мейстерзингеров» ей наверняка бы такое не простил! Но Зигфрид был не столь категоричен, как его родитель.

«Отец тоже любил творчество этих композиторов», – ответит он, разрядив ситуацию⁴⁴⁸.

Вернемся, однако, к учебе в Хэрроу. Одновременно с литературой, театром и музыкой именно здесь Черчилль распробовал «вкус истории» – увлечение, которое стало одним из самых «ценных и приятных» составляющих учебного процесса⁴⁴⁹. Существенную роль в приобщении к истории сыграл Луис Мартин Мориарти (1855–1930). По мнению некоторых исследователей, этот преподаватель оказал на Уинстона «самое большое влияние»⁴⁵⁰. Под его началом Черчилль подготовил основательный доклад в тридцать тысяч слов, описывающий все военные кампании его предка, генерал-капитана Джона Мальборо. Спустя несколько десятилетий, взявшись за написание многотомной биографии полководца, политик вспомнит об этом документе. Он будет приятно удивлен глубиной и точностью выполненной работы, признав, что в стенах школы его «хорошо обучили»⁴⁵¹.

В Хэрроу Черчилля ждали не только первые академические успехи. Одновременно с интеллектуальным развитием администрация школы придавала большое значение физической форме своих подопечных. Занятия спортом и упражнения на открытом воздухе занимали не последнее место в учебном процессе и только приветствовались. В том числе и по этой причине, получив в мае 1889 года от своего отца деньги на карманные расходы, Уинстон потратил их не на подписку в очередной кружок, а на приобретение велосипеда. Двухколесное транспортное средство как раз стало завоевывать популярность в старой и доброй викторианской Англии. «Еще нет и десяти, а Парк-роуд уже полна велосипедистов», – удивлялись очевидцы⁴⁵². Уинстон тоже не отставал. «В субботу я проехал на велосипеде восемь миль», – с гордостью сообщит он отцу⁴⁵³.

Но наслаждение велопрогулками оказалось для Черчилля непродолжительным. Большой поклонник высоких скоростей, он разбился уже на следующий месяц. Врачи диагностировали «легкое сотрясение мозга» и положили его в больничную палату. «За мальчиком требуется тщательный уход в течение нескольких дней», – написал в отчете местный доктор Джордж Чапмен Бриггс (1847–1897)⁴⁵⁴. Директор Хэрроу проинформировал о случившемся родителей Уинстона⁴⁵⁵, однако реакция леди Рандольф и тем более ее супруга неизвестна.

Среди других проблем, с которыми столкнулся Черчилль в школе по части здоровья, стала грыжа живота. Он наблюдался у видного специалиста того времени в области хирургии грыж сэра Уильяма Маккормака (1836–1901). Учитывая начальный характер развития заболевания, врач посоветовал воздержаться от оперативного вмешательства⁴⁵⁶.

В отличие от начинающейся грыжи, гораздо больше проблем Черчиллю доставляли больные зубы. Кариес и сопровождавшие его неприятные ощущения стали для Уинстона настоящим бичом. С октября 1889 года он начинает периодически жаловаться на «дикую зубную боль»⁴⁵⁷ и просит леди Рандольф записать его к стоматологу⁴⁵⁸. Он сообщает, что регулярно чистит зубы⁴⁵⁹, но частота визитов к дантисту от этого не снижается.

В апреле 1891 года у Черчилля вновь «ужасно разболелись зубы»⁴⁶⁰. Лицо разнесло вдвое⁴⁶¹. Боль сделалась настолько сильной, что Уинстон оказался не в состоянии заниматься чем-либо, грезя о скорейшем посещении знакомого кабинета⁴⁶². Как назло, стоматолог смог принять его только на четвертые сутки, пока же миссис Эверест советовала «бедняжке» воспользоваться болеутоляющими средствами и компрессами⁴⁶³, а также впредь есть меньше «отвратительных солений и маринадов»⁴⁶⁴. Утешительное письмо пришло и от

матери: «Я тебе очень сочувствую, дорогой Уинстон. Я услышала от Эверест, что дантист сможет принять тебя только завтра. Возможно, он удалит зуб. Не хочу тебя поучать, но я уверена, если ты будешь больше заботиться о зубах, твои страдания уменьшатся»⁴⁶⁵.

Как считает сын нашего героя, проблема была не только в уходе за зубами, но и в непрофессионализме врачей, к которым попадал его отец⁴⁶⁶. Не прошло и полутора месяцев с момента предыдущего воспаления, как несчастный вновь окажется в кресле стоматолога с абсцессом и разнесенным лицом⁴⁶⁷. Там его ждал знакомый сценарий – наркоз и удаление. «Было совсем не больно, – хвастался Уинстон. – Я ничего не помню, проспав и прохрапев всю процедуру»⁴⁶⁸.

Но на самом деле причин для бахвальства было немного. Через несколько месяцев Уинстону удалили очередной зуб, что вызвало беспокойство у леди Рандольф: «Я пришла в ужас. Это так глупо с твоей стороны. Ты еще пожалеешь об этом. Дай мне адрес твоего стоматолога, я хочу встретиться с ним и научить его уму-разуму» (выделено в оригинале. – Д. М.)⁴⁶⁹.

Если беседа и возымела эффект, то кратковременный. Черчилль продолжит мучиться с зубами и в следующем учебном заведении. В конце 1893 года его вновь сразит зубная боль, на этот раз – двусторонняя⁴⁷⁰. История повторится через два месяца. Уинстон переживает «чудовищную ночь», мучаясь от «самой сильной зубной боли», которую он когда-либо испытывал⁴⁷¹.

Леди Рандольф была права, когда журила сына за недопустимо беспечное отношение к собственным зубам. Если во время учебы в Хэрроу Уинстон лишился зубов мудрости, то, не достигнув даже тридцати лет, он расстанется со многими передними зубами⁴⁷², место которых займут протезы. Именно по этой причине на многочисленных фотографиях Черчилля нельзя увидеть его зубов. Даже улыбаясь, он научился скрывать эту не самую авантажную часть своего образа. Учítывая, что на тот момент протезирование еще не достигло таких успехов, которым оно заслуженно может похвастаться в наше время, искусственные зубы доставляли Черчиллю множество неприятностей. Легко понять, о чем идет речь, если вспомнить, что одним из основных инструментов политика являются публичные выступления и личное обаяние. С протезами же и врожденной шепелявостью – другой отличительной особенностью великого британца – обаянию мог быть нанесен невосполнимый урон. Однако этого удалось избежать. С шепелявостью Уинстон боролся упорным проговариванием скороговорок; также он наблюдался у видного специалиста Феликса Семона (1849–1921), который пользовал короля Эдуарда VII⁴⁷³. Протезы же Черчилль старался заказывать у лучших мастеров. В конце жизни он станет клиентом одного из самых востребованных и признанных стоматологов своего времени сэра Уилфреда Фиша (1894–1974), а протезы ему будет изготавливать зубной техник Дерек Кудлипп⁴⁷⁴.

Черчилль не был бы Черчиллем, если бы и в такое прозаичное действо, как изготовление протезов, не привнес свою индивидуальность. Он попросил разработать для него уникальную модель, позволявшую сохранить едва заметную шепелявость, которая к тому времени из дефекта превратилась в еще одну составляющую его публичного образа⁴⁷⁵.

Помимо грыжи и зубной боли, во время учебы в Хэрроу Черчилль жаловался также на плохое зрение и неоднократно посещал окулиста⁴⁷⁶. В результате уже в школе он стал носить очки⁴⁷⁷. И будет носить их в последующие годы, не скрывая своей близорукости.

Из спортивных увлечений Уинстона следует отметить занятия по фехтованию, которые, как он считал, идут ему на пользу, позволяя поддерживать хорошую физическую форму и принося немало удовольствия⁴⁷⁸. Разумеется, невысокая острота зрения не слишком под-

ходила этому виду спорта, но Уинстона это не смущало. Не будучи большим любителем командных игр (за исключение поло), он привык делать ставку на одиночные виды спорта и часто добиваться в них успеха.

«Я очень усердно занимаюсь, – напишет он отцу в конце января 1892 года. – Я надеюсь, если повезет, стать чемпионом»⁴⁷⁹. Лорд Рандольф не придаст этим словам большого значения. Сын повторит свою мысль почти дословно спустя две недели⁴⁸⁰. И снова без внимания. Тут и гадать не надо: мальчик хотел подняться в глазах отца, одержав победу, но Черчиллю-старшему было все равно. И зря. Его сын победил, став чемпионом Хэрроу⁴⁸¹. «Поздравляю тебя с твоим успехом», – сухо ответит лорд Рандольф, не преминув тут же заметить: надеюсь, что «фехтование не отвлечет твоего внимания» от учебы⁴⁸².

Спустя две недели Черчилль в составе команды Хэрроу примет участие в соревновании средних школ в Олдершоте. Его кузен Дадли Мэрджорибэнкс проиграет в финале боксерского турнира, команда гимнастов будет всего лишь четвертой, и только Уинстон Черчилль – единственный представитель Хэрроу – займет первое место, став чемпионом по фехтованию. «Своей победе он обязан коротким и бесстрашным атакам, заставлявшим противников врасплох», – восхищались им зрители⁴⁸³. Но Черчилль не нуждался в их восторге. Он спал и видел, чтобы его успех разделил с ним отец. Но лорд Рандольф всегда был слишком занят, чтобы пойти на такие жертвы, как совместное времяпрепровождение с сыном. Вместо Олдершота он направился в Аскот, на скачки, предвкушая победу своей лошади. Лошадь, в отличие от его отпрыска, проиграет.

Отсутствие родителей на спортивных соревнованиях одновременно и болезненно, и показательно. Когда Уинстон поступал в Хэрроу, то одним из моментов, приятно согревающих душу, было близкое расположение учебного заведения к Лондону. Однако ожидания юноши не оправдались. Ни леди Рандольф, ни тем более ее супруг не спешили преодолеть даже такое короткое расстояние (от вокзала Виктории поезд шли семьдесят пять минут⁴⁸⁴), чтобы повидаться с сыном. Уинстону ничего не оставалось, как вновь и вновь взывать к родительским чувствам посредством переписки: «Если ты в порядке, я надеюсь, ты приедешь, моя дорогая мамочка. Пожалуйста, приезжай одна. Я хочу побыть с тобой наедине. Пожалуйста, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай к твоему любящему сыну»⁴⁸⁵.

Уинстон очень надеялся, что отец появится на чествованиях по случаю победы в поэтическом конкурсе. Он заранее подготовился: проверил расписание и сообщил отцу, на какой поезд лучше садиться⁴⁸⁶. Он также обратился за поддержкой к своей матери. «Постарайся, чтобы папа приехал, – умолял он ее. – Папа еще ни разу не приезжал»⁴⁸⁷. Лорд Рандольф не приедет и на этот раз.

Черчилль-старший навестит своего сына только в ноябре 1889 года, доставив ему массу удовольствия⁴⁸⁸. Это будет его первый и последний визит в Хэрроу⁴⁸⁹. Преподобному Уэллдону даже пришлось намекнуть родителям несчастного ученика, что их более частое появление было бы очень желательно⁴⁹⁰.

Но Черчилля не только редко навещали, иногда его не забирали домой на каникулы, что вызывало у мальчика настоящую истерику: «Моя драгоценная мамочка, прошу тебя, сделай все, что в твоих силах. Подумай только, насколько я несчастен, оставаясь здесь. Ты же обещаешь. Мне хочется рассказать тебе о стольких событиях. Где все? Никто уже давно мне не пишет и не рассказывает никаких новостей. Где Эверест? Постарайся, любимая мамочка, успокоить твоего любящего сына»⁴⁹¹.

«Ой! Ой! Ой, дорогой! Глупенький, я не имела в виду, что ты останешься в Хэрроу, – последовал ответ леди Рандольф. – Я просто не могу принять тебя дома. Мне действительно надо уезжать. Я постараюсь что-нибудь для тебя придумать. Я буду у тети Клары. Возможно, она тебя возьмет»⁴⁹².

Чем же была так занята леди Рандольф, что не могла найти время для родного сына? Частично ответ дает сам Черчилль в своем романе «Саврола», главная героиня которого – Люсиль – во многом списана с его матери. «Она вела очень занятую жизнь, – сообщает автор. – Приемы, балы, вечера заполняли время зимнего сезона тяжелой работой безостановочных развлечений. Иностранные вельможи ценили ее не только как самую обаятельную женщину Европы, но и как влиятельную политическую фигуру. В ее салоне толпились знаменитейшие люди всех стран. Государственные деятели и военачальники, поэты и ученые преклоняли колени в этом храме»⁴⁹³. Общественная жизнь поглощала все силы и время Дженни, оставляя ей мало возможностей для общения с детьми. Просматривая ее мемуары, опубликованные в 1908 году, поражаешься, насколько мало она упоминает Уинстона. Если говорить о его детстве, то встречаются всего два, да и то косвенных упоминания. Одно – в описании поездки в Ирландию⁴⁹⁴, второе – об отдыхе в Гаштайне⁴⁹⁵.

Может создаться впечатление, что судьба сыновей вовсе не интересовала Дженни. «Действительно ли лорд и леди Рандольф были плохими родителями?» – спросит младшая дочь Черчилля Мэри Соамс (1922–2014) кузину своей матери Сильвию Хенли (1882–1980). В отличие от родственницы, Мэри Соамс не знала бабушку лично. Отношение к ней формировалось под влиянием двух противоположных факторов: с одной стороны – отец, который никогда не говорил о матери плохо, с другой – супруга Черчилля Клементина, не благоволившая к свекрови и полагавшая, что Уинстон заинтересовал собственную мать, только когда стал знаменитым. Сильвия Хенли не сразу ответила на вопрос. Минуту-две она собиралась с мыслями, после чего вымолвила, тщательно подбирая слова: «По-моему, даже для стандартов своего времени они были ужасно плохими родителями»⁴⁹⁶.

Трудно поспорить с мнением очевидца. Но биографы матери Черчилля все же берут на себя смелость не согласиться. «Дженни никогда не была холодна, – считает одна из авторитетных биографов леди Рандольф Анна Себба. – Выражение любви не доставляло ей неудобств. Ее взаимоотношения с Уинстоном всегда были открытые и теплые, даже когда она упрекала его»⁴⁹⁷. Аналогичной точки зрения придерживается и историк Ральф Мартин: «Уинстон знал, что, несмотря на занятость, мать всегда готова его выслушать. Он всегда был уверен в ее любви к нему»⁴⁹⁸. По мнению Мартина, в своих отношениях с детьми Дженни руководствовалась теорией, согласно которой детям надо предоставлять как можно больше ответственности. Столько ответственности, сколько они смогут освоить⁴⁹⁹.

Эту мысль подтверждают также воспоминания друга семьи журналиста Джорджа Уошборна Смолли (1833–1916), который описывает эпизод прогулки на лодке в компании леди Рандольф и ее детей. Еще на берегу юный Черчилль взял руководство в свои руки. Он единолично управлялся с лодкой. «Я достаточно поднаторел в управлении лодками, чтобы видеть: Уинстон, хотя и не проявлял большого искусства, знал, что делает». Дженни, уверенная в своем сыне, полностью доверяла ему⁵⁰⁰.

А как же быть с мемуарами леди Рандольф и всего двумя упоминаниями Уинстона в его детские годы? На этот вопрос ответила сама Дженни. Во-первых, тем, что посвятила книгу «двум сыновьям – Уинстону и Джону». Во-вторых, когда глубокомысленно заметила: «Возможно, для некоторых эти *Воспоминания* будут интересны в первую очередь тем, что в них осталось недосказанным»⁵⁰¹.

Какими бы ни были отношения между леди Рандольф и ее старшим сыном, влияние этой женщины на его воспитание и становление личности было огромным. Когда он подрастет, она будет выводить его в свет, приглашая в свой салон виднейших политиков, в том числе будущих премьер-министров Розбери, Бальфура, Асквита. Каждый из них сыграет важную роль в жизни ее сына. «В те дни никто не видел определенности в том, как Дженни Черчилль воспитывает своих сыновей, – вспоминала впоследствии леди Уорвик. – Она развивала именно те качества, которые сами по себе проявились бы в них лишь через много лет. Она находила время, чтобы ободрить и поощрить их умение выражать свои мысли. Мне до сих пор смешно вспоминать, как школьник Уинстон излагал свой взгляд на политическую обстановку лорду Хартингтону»⁵⁰².

В какой-то степени Дженни была для Черчилля не только матерью, но и отцом, который, по словам нашего героя, «никогда не слушал, что я ему говорю, никогда не принимал мои слова во внимание»⁵⁰³. Леди Рандольф не только слушала, но и активно поощряла сына высказывать свою точку зрения. Понимала она и то, что ее возможности не безграничны. Она могла развивать своего первенца, но ее усилий все равно недостаточно. «В конце концов, через два месяца Уинстону исполнится семнадцать лет, – говорила она супругу. – Ему необходимо, чтобы его воспитывал мужчина»⁵⁰⁴.

Годы спустя Черчилль задастся риторическим вопросом – насколько обширна власть родителей над своими детьми. «С одной стороны, можно подумать, что само будущее находится в их руках, – рассуждал он. – В начале жизненного пути они самые главные. Они контролируют впечатления, поступки и опыт, а также обладают властью, не имеющей обжалования. Но при всем этом разве не удивительно, насколько бессильны они на самом деле?»⁵⁰⁵

В случае самого Черчилля бессилие родителей проявилось очень наглядно. Он был сложным ребенком. Преподаватели Хэрроу жаловались на его «забывчивость, невнимательность и непунктуальность». «Уинстон настолько организован в своей неорганизованности, что я и в самом деле не знаю, что с ним делать», – разводил руками его классный руководитель Генри Оливер Дэвидсон (1854–1914). Те, кто его учил, не понимали, как, обладая способностями, которые должны были обеспечить мальчику верхнее место в классе, он оставался в самом низу по успеваемости⁵⁰⁶. Уинстон и сам признавал свою «невнимательность и забывчивость»⁵⁰⁷. К тому же он, как выразился В. Г. Трухановский, был «страшным болтуном, почти непрестанно разговаривая с тех пор, как научился произносить слова»⁵⁰⁸.

Леди Рандольф ничего не оставалось, как проявлять суровость, строго отчитывая своего отпрыска: «Твой отчет об успеваемости очень плохой. Твой стиль учебы, порывистый и непоследовательный, обеспечил тебе последнее место. Мы с отцом очень разочарованы. Уверена, у тебя найдется тысяча причин для извинения, но если бы ты занимал хоть немного более высокое место по успеваемости, а твоя учеба отличалась большей методичностью, я бы попыталась согласиться с некоторыми из них. Дорогой Уинстон, ты делаешь меня несчастной, я возлагала на тебя такие надежды и так гордилась тобой. Следующие год-два окажут влияние на всю твою жизнь, остановись и одумайся, пока не стало слишком поздно» (выделено в оригинале. – Д. М.)⁵⁰⁹.

У Черчилля действительно была тысяча причин для извинения. Он признавал свою лень⁵¹⁰, но проблемы, по его мнению, были не только в нем. Проблемы были и в преподавателях. «Я не могу учиться у того, кого ненавижу и кто отвечает мне тем же», – объяснял он⁵¹¹. Уинстон не боялся поправлять учителей, если считал, что они не правы⁵¹². Особенно если ошибались в цитировании английских поэтов или приводили неверные исторические факты. Однажды он раскритиковал лекцию про Ватерлоо, сославшись на источники, неизвестные преподавателю. Источники были проверены, и оказалось, что Черчилль

был прав⁵¹³. Не боялся он и дерзить, отвечая на нападки в свой адрес. Когда один из учителей заявил ему в категоричном тоне: «Черчилль, у меня есть очень серьезные основания быть недовольным вами», он тут же парировал: «У меня также, сэр, есть очень серьезные основания для недовольства вами»⁵¹⁴.

Помимо проблем с учебой, в Хэрроу Черчилль снова «отличился» своим поведением. «Он последовательно нарушал почти каждое правило, – вспоминал учившийся с ним сэр Джеральд Вуластон (1874–1957). – Он был ужасно непослушный»⁵¹⁵. Однажды его поймали за битьем стекол в одной из школьных мастерских⁵¹⁶. Уинстон объяснил, что мастерская не функционировала и он с друзьями лишь хотел ускорить процесс ее разрушения⁵¹⁷. Наказание последовало незамедлительно – семь ударов розгами⁵¹⁸.

Но Черчилля это не остановило. В другой раз он собрал из пороха и пивной бутылки бомбу, которую намеревался взорвать в заброшенной постройке. Там, по слухам, водились приведения, и он решил положить этому конец. Поместив взрывное устройство в подвал, поджег его и выбежал наружу. Однако ничего не произошло. Подождав немного, Черчилль полез вниз, и в этот момент раздался взрыв. Ему повезло – он отделался легкими ожогами на лице и опаленными бровями⁵¹⁹.

Черчилль не раз отвечал за свои проступки и перед сверстниками. Например, его любимой проказой было сталкивать школьников в местный бассейн. «Что бы ни говорили, но это было очень забавно – подкрасться к какому-нибудь голому приятелю, а лучше недругу и толкнуть его в воду, – вспоминал он впоследствии. – Я частенько проделывал эту шутку с парнями моего возраста или поменьше. У меня это даже вошло в привычку».

Один случай запомнился ему особенно. Присмотрев невысокого парня, наш озорник тихо подкрался к нему и толкнул в воду. Торжество было недолгим. Юноша быстро вылез из бассейна и походкой, не предвещавшей ничего хорошего, направился к обидчику. Уинстон попытался спастись бегством, но был настигнут и брошен в воду.

Едва он выбрался из бассейна, как его окружили одноклассники:

– Ну, ты и влип!

– Ты хоть знаешь, что натворил?

– Ты толкнул Эмери²⁶, он учится в шестом классе...

– К тому же он староста, отличный спортсмен и лучший игрок футбольной команды...

Уинстону ничего не оставалось, как принести извинения:

– Прости меня, но я принял тебя за четвероклассника. Ты ведь та кой... маленький. –

Сообразив, что последнее слово говорить не следовало, он тут же добавил: – Мой отец, а он великий человек, тоже маленький!

Все рассмеялись, и на этом инцидент был исчерпан⁵²⁰.

Но далеко не все выходки заканчивались столь безобидно. Однажды несколько школьников затолкали Уинстона в постель и облили сначала горячей, а потом холодной водой. Возмутителя спокойствия спас учитель, проходивший мимо. Спасенный Уинстон тут же взялся обличать обидчиков «рокошущей» дикцией, поклявшись, что когда-нибудь всене непременно «будет великим, а они так и останутся никем»⁵²¹.

Неудивительно, что Черчилль, с его своеобразием, вредностью и дерзостью, не пользовался популярностью среди воспитанников Хэрроу. «Мы, учившиеся в других классах и не пересекавшиеся с Уинстоном лично, очень быстро стали наслышаны о нем, и та информация, которая до нас доходила, оставила о нем неприятное впечатление», – свидетельствует

²⁶ Леопольд Чарльз Морис Стеннетт Эмери (1873–1955). Годы спустя Черчилль и Эмери будут плечом к плечу сражаться во Второй англо-бурской войне, а также работать на протяжении многих лет в правительстве.

сэр Джеральд Вуластон⁵²². Не лучшее мнение сложилось и у тех, кто сталкивался с Уинстоном каждый день. Будучи наказан старшиной школы Фредериком Сирилом Ньюджентом Хиксом (1872–1942) (впоследствии Хикс станет епископом Линкольнским), Уинстон дерзко заявит: «Я буду более великим, чем ты», за что немедленно получит очередную оплеуху⁵²³. Очевидцы вспоминали о нем, как о «капризном, рыжеволосом бульдожке»⁵²⁴, как о «замкнутом мальчике, который бродил сам по себе» с видом «гордым и недовольным»⁵²⁵.

Нередко замкнутость, стремление к одиночеству, трудности в общении со сверстниками приводят к комплексам в зрелости. Но Черчиллю подобных психологических проблем удалось счастливо избежать. Его спасла высокая самооценка, а также готовность идти против течения. Последнее качество проявлялось в самых разных жизненных ситуациях. Взять, к примеру, отношение к няне. У всех учеников Хэрроу были няни, но их не принято было приглашать в школу, да и вообще публично вспоминать о них. Уинстон, напротив, не только частенько приглашал к себе миссис Эверест, но и под удивленные, а порой и неодобрительные взгляды учеников гулял под ручку с полной немолодой женщиной в старомодной шляпке и скромном облачении по главной аллее, а также публично целовал ее на прощание. «Это был один из самых смелых поступков, которые я когда-либо видел», – свидетельствует Джон Эдвард Бернارد Сили (1868–1947), отличившийся впоследствии в окопах Первой мировой войны и работавший вместе с Черчиллем в правительстве⁵²⁶. «Оглядываясь назад, я могу только желать, чтобы и я, будучи ребенком, был настолько же смел, чтобы пригласить к себе няню, как это сделал Уинстон», – добавляет сэр Джеральд Вуластон⁵²⁷.

Одновременно с проявлением нонконформизма именно в стенах Хэрроу Уинстон Черчилль впервые открыто заговорит о собственном предназначении и вере в свою судьбу. Летом 1891 года между Уинстоном и его одноклассником Мюрландом Эвансом (1874–1946) состоялся следующий диалог:

- Ты собираешься пойти в армию? – спросил Мюрланд.
- Возможно, – ответил Уинстон.
- Может быть, ты собираешься сделать карьеру в политике? Пойти по стопам знаменитого отца?
- Не знаю, но это более чем вероятно. Ты же знаешь, что я не боюсь выступать на публике.
- Похоже, ты не слишком-то уверен в своих намерениях и желаниях, – не унимался Мюрланд.
- Зато я уверен в своем предназначении. Мне постоянно снятся об этом сны.
- Что ты имеешь в виду?
- Я вижу огромные перемены, которые скоро произойдут в нашем спокойном мире. Великие потрясения, ужасные битвы, война, масштабы которой ты не можешь себе представить. Лондон будет в опасности...
- Что ты такое говоришь? Мы защищены от вторжения еще со времен Наполеона. Защищены навсегда.
- Нет. Я вижу намного дальше тебя. Я смотрю в будущее. Наша страна подвергнется страшному нападению, какому именно сказать не могу, но предупреждаю тебя об этом нашествии. Говорю же тебе, я возглавлю оборону Лондона и спасу его и всю Англию от катастрофы.
- Так ты будешь генералом, возглавившим войска?
- Не знаю, будущее расплывчато, но главная цель видна ясно. Повторяю: Лондон будет в опасности и я, занимая высокий пост, спасу нашу столицу, спасу нашу империю!⁵²⁸

Так или иначе, в Хэрроу перед Черчиллем встанет вопрос о выборе дальнейшего пути. В то время перед отпрысками именитых фамилий были открыты три двери – церковь, юрис-

пруденция и армия. Деятельность на коммерческом поприще, как правило, не рассматривалась, поскольку считалось, что выходцам из аристократических семейств не стоит посвящать свою жизнь столь сомнительному предприятию. Для карьеры священника или юриста необходимо было знание классических наук. И в первую очередь – латинского языка, который так и останется для Уинстона «мертвым», а также математики – «запутанной Страны чудес», живущей по своим канонам и правилам.

Окончательный выбор был сделан в середине 1889 года. В один из дней лорд Рандольф зашел в детскую, где Уинстон с младшим братом разыгрывали военную баталию. Численность оловянной армии достигала полутора тысяч единиц. Игрушечные британские солдаты, собранные в пехотную и кавалерийскую бригады под командованием юного Уинстона, вели ожесточенные бои с вражеской армией под командованием Джека. Лорд Рандольф, наблюдавший некоторое время за сражением, неожиданно спросил старшего сына:

– Уинстон, а ты не хотел бы стать военным?

Едва подумав о том, как было бы замечательно командовать армией, тот без промедления ответил:

– Да!

В течение многих лет Черчилль полагал, что отец натолкнул его на мысль стать военным на основе интуиции и жизненного опыта, но, как ему рассказали впоследствии, лорд Рандольф просто пришел к выводу, что его сын не способен стать юристом⁵²⁹.

В то время Уинстон и правда был не против карьеры военного. Он всегда питал слабость к военному делу, которое полностью соответствовало его ментальности борца, а также личности, «неспособной сохранять нейтралитет в любом спорном вопросе»⁵³⁰. В этом плане очень точную характеристику Черчиллю дал талантливый журналист Альфред Джордж Гардинер (1865–1946): «В течение всей своей жизни Уинстон постоянно играет роль – героическую роль, даже не отдавая себе в этом отчета. При этом он одновременно и актер, и зритель, изумленный своим собственным исполнением. Он видит себя мчащимся вперед сквозь дым сражения, торжествующим победу грозным воителем, взоры его легионеров устремлены на него и полны веры в победу. Его герои – Наполеон, Мальборо, Агамемнон. Он любит авантюру и сражение больше жизни, даже больше той идеи, ради которой сражается»⁵³¹.

В детские годы Черчилль с превеликим удовольствием заставлял своего брата и кузенов маршировать на плацу, проводя с ними «строевые занятия». Поля его писем испещрены зарисовками различных орудий и солдат. В четырнадцатилетнем возрасте он попробовал стрелять из популярной в то время винтовки Мартини-Генри и получил от этого «огромное удовольствие»⁵³². Когда в 1890 году родители снимут загородный дом Банстед около Ньюмаркета, Уинстон все свободное время потратит на постройку «Берлоги» – небольшой двухэтажной крепости с тростниковой крышей, соломенным полом, неглубоким рвом и откидным мостом для попадания внутрь. Для защиты крепости главнокомандующий «Берлоги» обзаведется «тяжелой артиллерией» – огромной деревянной катапультой, стрелявшей яблоками. Трудно сказать, насколько эффективно было это орудие в защите от непрошенных гостей, но однажды Уинстон умудрился поразить из него ни в чем не повинную корову. В обустройстве цитадели участвовали младший брат Уинстона, а также несколько кузенов, гостивших неподалеку. Один из них, Шейн Лесли, вспоминал, что уже в те годы в Черчилле проявились черты командира⁵³³. В его армии существовало только два правила. Первое – Уинстон бессменный генерал, и второе – ни о каких продвижениях по службе его подчиненных не может быть и речи⁵³⁴.

После определения с карьерой в сентябре 1889 года Черчилля перевели в специальный армейский класс. Оставалось только решить, куда поступать дальше – в Королевскую военную академию Вулвич, где готовили артиллеристов и военных инженеров, или в Коро-

левский военный колледж Сандхёрст²⁷, специализирующийся на подготовке пехотинцев и кавалеристов. Принимая во внимание скромные успехи Уинстона в алгебре и геометрии, предпочтение было отдано Сандхёрсту⁵³⁵.

Черчилль был доволен выбором. Осенью 1893 года он посетил академию в Вулвиче, и она произвела на него гнетущее впечатление. «Ужасное место», – признается он отцу⁵³⁶. Но и в Сандхёрст нужно было еще поступить. Летом 1890 года, к глубокому разочарованию родителей, Уинстона не допустили до сдачи предварительных экзаменов⁵³⁷. Проба сил была отложена до осени. «Я только и думаю, что о предварительных экзаменах, – успокаивал Черчилль свою мать в ноябре 1890 года. – Даю слово, что выкладываюсь по полной программе»⁵³⁸.

Действительно ли он сполна отдавался подготовке к экзаменам, сказать сложно. По крайней мере, в ответственный момент ему помогли не столько знания, сколько везение. Один из вопросов состоял в изображении по памяти границ выбранного государства. На экзамене рассматривались двадцать пять стран. Накануне вечером Черчилль сложил в шляпу двадцать пять бумажек с названиями государств, перемешал их и вытащил одну из них. На бумажке было написано – Новая Зеландия. Не утруждая себя погружением в географические особенности других стран, Уинстон полностью сосредоточился на выбранном объекте. Каково же было его удивление, когда, вытянув билет, он увидел знакомые два слова – Новая Зеландия. Ответ был безупречен. В зрелые годы Уинстон будет увлекаться азартными играми, но так, как ему повезло на предварительных экзаменах, больше не повезет никогда.

Фортуна благоволила ему и со вторым предметом. Причем благоволила дважды. Во-первых, он смог выбирать между английским и латинским. Это был последний год, когда латинский сдавался по выбору; начиная со следующего года он становился обязательным предметом. Разумеется, Уинстон выбрал английский. Во-вторых, экзамен по английскому предполагал раскрытие одной из трех тем: «Гребля против скачек», «Объявление: назначение и неправильное употребление», «Гражданская война в США». Не трудно догадаться, что предпочтение было отдано последней теме⁵³⁹. Давно, если не впервые, Черчилль не проходил с таким невероятным успехом экзаменационные рубежи. Впереди его ждали поздравления от преподобного Уэллдона⁵⁴⁰ и, конечно, от друзей⁵⁴¹.

Ждали его и новые испытания. Вступительные экзамены в Сандхёрст пройдут осенью 1892 года, и Черчилль вновь будет убеждать своих родителей, что прилежно занимается, по десять часов в сутки⁵⁴². Однако на сей раз удача оставит нашего героя, уступив место провалу. Проходной балл для поступающих в кавалерию составил 6457, а для пехоты – 6654, Черчилль набрал всего 5100 баллов, заняв 390-е место среди 693 кандидатов. Хуже всего он продемонстрировал математические способности, получив 568 баллов из 2000 возможных⁵⁴³. За математику Уинстону теперь предстояло взяться всерьез, в чем ему активно помог учитель Чарльз Гарри Пауэлл Мейо (1859–1929). «Он убедил меня в том, что математика – отнюдь не непролазная, бессмысленная трясина и что комические иероглифы полны значения и ритма, проблемки которых я вполне могу уловить», – воздал должное своему наставнику Черчилль⁵⁴⁴.

²⁷ Королевский военный колледж Сандхёрст основан в 1799 году герцогом Йоркским (1763–1827), братом короля Георга IV (1762–1830). В 1798–1809 годах герцог Йоркский занимал пост главнокомандующего британской армией. Первоначально колледж располагался в Хай-Уикеме (графство Бакингемшир), но в 1810 году учебное заведение переехало в место пересечения графств Суррей, Беркшир и Гемпшир, где и находится по настоящее время. В 1947 году, после слияния Королевского военного колледжа Сандхёрст и Королевской военной академии Вулвич, была образована Королевская военная академия Сандхёрст.

Нерадивый ученик был обязан Мейо за то, что все-таки освоил непростой предмет, но и англичане должны быть благодарны этому человеку за те усилия, которые он приложил, чтобы Черчилль в итоге сдал вступительный экзамен. В противном случае наш герой вряд ли бы стал политиком и возглавил правительство в мае 1940 года. «Если Уинстон провалит и следующие экзамены, мне ничего не останется, как отдать его в бизнес к Ротшильду или Касселю», – сгоряча скажет лорд Рандольф своей матери⁵⁴⁵.

Вновь попробовать свои силы Уинстон сможет через несколько месяцев, в ноябре 1892 года. Он значительно подтянется по математике и улучшит результат почти вдвое, набрав 1063 балла⁵⁴⁶. Он будет считать «своим моральным и умственным триумфом», что одолел эту дисциплину за столь короткий срок⁵⁴⁷. Впоследствии, став политиком, побывав на многих ответственных постах, включая пост министра финансов, Черчилль следующим образом выразит свое отношение к этой области человеческого знания: «Однажды я прочувствовал математику, словно обозрел ее всю; все ее глубины раскрылись передо мной, вся ее бездонность. Подобно тому, как многие наблюдают за прохождением Венеры или шествием лорд-мэра, я наблюдал за полетом величины через бесконечность и сменой ее знака с плюса на минус. Я понял, почему это происходит и как один шаг влечет за собой все остальные. Похоже на политику. Но озарение пришло после плотного ужина – и мне было не до него!»⁵⁴⁸ А если серьезно, то политик признавал: во многих сферах деятельности без математических знаний не обойтись. «Надеюсь, математики хорошо обеспечены, – скажет он. – Обещаю никогда не покушаться на их профессию и не отнимать у них кусок хлеба»⁵⁴⁹.

Несмотря на значительный прогресс в математике, вторая попытка также оказалась неудачной. В общей сумме Черчилль набрал 6106 баллов, что было недостаточно для поступления⁵⁵⁰. Перед ним замаячила реальная возможность смены намеченного жизненного пути. «Я мог принять духовный сан и читать ортодоксальные проповеди, дерзко противореча духу времени, – рассуждал он. – Мог стать финансистом и нажать состояние. Мог отправиться в колонии или доминионы. Наконец, мог приблизиться к адвокату, и моих подзащитных перевешали бы, а так они доселе смакуют свои тайные прегрешения. В общем, моя жизнь пошла бы совершенно иной колеей, что изменило бы жизни многих других людей, которые, в свою очередь, и так далее, и так далее...»⁵⁵¹.

Вряд ли Черчилль пошел бы по клерикальному пути. Потомок Мальборо был слишком независим и слишком нетерпим к авторитетам. «Легко можно представить Черчилля на кафедре, но никто не может представить его стоящим на коленях», – комментирует Уильям Манчестер⁵⁵².

Иначе обстояло дело с карьерой финансиста или бизнесмена. Учитывая страсть Черчилля к мотовству, вряд ли он «нажил бы состояние», но то, что он мог оказаться в Сити, было не только вполне вероятно, но и едва не воплотилось в жизнь. Лорд Рандольф уже практически готов был выполнить свое обещание, но его заставил передумать директор Хэрроу. Преподобный Уэллдон – еще один, кому поколения англичан должны воздать должное. Несмотря на второй провал своего ученика и негативные эмоции, связанные с этим унижительным для Уинстона событием, он старался сохранять объективность. Уэллдон признал, что за последние год-полтора условия вступительных экзаменов изменились, причем не в пользу учеников. По его мнению, результат Черчилля не был плохим, и, если он приложит энергию и проявит усердие, место в Сандхёрсте ему обеспечено⁵⁵³.

Лорд Рандольф согласился, решив дать сыну еще один, на этот раз последний шанс. По совету все того же Уэллдона он отдал Уинстона на подготовительные курсы отставного капитана инженерных войск Вальтера Генри Джеймса (1847–1927). В то время обращение к репетитору было обычной практикой. Семь из десяти абитуриентов поступали в Сандхёрст

после прохождения курсов, подобных тем, где теперь предстояло учиться Уинстону. Правда, капитан Джеймс считался «лучшим» и даже стал прототипом Спенсера Койла в новелле другого Генри Джеймса «Оуэн Уингрейв» (1892 г.)⁵⁵⁴.

Черчилль покинул Хэрроу в декабре 1892 года. Быстро собрав вещи, в первом же кэбе он отправился на железнодорожную станцию, не оставшись даже на «прощальный завтрак»⁵⁵⁵. Он не испытывал ни сожалений, ни грусти, ни ностальгии. «Завершилось почти двенадцать школьных лет, – подведет он черту спустя годы. – Тридцать шесть семестров, череда бесконечных недель (разбавленных куцыми каникулами) с редчайшими проблесками успеха, с тупой зубрежкой скучных и бесполезных предметов, с отсутствием занимательных игр. Оглядываясь назад, я вижу, что школьные годы – самый неприятный, но и единственный пустой и несчастливый период моей жизни, унылое пятно на карте моих странствий, нескончаемая череда тревог, ничем не вознагражденная каторга; неудобство, запреты и бессмысленное однообразие»⁵⁵⁶.

В декабре 1941 года, когда Черчилль совершит первый официальный визит в США, Франклин Рузвельт во время одной из бесед пожалуется на свое несчастное детство, на отсутствие возможности реализовать свои амбиции в Гарварде. Британский премьер согласится с ним, добавив: «Когда я слышу, что кто-то говорит о своем детстве как о самом счастливом периоде жизни, я всегда думаю: “Ну и скучную же жизнь ты прожил, мой друг”»⁵⁵⁷.

Несмотря на суровость высказываний, они не были ни бахвальством, ни стремлением блеснуть красным словом. Они отражали истинные переживания Черчилля. А как еще он должен был относиться к Сент-Джорджу, где его постоянно пороли, или к Хэрроу, где три из четырех лет он был фагом²⁸, а ученики вспоминали о нем, лишь когда нужно было заправить постель или почистить обувь?⁵⁵⁸ Как еще он мог относиться к заведениям, в которых «чувствовал себя безнадежно отставшим уже в начале забега»?⁵⁵⁹ Своему личному секретарю в годы Второй мировой войны (тоже выпускнику Хэрроу) Джону Руперту Колвиллу (1915–1987) Черчилль признается, что в стенах этой школы он «провел самые несчастные дни» своей жизни⁵⁶⁰.

При этом британский политик не питал ненависти ни к принятой в стране системе образования, ни к своей альма-матер. «Я двумя руками за привилегированные частные школы, но не хочу оказаться в них вновь», – будет шутить он в зрелые годы⁵⁶¹. Признавал он и то, что школа Хэрроу «держала высокую планку», а преподававшие в ней учителя «исповедовали высокие принципы самоотдачи»⁵⁶².

По мнению сына Черчилля, проблема заключалась в том, что не все учителя смогли понять: Уинстон не глуп, он обладает оригинальным мышлением, которое не вписывалось в привычные рамки британского образования. Им было легче причислить его к отстающим ученикам, чем изменить методы преподавания. И уж точно, эти годы нельзя считать потерянными. Они научили Черчилля рассчитывать на себя, держать удар, не бояться прослыть маргиналом⁵⁶³.

Со временем, правда, отношение Черчилля к Хэрроу изменится. В его мировоззрении школа превратится в хранилище национальных традиций. Взять, к примеру, популярные школьные песни. «По-моему, эти песни самое большое сокровище Хэрроу. В Итоне, совершенно точно, нет ничего подобного. У них в наличии только одна песня, да и то про греблю, которая хотя и является хорошим упражнением, но плохим спортом и еще худшим предме-

²⁸ Фаг (*fag*) – младший ученик в привилегированных частных британских школах, который вынужден прислуживать старшеклассникам.

том, чтобы ей посвящали стихи»⁵⁶⁴. Джону Колвиллу Черчилль скажет, что благодарен Хэрроу за две вещи – за песни и за то, что он познал в этих стенах красоту английского языка⁵⁶⁵.

Но вот такой факт. Осенью 1940 года администрация Хэрроу обратилась к Колвиллу с просьбой пригласить премьер-министра на ежегодный песенный фестиваль. «Я спросил его мнение и получил резкий отказ», – вспоминает секретарь⁵⁶⁶. Тогда руководство школы обратилось с аналогичной просьбой к Леопольду Эмери, тому самому Эмери, кого Черчилль опрометчиво столкнул в бассейн. В военном правительстве он занимал пост министра по делам Индии и Бирмы. Ответ премьера все равно был отрицательный.

Чем была вызвана столь неодобрительная реакция на вполне естественное приглашение? Вряд ли гнетущими воспоминаниями почти полувековой давности о безрадостном школьном опыте. Поведение совершенно нехарактерное для Черчилля, который никогда не отличался злопамятностью.

Колвилл попытался выяснить, что скрывалось за отказом премьер-министра.

Выбрав удачный момент, когда Черчилль в хорошем расположении духа принимал ванну, распевая, кстати, одну из школьных песен, секретарь обратился к нему с вопросом. И тогда премьер поведал об инциденте, который произошел в 1910 или 1911 году²⁹, в самый разгар обсуждения в парламенте законопроекта о гомруле. Черчилль вместе со своим другом Ф. Э. Смитом проезжал неподалеку от Хэрроу и решил показать ему свою школу. Увидев Черчилля, школьники узнали его и начали освистывать, выражая тем самым недовольство занятой им позицией в отношении автономии Ирландии. Освистывание было настолько долгим и настолько громким, что задело даже Черчилля, как правило, не реагировавшего на критику. Почувствовав себя униженным и оскорбленным, да к тому же на глазах друга, он развернул автомобиль и поклялся никогда больше не иметь ничего общего с Хэрроу⁵⁶⁸.

«Никогда не говори никогда». Узнав, что администрация Хэрроу отказалась от эвакуации в момент активных авианалетов люфтваффе, Черчилль изменил свое мнение об альма-матер. Признав, что школа приняла «храброе решение», он сказал Колвиллу в начале ноября 1940 года, что был бы не против посетить Хэрроу. Мог бы он это устроить?⁵⁶⁹ С удовольствием!

Визит Черчилля состоялся 18 декабря 1940 года. Его сопровождали жена и еще шесть выпускников Хэрроу: брат Джек, Леопольд Эмери, Джон Колвилл, министр транспорта полковник Джон Мур-Брабазон (1884–1964), министр топлива Джефффри Уильям Ллойд (1902–1984) и парламентский секретарь Казначейства (через несколько дней – военный министр) Дэвид Маргессон (1890–1965). Теперь не было никаких недовольных свистов, как тридцать лет назад. Несмотря на туман и пронизывающий холод, премьера встречали в атмосфере торжественности и нескрываемой гордости. Еще бы! Во время войны глава правительства нашел время посетить вместе с коллегами свою старую школу. «Это был восхитительный момент, наполненный эмоциями и надеждой», – признавали очевидцы⁵⁷⁰.

Черчилль выступил с небольшой импровизированной⁵⁷¹ речью, сказав, что «песни Хэрроу и их дух связывают всех выпускников нашей школы, в какой бы части света они ни находились; песни Хэрроу играют огромную роль в том влиянии, которое получившие в этих стенах образование мужчины оказывают на нашу страну». Он пообещал: «Когда в войне будет одержана победа, а это обязательно произойдет, одной из наших целей станет построение такого общества, в котором преимущества и привилегии, получаемые ограниченным кругом лиц, будут доступны многим, начиная с детства». Также он похвалил учени-

²⁹ В другой раз Черчилль скажет, что этот случай имел место в 1912 году⁵⁶⁷.

ков Хэрроу, которые «имели честь побывать под огнем противника, проявив при этом смелость и *decorum*³⁰»⁵⁷².

«Лучше и не скажешь», – вымолвил потрясенный выступлением главы правительства Леопольд Эмери. Он признался Черчиллю, что, слушая его речь, сам захотел стать одним из пяти сотен юношей, которые находились в то время в зале. «Некоторым из них предстоит сформировать будущее»⁵⁷³. Действительно, среди учеников были будущие военные, политики, дипломаты, спортсмены. Некоторых ждал успех, некоторые отдадут свою жизнь в разворачивающемся военном конфликте⁵⁷⁴.

Центральным событием этого мероприятия стало исполнение знаменитых, старых и любимых всеми присутствующими песен. Черчилль пел, помня большинство слов наизусть, лишь изредка заглядывая в песенник⁵⁷⁵. «Эти песни никогда не исполнялись так, как в тот день, – вспоминал один из учеников Майкл Томас. – Звучали слова, которые отражали боевой дух премьер-министра и боевой дух нашей страны»⁵⁷⁶. Эмоции настолько переполняли премьера, что, не в силах сдержать себя, он разрыдался, чем немало удивил собравшихся мальчишек⁵⁷⁷.

Администрация Хэрроу подготовила гостю сюрприз. Как правило, тексты песен не менялись на протяжении многих десятилетий. Лишь в особых случаях добавлялись новые куплеты. И в этот раз было сделано такое исключение. В 1940 году *Stet Fortuna Domus* («Удачи этому дому») была исполнена с новыми строками:

В темные дни
Мы не одни.
Хвалит лидера страна
Громко и вслух.
Черчилля дух
Чтим в любые времена.

Пока, рубясь смело
За правое дело,
Вы стали воплощением борца, сэр.
Мы стойко здесь,
Отбросив спесь,
Сражаться будем до конца, сэр³¹⁵⁷⁸.

Черчиллю песня понравилась. Единственное, он попросил в первой строке заменить слово «темные» (*darker*) на «суровые» (*sterner*). «Давайте не будем говорить о темных днях, – пояснил он. – Это не темные, это великие дни, в которых когда-либо жила наша страна. И мы должны благодарить Господа за то, что нам позволили сделать эти дни памятными в истории нашей страны». А потом добавил: «Никогда не сдавайтесь, никогда не сдавайтесь, слышите, никогда, никогда, никогда, никогда – ни в чем, ни в большом, ни в малом, – никогда не сдавайтесь, за исключением дела чести или когда речь идет о здравом смысле»⁵⁷⁹.

По словам Колвилла, «премьер получил огромное удовольствие» от посещения школы⁵⁸⁰. Своему сыну Черчилль скажет, что, «слушая этих мальчишек, исполняя с ними хорошо знакомые песни, я вернулся на полвека назад, когда пел эти песни ребенком, внимал

³⁰ Благопристойность (лат.).

³¹ Перевод автора.

рассказам о великих подвигах и великих людях, изумляясь при этом, смогу ли и я каким-нибудь образом сделать что-то выдающееся для моей страны»⁵⁸¹.

Начиная с 1940 года Черчилль станет почти ежегодно посещать песенные мероприятия. Именно в Хэрроу, в 1960 году, британский политик выступит последний раз на публике⁵⁸². В его честь еще дважды будут меняться тексты песен. Один раз – по случаю восьмидесятилетия в 1954 году, второй – после девяностолетнего юбилея в 1964-м.

Но все это будет спустя десятилетия. В начале же 1893 года перед Уинстоном откроются двери следующего учебного заведения – курсы капитана Джеймса. Однако, прежде чем познакомиться с новыми учителями, Уинстону необходимо было прийти в себя после очередной проделки.

Рождество 1892 года он встретил вместе со своим кузеном Айвором Черчиллем Гестом (1873–1939) и братом Джеком в поместье неподалеку от Борнмута (графство Дорсет), которое принадлежало его тетке по отцовской линии леди Корнелии Уимборн (1847–1927). Поместье располагалось среди пятидесяти акров соснового леса, равномерно спускающегося к побережью Ла-Манша. Посередине лесного массива имелась глубокая расщелина с переброшенным через нее мостом. В один из дней Черчилль и его друзья решили сыграть в догонялки. Минут через двадцать после начала игры запыхавшийся Уинстон стал перебираться по мосту на другую сторону расщелины. Оказавшись на середине, он вдруг «с ужасом» обнаружил, что попал в ловушку: с одной стороны путь ему преградил Айвор, с другой – Джек.

Не желая сдаваться, он едва не распрощался с жизнью. В голове промелькнула «грандиозная» идея – прыгнуть на одно из деревьев и, ухватившись за ствол руками, соскользнуть вниз, ломая по пути мелкие ветки и сдерживая, таким образом, падение. «Я посмотрел на ели. Прикинул. Поразмыслил. Перелез через перила». Оторопевшие преследователи замерли, не понимая, что он собирается делать. «Нырять или не нырять – вот в чем вопрос!» Через мгновение Черчилль уже летел вниз, широко расставив руки, чтобы обхватить верхушку дерева. «Хотя идея и была верна, но исходные предпосылки оказались совершенно ошибочны», – прокомментирует он свое падение⁵⁸³.

Промажнувшись, Уинстон камнем упал вниз с десятиметровой высоты. Результат был удручающим – три дня без сознания, два месяца в постели, разорвавшаяся почка и перелом бедра. Причем о последней травме пациент узнает лишь спустя семь десятилетий, когда после перелома ноги в Монте-Карло ему сделают рентген и с удивлением обнаружат признаки старого повреждения.

Увидев лежащего без сознания Уинстона, Джек и Айвор помчались за помощью. Дома они с ужасом бросятся к леди Рандольф: «Уинни спрыгнул с моста и ничего нам не отвечает». Захватив с собой на всякий случай бутылку бренди, Дженни побежит в лес.

Вскоре в Борнмут приедет и лорд Рандольф; он прервет отдых в Дублине у лорда Фицгиббона и первым же курьерским поездом отправится к постели непутевого сына.

Случай с Уинстоном попал в *The Times*⁵⁸⁴ и вызвал язвительную реакцию в высшем свете. «Мальчишки всегда остаются мальчишками, но я не вижу необходимости, чтобы они считали себя птицами или обезьянами и вели себя подобным образом», – острил друг и компаньон Черчилля-старшего по скачкам Уиндхэм Томас, 4-й граф Данрэвен (1841–1926)⁵⁸⁵.

Были и те, кто сумел своими комментариями пройти не только по Уинстону, но и по его отцу.

- Говорят, с сыном лорда Рандольфа произошел несчастный случай.
- В самом деле?
- Играл в игру «Следуй за лидером».

– Что ж, сам лорд Рандольф вряд ли таким образом попадет в беду, – шутили члены Карлтон-клуба⁵⁸⁶.

Восстановительный период после падения с моста был для Уинстона не самым плохим. Он хорошо проводил время в лондонском особняке вдовствующей герцогини Мальборо, наблюдая за перипетиями политической жизни и коротая часы за чтением произведений популярного в то время писателя Фрэнка Мура (1855–1931) и романа неизвестного автора «Эвтаназия»⁵⁸⁷. Вел он себя вполне сносно, о чем можно судить по тому факту, что герцогиня Мальборо, угодить которой было нелегко, осталась довольна внуком. «Очень рада, что Уинстон со мной, – делилась она с лордом Рандольфом. – В нем много хорошего. Я полюбила его сильнее»⁵⁸⁸.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Настало время, когда Черчиллю пришлось вплотную познакомиться с капитаном Джеймсом, о котором говорили, что его муштра только «круглого идиота» не берет. «Он походил на тех игроков, у которых есть верный рецепт выигрыша в Монте-Карло, с той, и очень значительной, разницей, что в большинстве случаев его рецепт действовал», – признал позже наш герой⁵⁸⁹. Причина столь завидной эффективности была проста: отставной капитан отлично знал не только вопросы, которые могли задать на вступительных экзаменах, но и великолепно разбирался в психологии экзаменаторов.

Проблема заключалась лишь в том, что Вальтер Генри Джеймс и Уинстон Черчилль решительно не подходили друг другу. Капитан оказался не готов к воспитанию столь талантливого и одновременно проблемного ученика. А Уинстон терпеть не мог муштру и натаскивание с бессмысленным зазубриванием несвязанных фактов. Столкновение между ними было вопросом времени, причем непродолжительного. В одном из первых писем лорду Рандольфу капитан жаловался на «невнимательность» своего ученика, который «о себе слишком большого мнения» и вместо того, чтобы перенимать знания, сам пытается учить преподавателей. К примеру, Уинстон считал, что его познания в истории настолько велики, что он не собирается продолжать учебу по этой дисциплине. «Думаю, вы согласитесь со мной, что это проблема», – констатировал Джеймс⁵⁹⁰.

Для репетитора юный Черчилль действительно оказался головной болью. С самого начала он четко дал понять, что изучает лишь то, что ему интересно, и лишь так, как ему удобно. Он любит и будет тщательнейшим образом штудировать историю, но самостоятельно, без опеки и контроля извне. Станный подход для молодого человека, выбравшего себе стезю, где дисциплина занимает одно из важнейших мест. И тем не менее по-другому Черчилль не мог. Иначе он сам был бы другим. Иными были бы и его достижения. Иным было бы и повествование о его жизни.

Черчилль оказался крепким орешком, но и капитан Джеймс не просто так заработал славу лучшего репетитора, и в конечном счете его жесткий подход возымел действие. Третий экзамен в Сандхёрст, состоявшийся летом 1893 года, был сдан. Уинстон стал лучшим по истории (1278 баллов из 2000), хорошие результаты получил по математике (1236 из 2000), французскому языку (1233 из 2000) и сочинению на английском (312 из 500). Хуже всего обстояло дело с латинским языком (362 из 2000). Лишь пятеро из тех, кто вместе с ним сдал экзамен, показали по этому предмету еще более низкий результат⁵⁹¹.

Поступив в колледж, Уинстон был на седьмом небе от счастья. «Сэр, рад вам сообщить, что экзамены пройдены, – с гордостью сообщил он мистеру Уэллдону. – Теперь я кавалерист!»

«Я очень рад твоему успеху и глубоко убежден, что ты заслужил его, – поздравит его глава Хэрроу. – Теперь, я надеюсь, ты поймешь, что значит тяжелый труд»⁵⁹².

Пройдут годы, и поведение Черчилля, сделавшего своим девизом «Ни один человек не имеет право на лень»⁵⁹³ и «Ни один день не может быть потерян»⁵⁹⁴, станет истинным воплощением тяжелого труда. В августе же 1893 года ему хотелось лишний раз доказать себе и отцу, что он способен на многое. Да, он попал в класс кавалеристов, он был четвертым, и ему не хватило всего 18 баллов, чтобы учиться на пехотинца. Но само поступление в военный колледж – разве это не достижение? Конечно, достижение, радовался Уинстон, отправляясь вместе с братом и сопровождающим их преподавателем в тур по Швейцарии. В Люцерне он взойдет на Пилатес («очень интересный»⁵⁹⁵) и с гордостью проинформирует отца о взятой им вершине. Тогда он еще не знал, что ему предстоит не только спуститься с горы, но и сойти с небес порхающего упования на землю суровой реальности. Его ждал жесткий отлуп лорда Рандольфа, который, вместо того чтобы поздравить сына с заслуженным успехом, выразит крайнее недовольство. Своей матери, герцогине Мальборо, он с грустью признается: «Я часто говорил тебе, а ты мне не верила: Уинстон обладает ограниченным интеллектом, знаниями и трудолюбием». Результаты поступления в Сандхёрст вызвали у отца Уинстона «глубокое разочарование». Он обвинял юношу в том, что тот не смог добиться большего, несмотря на удовлетворение всех его потребностей и прихотей. Эмоциональное состояние лорда Рандольфа оказалось настолько расшатанным, что он даже не вспомнил, какую школу закончил его первенец – «то ли Итон, то ли Хэрроу»⁵⁹⁶.

Но Уинстон еще не знал о реакции отца. Он гулял по местам боевой славы генералиссимуса А. В. Суворова (1730–1800), прошелся по Чертовому мосту на перевале Сент-Готард, после чего сказал, что «никогда не видел столь ужасного места»⁵⁹⁷, побывал в Лугано и поразился причудам швейцарской природы: только что находился в заснеженных Альпах с суровым и недружелюбным климатом, и вот уже открываются пейзажи, больше напоминающие Италию, чем родину гольфистов⁵⁹⁸. Также его путь пролегал через Монтрё и Лозанну, с посещением знаменитого Шильонского замка. В отличие от Байрона, Черчилль не стал оставлять автограф на каменных столбах, гораздо больше его привлек чудесный вид на Женевское озеро, открывающийся из бойниц замка. Большой любитель плавания, он не преминул искупаться, что едва не стоило ему жизни.

Взяв напрокат лодку, он отплыл от берега больше чем на милю, нырнул в воду и принялся с «восторгом плескаться». Стоял прекрасный солнечный день, дул тихий ветерок, глаза радовали роскошные пейзажи. Наплававшись вдоволь, Уинстон вдруг заметил, что лодка удалилась от него уже более чем на сто метров. Ветер стал усиливаться. Над кормовыми скамьями был натянут тент, который, превратившись под порывами ветра в парус, погнал лодку прочь. Наш пловец устремился за ней. Приложив значительные усилия, он сократил расстояние, но лодка продолжала удаляться. Сил, чтобы доплыть до берега, не оставалось. Ему бы отдохнуть, но каждая передышка лишь увеличивала расстояние между ним и лодкой. В этот момент Уинстон отчетливо осознал критичность ситуации. «Я увидел Смерть, – вспоминал он. – Увидел так близко, как никогда. Она плыла сбоку и что-то шептала». Юноша был хорошим пловцом, выступал, и не без успеха, на соревнованиях за Хэрроу. Но теперь он сражался не за призовые места – он сражался за свою жизнь. Огромным усилием воли он рванул так быстро, как позволял уставший организм. Несколько раз ему удавалось подплыть к лодке совсем близко, но она все равно ускользала от него. Наконец, собрав последние силы, он сделал решающий рывок. Вот оно, спасение. Схватившись за борт, он подтянулся и перевалился в лодку с чувством глубокого облегчения. И в этот раз судьба его хранила⁵⁹⁹.

Пока Черчилль наслаждался швейцарскими красотами (едва не утонув в Женевском озере), его родители восстанавливали силы в Баварии, на бальнеологическом курорте Киссинген. Там они встретились с семидесятивосьмилетним князем Бисмарком, беседа с кото-

рым оставила у леди Рандольф очень приятные впечатления. Она знала о негодовании супруга в отношении результатов поступления их сына и пыталась предупредить Уинстона⁶⁰⁰, но то, что должно было случиться, случилось.

Не знающие пощады слова лорда Рандольфа настигли Уинстона в Милане. Впечатления от посещения Дуомо и галереи Виктора Эммануила⁶⁰¹ были полностью испорчены.

Письмо начиналось следующими строками: «Я немало удивлен твоему ликованию и торжеству по поводу Сандхёрста. Существовало два пути поступления: заслуживающий уважения и наоборот. Ты, к несчастью, выбрал второй, и, похоже, очень этим доволен». И понеслось – отец обвинял Уинстона в том, что он никогда, ни от одного учителя, ни от одного наставника или репетитора не получал хорошего отзыва о своем сыне. Он отчитывал Уинстона за то, что тот всегда плелся в конце, а учеба сопровождалась постоянными жалобами. Он упрекал его в «глупом» зазнайстве, которое привело к «недомыслию» и «провалу». «Я уверен, – негодовал Черчилль-старший, – если тебе не помешать вести жизнь праздную, бессмысленную и бесплодную, ты превратишься в обычного светского бездельника: одного из тех сотен незадачливых выпускников привилегированных школ, которыми кишит высший свет. Если это произойдет, то винить в своих бедах тебе придется только себя»⁶⁰².

Причин для столь резких и обидных утверждений было две. Одна определила форму, другая – содержание. Первая причина была связана с болезнью лорда Рандольфа, которая способствовала быстрой психической и умственной деградации некогда успешного политика. «Его поведение на публике и в приватном кругу стало вызывать глубокое беспокойство среди друзей и членов семьи», – укажет внук лорда Рандольфа. Ниже еще будет рассказано об этой болезни, фактически разрушившей жизнь этого человека.

Что же касается содержания, то причина недовольства лорда Рандольфа крылась в том простом, но весьма ощутимом факте, что учеба в кавалерии обходилась значительно дороже учебы в пехотном классе. Какие-то восемнадцать баллов, и теперь родителям придется платить за двух строевых лошадей, одного-двух гунтеров и пони для поло. К финансовой стороне вопроса добавлялась и личная составляющая. Будучи полностью уверен, что его сын поступит в пехотный класс, лорд Рандольф заранее договорился с главнокомандующим британской армией фельдмаршалом принцем Георгом, 2-м герцогом Кембриджским (1819–1904), о последующем устройстве Уинстона в 60-й стрелковый полк. Теперь ему ничего не оставалось, как дать отбой, сославшись на неспособность своего сына соответствующим образом сдать экзамены. Унижение, да и только!⁶⁰³

На самом деле ситуация была не столь уж удручающей. В Лондоне Уинстона уже ждало письмо от военного министра, в котором сообщалось о недоборе среди пехотинцев, а далее следовало предложение перейти – как набравшему высокий балл – в этот класс⁶⁰⁴. Дабы порадовать отца, Уинстон предложение принял. Хотя, как мы увидим дальше, с мыслью о кавалерии он все равно не расстался.

Все хорошо, что хорошо кончается. Трудно спорить с этой проверенной временем житейской мудростью. Тем не менее очень непросто передать то состояние, в котором находился Уинстон после получения в Милане уничижающего письма отца. В его жизни и так было немного авторитетов, и теперь один из них, человек, перед которым он преклонялся, сделал ему жесткий выговор. Обидно было и то, что лорд Рандольф даже не собирался вступать с сыном в дискуссию – он попросил его не утруждать себя ответом. И добавил: «Отныне я не придаю ни малейшего значения твоим знаниям и подвигам»⁶⁰⁵. Уинстону ничего не оставалось, как подчиниться. В своем ответном письме, касаясь больной темы поступления, он лишь заметил, что «постарается изменить ваше мнение обо мне своим усердием и поведением в Сандхёрсте». Остальная часть письма описывала путешествие по Швейцарии⁶⁰⁶.

Изливать душу пришлось матери. «Папа очень недоволен мной, – напишет Уинстон ей из Милана. – Я крайне раздосадован тем, что его не удовлетворили результаты. И он очень зол на меня»⁶⁰⁷.

«Когда мы вернемся в Лондон, ты будешь находиться в Сандхёрсте уже целый месяц, – успокоит его леди Рандольф. – К тому времени ты станешь настоящим мужчиной! Надеюсь, у тебя там все сложится, и тогда уже неважно будет, как ты туда попал»⁶⁰⁸.

«Я полностью сконцентрируюсь на Сандхёрсте и постараюсь изменить мнение папы обо мне», – пообещает Уинстон⁶⁰⁹.

Следующий важный этап в жизни нашего героя будет связан с военным колледжем.

Учебное заведение располагалось среди чудесного лесного массива. На его территории имелось два озера, где можно было плавать и кататься на лодках, стрельбища, школа для занятия верховой ездой, гимнастические залы и площадки для игры в сквош. «Обстановка – здоровая, воздух – бодрящий, – напишет Черчилль в своей статье, посвященной Сандхёрсту (опубликована в *Pall Mall Magazine* в конце 1896 года). – Трудно найти место в стране, которое лучше подходит для военного колледжа»⁶¹⁰.

Как и в предыдущих учебных заведениях, обучение начнется для Черчилля с попытки решить финансовый вопрос. Еще до приезда в колледж, он попросит у отца средства на обустройство комнаты, покупку необходимых вещей, оплату дополнительных курсов, на поездки в Лондон и обратно, на удовольствия и всякие мелочи. «Если вы положите мне содержание, обещаю вести учет расходов и направлять вам регулярно по ним информацию», – скажет он и пояснит, что выделенные ему деньги не будут потрачены впустую⁶¹¹. Черчилль также обратится за поддержкой к своей матери: «Постарайся помочь и убедить папу»⁶¹².

Как и следовало ожидать, лорд Рандольф скептически отнесется к просьбам и обещаниям сына. По его мнению, предложение относительно содержания – «поспешно», а выдвинутые запросы – «слишком упрощены». Он согласился выделять Уинстону десять фунтов в месяц, а также оплачивать расходы на портного и галантерейщика. Кроме того, он не отказывался покрыть затраты на обустройство комнаты и оплату дополнительных курсов, правда, только после того, как Уинстон предоставит ему подробный отчет, чем именно он собирается украсить свое жилище и на какие конкретно курсы планирует пойти⁶¹³.

Однако новоиспеченный курсант не унимался. После приезда в колледж он обнаружил, что ему потребуются дополнительные средства: на содержание лакея для чистки сапог и оружия, а также на поддержание обмундирования в порядке; на приобретение лошади и на светскую жизнь в столице⁶¹⁴. «Послания Уинстона полны запросов на ненужные вещи и новых статей расходов», – пожалуется лорд Рандольф своей матери⁶¹⁵. Герцогиня Мальборо, считавшая, что учеба в военном колледже пойдет внуку на пользу⁶¹⁶, в этом вопросе поддерживала сына. По ее мнению, покупка лошади была самой настоящей прихотью. Выделенное содержание и так «слишком щедрое», и на такие средства можно взять лошадь напрокат. «Очень важно, чтобы Уинстон понял: он не сын богатого человека и находится в Сандхёрсте не для развлечения, – аргументировала она свою позицию. – Я полагаю, что строгое воспитание – самое лучшее»⁶¹⁷.

Пройдут годы, и Уинстон внутренне согласится со своей бабкой. Направляя два фунта уже своему пятнадцатилетнему сыну, он попросит его фиксировать расходы и сообщать о своих тратах⁶¹⁸. В молодые же годы он и правда не слишком ограничивал себя в средствах. В его письмах нередко упоминания о том, что он близок к «настоящему банкротству»⁶¹⁹. «Ты тратишь слишком много, и ты знаешь это, – отчитывала его мать. – Ты только что взял у

меня два фунта и теперь требуешь еще. Тебе и в самом деле следует остановиться. Подумай обо всех своих счетах!» (выделено в оригинале. – Д. М.)⁶²⁰.

Было необычно слышать подобные замечания – вполне, между прочим, справедливые – из уст леди Рандольф, которая не только не была знакома ни со скупостью, ни с бережливостью, но и полагала, что в легком расставании с деньгами заключается основа ее успеха. «Мы многим обязаны мотовству, – объясняла она. – Ведь бережливость и предприимчивость редко ходят рядом»⁶²¹. Ральф Мартин полагал, что мотовство обеспечило успех не только Дженни, но и ее детям: «Если бы не ее привычка сорить деньгами, она никогда не смогла бы вращаться в тех кругах общества, куда получила доступ, и никогда не смогла бы добиться столь многого»⁶²².

Очень интересная мысль, лишний раз показывающая, насколько изощренным может быть человеческое мышление в оправдании собственных достоинств и недостатков. Если мотовство и являлось причиной успеха Черчилля, то эта причина точно не была единственной. Многое зависело и от его способностей, на проявление которых он так надеялся, поступив в Сандхёрст.

Первые впечатления Уинстона были далеки от восторга. Бытовые условия оставляли желать лучшего: отсутствие горячей воды, скромная обстановка, невкусная еда и строгая дисциплина. Если в отношении еды за дополнительную плату еще как-то можно было разнообразить рацион, включив в него разные лакомства – кофе, вино, джем или фрукты, то с дисциплиной обстояло гораздо хуже. От курсантов требовалось абсолютное подчинение правилам без скидок на возраст и опыт⁶²³. На первом же построении Черчилль попытался поспорить с одним из офицеров о целесообразности отданных приказов. В колледже давно не видели такой наглости! После того как его жестко поставили на место, юноша решил впредь быть более осмотрительным⁶²⁴. Непросто ему приходилось и с подчинением строгому распорядку, исключаящему малейшие опоздания и проявления непунктуальности³². И тем не менее, несмотря на все неудобства, Черчилль с оптимизмом смотрел на шестнадцать месяцев, которые ему предстояло провести в стенах колледжа. «Мне нравится эта жизнь», – признается он отцу на третьи сутки пребывания в Сандхёрсте⁶²⁷.

В конце XIX столетия Сандхёрст состоял из шести классов, каждый из которых возглавлял преподаватель в чине офицера. Черчилль поступил в класс «Е», командиром которого был майор Уэльского полка Освальд Джеймс Генри Болл (1854–1936). Комендантом колледжа был генерал-майор Сесил Джеймс Ист (1837–1908). В отличие от Болла, который не имел боевого опыта и первый раз оказался на полях сражений только во время Второй англо-бурской войны, генерал Ист был одним из тех счастливицков, а именно так воспринимались боевые офицеры в викторианской армии, которым удалось понюхать пороха. Он участвовал в Крымской войне и был серьезно ранен в Индии.

Учебная программа была рассчитана на приобретение теоретических навыков по картографии, тактике, фортификации, военной администрации, полковому счетоводству, освоению стрелкового и артиллерийского оружия, а также военной юриспруденции. Не последнее место занимали упражнения в гимнастическом зале, стрельба, строевая подготовка, построения и верховая езда. «Мы рыли окопы, насыпали брустверы, обкладывали траверсы мешками с песком, вереском, фашинами или решетчатыми ящиками со щебнем, – вспоминает Черчилль. – Мы ставили рогатки и закладывали фугасы. Мы подрывали железнодорожные

³² Своему отцу Черчилль признавался, что ему удалось достичь больших успехов в борьбе со своей хронической непунктуальностью⁶²⁵. Успех этот, правда, был кратковременным. Впоследствии Уинстон будет часто опаздывать, выводя из себя коллег, друзей, родственников и всех тех, кому придется его ждать. «Уинстон – настоящий спортсмен, он всегда дает шанс поезду уехать без него», – шутили его близкие⁶²⁶.

пути пироксилиновыми шашками, учились взрывать каменные мосты, наводить понтонные или из бревен. Мы чертили контурные карты всех холмов в окрестности Камберли, прокладывали рекогносцировочные маршруты в разных направлениях, намечали линии сторожевого охранения для авангарда и арьергарда и даже решали несложные тактические задачи»⁶²⁸.

Распорядок дня выглядел следующим образом: подъем в половине седьмого утра, в семь – первые занятия, в восемь – завтрак, с девяти до десяти – построения, с десяти – три с половиной часа занятий, ближе к двум часам – ланч, в три часа – послеполуденные построения, с пяти до шести – физические упражнения, в восемь – ужин, дальше свободное время для чтения, бесед, игры в карты или бильярд, в одиннадцать – отбой. «Как видите, на письма и безделье времени почти не остается», – делился Черчилль с отцом⁶²⁹.

Несмотря на столь напряженный график, нашему кадету учеба в колледже нравилась. Он находил ее «интересной и в высшей степени практически направленной»⁶³⁰. На второй месяц учебы он признался отцу, что любит Сандхёрст и учеба в нем ему «нравится с каждым днем все больше и больше»⁶³¹. Он получал удовольствие от стрельбы из револьвера и винтовки, проявлял особый интерес к тактическим учениям и фортификации, увлекался военным администрированием. Через мистера Бейна, снабжавшего книгами лорда Рандольфа, он заказал себе «Военные операции» генерал-лейтенанта сэра Эдварда Брюса Хэмли (1824–1893), «Заметки о пехоте, кавалерии и артиллерии» принца Крафта цу Гогенлоэ-Ингельфингена (1827–1892), «Огневую тактику пехоты» Чарльза Блэра Мейна (1855–1914), а также целый ряд других исторических работ, связанных с Гражданской войной в США, франко-немецкой и русско-турецкой войнами. К концу обучения у него соберется небольшая библиотека, заложившая основу по целому ряду базовых военных дисциплин⁶³².

Единственное, на что Черчилль жаловался, так это на здоровье. Во время медосмотра врачи установили у него слабость сердечной мышцы⁶³³, что не мешало ей, хотя и не без перебоев, проработать еще больше семидесяти лет. Пока же Уинстона одолевали беспокойства иного рода. «Мне все нравится, но физические нагрузки настолько велики, что к концу дня я чувствую себя разбитым», – сокрушался он⁶³⁴, полагая, что из-за своего «хилого телосложения», едва ли в состоянии выдержать ежедневные нагрузки⁶³⁵.

Уинстон Черчилль никогда не отличался спортивной внешностью: рост – 169 см, объем грудной клетки – 79 см на выдохе и 85 см – на вдохе⁶³⁶. Периодически он прерывал обучение по болезни. То у него начался абсцесс на левой щеке⁶³⁷, то произошло расстройство пищеварения. Как всегда заботливая миссис Эверест советовала ему каждое утро принимать фруктовую слабительную соль *Epsom*, а также чайную ложку лимонного сока с сахаром, чтобы избежать неприятных последствий⁶³⁸. В мае 1894 года от переутомления у Черчилля начались головные боли, продлившиеся неделю. По настоянию местного доктора он был госпитализирован. Больничную жизнь молодой курсант нашел «смертельно скучной». Он коротал время за изучением труда по тактике, из которого делал различные выписки⁶³⁹.

Черчилль выполнил данное им обещание. Во время учебы в Сандхёрсте он подтянулся по многим предметам, и лорд Рандольф мог им гордиться. Уинстону нравилась программа, и он ответственно подходил к изучению каждого предмета, что не могло не сказаться на академических успехах. Уже в первом семестре он вошел в двадцатку лучших кадетов своего курса, получив высокие отметки по тактике, военной юриспруденции и топографии. Единственным слабым местом оставалась непунктуальность, но справиться с ней было выше его сил⁶⁴⁰.

В дальнейшем Черчилль смог сохранить и развить успех первого семестра. На выпускных экзаменах он получит высокие баллы по верховой езде (190 из 200), фортификации (532 из 600), тактике (263 из 300) и военному администрированию (232 из 300). Хуже обстояло дело со строевой подготовкой, которая всегда вызывала у него отвращение⁶⁴¹ (95 из 200) и с физкультурой, которую нельзя было отнести к его любимым предметам. Общий итог: двадцатое место в списке из ста тридцати выпускников⁶⁴². Объясняя свой успех, он акцентировал внимание на том, что «нужное мне я схватывал быстро». Также он указывал на важную психологическую особенность – движение вперед мотивирует. «Трудное было время – и счастливое. Всего три семестра, и конец каждого ознаменовывался почти автоматическим переводом из младших в средние, а потом из средних в старшие. Старший ты уже через год. Такое ощущение, что растешь с каждой неделей»⁶⁴³.

Во время учебы в Сандхёрсте немного изменился и формат отношений с отцом. Со стороны лорда Рандольфа они слегка потеплели. В октябре он даже взял Уинстона с собой на один из приемов к Натану Майеру, 1-му барону Ротшильду (1840–1915). «Папа был очень рад видеть меня, – сообщал гордый Черчилль матери. – Он беседовал со мной достаточно долгое время, говорил о своих речах и моих перспективах». Лорд Рандольф проявил неподдельный интерес к новостям из колледжа, а также дал сыну чек на шесть фунтов для оплаты накопившихся счетов⁶⁴⁴. «Уинстон очень поумнел, – делился уже со своей матерью лорд Рандольф. – Он держался очень прямо. Все гости обратили на него внимание, но он был тих и показал хорошие манеры. Сандхёрст сотворил с ним чудо». Упомянул Черчилль-старший и о шести фунтах, заметив, что Уинстон «их заслужил»⁶⁴⁵.

Вряд ли к этой оценке можно отнестись серьезно. Лорд Рандольф слишком редко видел своего старшего сына, чтобы действительно заметить улучшения в его поведении. Возможно, Черчилль был прав, когда, много лет спустя, анализируя эти события, скажет: «Став джентльменом-кадетом, я вырос в глазах отца»⁶⁴⁶. Но если и так, то вырос незначительно. «Едва отец замечал с моей стороны хоть малейшее притязание на товарищество, то моментально раздражался», – вспоминал он этот период. Однажды Уинстон предложил помочь секретарю лорда Рандольфа написать какие-то письма, и родитель «взглядом пригвоздил» его к месту⁶⁴⁷. Спустя годы Вайолет Асквит, обсуждая с Черчиллем политическую ситуацию, процитирует слова своего отца, известного либерального премьер-министра. «Твой отец и в самом деле сказал тебе это? – неожиданно перебил ее Черчилль. – Он свободно говорил с тобой на такие темы? Как бы я хотел, чтобы и у меня с моим отцом были такие же беседы»⁶⁴⁸.

Небольшое, хотя и заметное для Уинстона потепление отношений с отцом было кратковременным. Большую часть времени учебы в Сандхёрсте лорд Рандольф продолжал занимать к сыну отстраненную и строгую позицию. Когда в апреле 1894 года Уинстон изъявит желание посетить на выходные столицу⁶⁴⁹, то получит категоричный отказ, написанный в жесткой форме. По мнению лорда Рандольфа, еженедельные поездки в Лондон отвлекают от учебы и приводят к ненужной трате денег. Он запретит Уинстону появляться в столице без его разрешения. «Не забывай, ты военный кадет, а не школьник из Хэрроу. Ты должен трудиться, и трудиться как можно больше»⁶⁵⁰. Черчиллю ничего не оставалось, как принять этот вердикт⁶⁵¹.

Желая угодить отцу, Уинстон подходил ответственно не только к учебе, но и к написанию писем. Для него было неприятным сюрпризом узнать, что лорд Рандольф резко осуждает его эпистолярный стиль. «Работа над письмами доставляет мне изрядно беспокойства, – признавался Черчилль матери. – Часто я переписываю целые страницы. Если в письме опи-

сываются события моей жизни, то меня упрекают в излишней сентенциозности и стилизованности. Если же я пишу простое письмо, то меня ругают за небрежность»⁶⁵².

Несмотря на все старания, угодить отцу так и не удалось. В июне 1894 года Черчилль получит раздраженное письмо, в котором лорд Рандольф подвергнет детальному анализу одно из посланий сына, заключив свои изыскания обидной тирадой: «Твой брат Джек предпочел бы отрубить себе пальцы, чем написать отцу письмо в столь откровенной манере. Если бы я написал аналогичное письмо моему отцу, он вернул бы мне его обратно, с гораздо более крепкими выражениями, чем те, которые использую я»⁶⁵³.

Нетрудно догадаться, насколько обидно было читать подобные строки. Но эффективное воспитание невозможно без строгости. И спустя тридцать лет Черчилль сам будет отчитывать своего сына, подмечая его ошибки в составлении писем. То ему не понравится использование сокращений⁶⁵⁴, то он подвергнет строгому осуждению «испорченный» почерк, читая который постоянно приходится напрягаться, а имена собственные, так те и вовсе нечитабельны. «Тебя отвратительно научили, но у тебя еще есть время исправиться, – скажет Уинстон сыну. – Перепиши письмо и направь его мне снова. Каждое слово должно быть понятно и не вызывать сомнений. Это упражнение»⁶⁵⁵.

Критика лордом Рандольфом эпистолярного стиля было еще не самым страшным. Куда больше Уинстону пришлось вынести, когда он случайно разбил золотые часы, подаренные отцом после окончания Хэрроу. Лорда Рандольфа крайне возмутило «постыдное обращение с очень дорогими часами, которые из-за беспечного к ним отношения были выронены на булыжный тротуар и сильно повреждены»⁶⁵⁶. В этой инвективе верным было только то, что часы действительно были дорогими, а их повреждение – значительным⁶⁵⁷. Обвинения же в «постыдном обращении» и «беспечности» совершенно необоснованны. Уинстон владел часами уже больше года. Он внимательно следил за подарком отца, заказал даже специальный кожаный футляр, защищавший от царапин и пыли. Несчастный случай произошел, когда Черчилль убирал часы в футляр: пробежавший мимо курсант толкнул его, выбив часы из рук.

Через пару недель Черчилль уронил часы в воду, и они вновь оказались в ремонте! Негодование лорда Рандольфа не знало границ. «Как можно быть настолько глупым!» – возмущался он. «Уинстон не достоин столь дорогого аксессуара, – заявит лорд Рандольф, когда часы вернутся из ремонта, – он их больше не получит. Пусть лучше купит себе часы за два фунта, не жалко будет, когда разобьются»⁶⁵⁸. Супруге лорд Рандольф пообещал: «Уинстон запомнит мои слова. Должно будет пройти много времени, прежде чем я подарю ему что-то стоящее»⁶⁵⁹. «Ох! Уинни, какой же ты неаккуратный, – воскликнет Дженни. – Тебе уже пора вырасти. Посылаю тебе два фунта с любовью. Побраню тебя при встрече»⁶⁶⁰.

Недовольство лорда Рандольфа можно понять. Чего нельзя понять, так это почему, прежде чем начать ругать, он даже не поинтересовался, что произошло. С первого взгляда – снова случайность. Уинстон гулял по берегу реки, нагнулся, и часы выпали из его кармана. Течение было сильным, поэтому их быстро унесло сначала в сторону, а затем – вглубь. Но интересно не это, а то чудовищное упорство и настойчивость, которые проявил юноша, чтобы достать злополучный предмет. Быстро скинув с себя одежду, он бросился в воду. На улице было прохладно, вода – ледяная, поэтому пребывание в ней ограничилось несколькими короткими минутами. Часы найти так и не удалось. На следующий день Уинстон прошелся по дну драгой, но вновь безуспешно. Неудача лишь разозлила его, и он решил действовать наверняка. Заручившись поддержкой администрации колледжа, он организовал кадетов из своего класса (двадцать три человека), и те вырыли для реки новый рукав. Затем, позаимствовав у местного пожарного расчета насос, он выкачал оставшуюся воду и все-таки нашел

грязные, сломанные часы. Обо всем этом Уинстон расскажет отцу, надеясь на его снисхождение⁶⁶¹. Лорд Рандольф простит сына, признав, что дорогие часы не подходят для «суровых условий» Сандхёрста⁶⁶². Он подарит ему более дешевые, а отремонтированные отдаст Джеку, который будет пользоваться ими до конца своих дней⁶⁶³.

Впоследствии Черчилль станет поклонником известной марки *Breguet*, воспетой в произведениях Ф. Стендаля, О. Бальзака, П. Мериме, А. Дюма, В. Гюго и А. С. Пушкина:

Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

В разное время часами *Breguet* пользовались Наполеон, князь Шарль-Морис де Талейран-Перигор, император Александр I, король Георг III, королева Виктория, герцог Веллингтон, Артур Рубинштейн и Сергей Рахманинов. Британский политик приобрел часы *Breguet* в 1928 году. Золотая «луковица», как называли ее в семье, была сделана на заказ (модель № 765) в 1890 году и принадлежала 8-му герцогу Мальборо⁶⁶⁴.

Часы часами, но пришло время рассказать и о том, что в первой половине 1890-х годов стало для семьи Черчиллей настоящим кошмаром. Речь идет о болезни лорда Рандольфа. В своих мемуарах наш герой приводит эпизод, когда в 1892 году он устроил под окнами Банстеда стрельбу из двустволки, охотясь на кроликов. Выстрелы напугали отца. Выскочив из дома, он устроил охотнику нагоняй. «Отец был сердит и взволнован не на шутку», – вспоминал Черчилль. Однако вскоре лорд Рандольф успокоился, объяснив возмутителю спокойствия, что «люди старшего поколения не всегда внимательны к молодым, они погружены в свои дела и в минуту раздражения могут сказать резкость». Черчилль запомнил этот инцидент не только потому, что это было одно из тех редких мгновений, когда у него состоялся с отцом «доверительный разговор». Нет, дело было в той фразе, которую лорд Рандольф обронил в конце беседы: «Запомни, у меня не все идет гладко. Мои намерения неверно толкуют, мои слова извращают. Будь ко мне снисходителен»⁶⁶⁵.

Тогда Уинстон не до конца понял, о чем идет речь, что неудивительно. Ведь в тот момент лорд Рандольф обращался не столько к своему сыну, сколько к друзьям, коллегам и родственникам, которым в последние годы приходилось терпеть его неуравновешенное поведение. Один из знакомых лорда Рандольфа так описывал свою встречу с ним на званом обеде: «Он жадно начал есть, потом положил вилку и нож и обвел яростным взглядом присутствующих, словно заподозрив их в том, что они считают его поведение странным. Было ясно, что он безумен. С этой минуты я не мог ни есть, ни пить. Рандольф Черчилль сошел с ума! Как Мопассан!»⁶⁶⁶.

Близким людям было особенно болезненно наблюдать за его жалкими попытками продолжить политическую активность, когда он периодически брал слово в парламенте. «Трудно было даже представить, что этот лысый и бородатый человек с трясущимися руками и бледным лицом, сморщенным от боли лбом и дрожащим голосом был тем самым дерзким лидером, который на приливе торжествующей юности неодолимо двигался к власти сквозь шторма и бури 1886 года», – напишет Черчилль в биографии отца⁶⁶⁷.

Прежде яркие и выразительные, теперь его выступления превратились в тяжелое испытание как для самого оратора, так и для публики. Перед слушателями стоял высохший, сгорбленный старик, судорожно сжимавший заметки, постоянно то запинаящийся, то замолка-

ющий, то вновь начинавший что-то бормотать себе под нос. «Я знаю, что хочу сказать, но не могу это произнести», – чуть ли не рыдая, признавался он друзьям⁶⁶⁸. «Не было никакого финального занавеса, ни достойного ухода в отставку, – вспоминал его друг, премьер-министр Арчибальд Розбери. – Лорд Рандольф умирал публично, дюйм за дюймом»⁶⁶⁹. Отца Черчилля называли «главным плакальщиком на собственных затянувшихся похоронах»⁶⁷⁰, а разрушение его личности – «самым трагичным явлением палаты общин нашего поколения»⁶⁷¹.

Что же стало причиной столь резкого ухудшения здоровья, превратившего некогда многообещающего министра финансов в разбитого и немощного калеку? Как ни странно, на этот вопрос среди историков нет однозначного ответа. Вначале преобладала теория, что лорд Рандольф был болен сифилисом. Он сам рассказал о подробностях заражения (которое произошло во время учебы в Оксфорде) своему другу, американскому журналисту Луису Дженнингсу, а тот передал услышанное Фрэнку Харрису (1856–1931), также другу Черчилля-старшего. Именно Харрис и предал публичности этот эпизод в своих скандальных мемуарах «Моя жизнь и любовь»⁶⁷².

В 1924 году вышли в свет мемуары Джулиана Озгуда Филда (1852–1925) «Воспоминания без цензуры», где также есть упоминание о заражении сифилисом в университетские годы. Филд утверждает, что во время совместного посещения Парижа он пытался настоять на визите лорда Рандольфа к врачу, но тот наотрез отказался от лечения. Подобное можно объяснить лишь тем, что в середине XIX столетия лечение сифилиса было не менее опасно, чем само заболевание, поэтому не все были готовы подвергнуть себя такому испытанию⁶⁷³.

Была и третья версия, которой придерживались потомки тетки Черчилля – Леони. Они также полагали, что речь шла о сифилисе. Правда, в отличие от Филда и Харриса, они настаивали на том, что заражение произошло вскоре после брака в результате интрижки с горничной Бленхеймского дворца⁶⁷⁴.

Ни одна из трех версий не подтверждена документально. Хотя версия родственников Дженни опровергает заражение в студенческие годы. Если сифилис действительно имел место и болезнь была связана с его неразборчивостью в отношениях с противоположным полом до встречи с будущей женой, он вряд ли стал бы подвергать свою возлюбленную риску.

Со временем за изучение болезни лорда Рандольфа взялись профессиональные медики. Анализ, разумеется, проводился по косвенным признакам, так как ни данных о реакции Вассермана, ни тем более данных томографа, который при жизни лорда Рандольфа еще не изобрели, у них не было и не будет. Наиболее полное исследование с опорой на архивные материалы и записи лечащих врачей было выполнено американцем Джоном Мазером. По его мнению, у отца Уинстона была левосторонняя опухоль мозга, ставшая следствием неправильного образа жизни: большого потребления алкоголя, частого недосыпа и изматывающего труда⁶⁷⁵.

Мнения исследователей разделились. Одни пришли к выводам, что сохранившаяся симптоматика болезни указывает на сифилис, как на «наименее вероятное заболевание»⁶⁷⁶, другие, наоборот, опровергают диагноз, поставленный Д. Мазером, не подтверждая при этом окончательно и факт заражения сифилисом и указывая на сифилис (особенно в менинговаскулярной форме) как на один из возможных диагнозов⁶⁷⁷.

И без того слабое здоровье лорда Рандольфа было окончательно подорвано кругосветным путешествием, куда он отправился вопреки возражениям лечащих врачей⁶⁷⁸ летом 1894 года. Понимая, что больного нельзя оставлять одного, супруга разделила с ним тяготы этой опасной и ненужной поездки. «Никто, кроме Дженни, не согласился бы сопровождать его в

кругосветном путешествии, – вспоминала Леони. – Но она никогда ничего не боялась. Так, однажды в каюте, когда Рандольф достал откуда-то заряженный револьвер и принялся ей угрожать, она без колебаний выхватила из его рук оружие, а самого толкнула на кровать. Дженни одна из самых храбрых женщин, которых я знаю»⁶⁷⁹.

Двадцать седьмого июня Черчилли отплыли на корабле «Мажестик» в Нью-Йорк. Уинстон на всю жизнь запомнит прощание с отцом: «Отпущенная четыре года назад во время южноафриканского путешествия борода не могла скрыть до ужаса изможденного душевными муками лица. Отец похлопал меня по колену – жест безыскусный, но выразивший все»⁶⁸⁰.

Уинстон был передан на попечение бабки, герцогини Мальборо, которая осталась довольна его поведением. «Только между нами, дорогая, – писала она невестке, – Уинстон ведет себя прилежно, но ты же знаешь его слишком хорошо, ему нужна твердая рука»⁶⁸¹.

Уинстон, Джек и герцогиня Мальборо были немногими в семье, кто ничего не знал о тяжести заболевания. Причем они не знали не потому, что не интересовались, просто от них это тщательно и вполне осознанно скрывалось. Вскоре до Уинстона начала доходить информация от доктора Джорджа Кейтса (1864–1918), сопровождавшего чету в кругосветном путешествии. Вначале он не придавал значения серьезности описываемых симптомов. «Я надеюсь, все образуется, – писал он матери. – Причин для беспокойства сейчас нет»⁶⁸². По его мнению, ухудшение состояния было вызвано акклиматизацией и сменой питания. На тот момент Уинстона куда больше волновало, что леди Рандольф не получает его письма. За четыре месяца он направил их тридцать шесть штук⁶⁸³.

Долго списывать ухудшение состояния на изменение внешних условий было невозможно. Заподозрив неладное, Уинстон заставил Робсона Роуза рассказать правду и показать медицинские отчеты. «Не стоит и говорить, насколько я взволнован». Он свяжется с матерью и попросит ее также написать, что она думает о выздоровлении отца. Пока же Уинстон посоветует не говорить герцогине Мальборо правду. «Она думает, что живет только для того, чтобы заботиться о папе и еще раз увидеть его», – объяснит он⁶⁸⁴.

В глубине души Уинстон надеялся на улучшение⁶⁸⁵. Однако оно не наступит. Если во время путешествия по Северной Америке состояние лорда Рандольфа оставалось сносным, хотя и доставляло немало хлопот его супруге, жалующейся на перепады в его настроении, которые происходили по двадцать раз за день⁶⁸⁶, то после посещения стран Дальнего Востока (следующий этап путешествия) оно стало стремительно ухудшаться.

Эти несколько месяцев превратились в изматывающее испытание для Дженни и доктора Кейтса. В сентябре, после прибытия в Йокогаму, Кейтс направил Роузу паническое послание, в котором признался, что «полностью потерял контроль над пациентом»⁶⁸⁷. К концу месяца у больного была парализована левая рука⁶⁸⁸. В октябре доктор Кейтс информировал лондонского коллегу, что речь лорда Рандольфа стала «вязкой», он путает слова, начались перебои со сном⁶⁸⁹. В ноябре, уже из Сингапура, он сообщит о «самой ужасной неделе, которую мы провели с момента начала путешествия». У успешного некогда политика началась парализация нижней части лица⁶⁹⁰. «Любимая Кларинетта, – напишет Дженни своей сестре в середине ноября из Бенгальского залива. – Ты даже представить не можешь, как отвратительно и безысходно наблюдать за его состоянием, видеть, каким он стал, помня при этом, каким он был»⁶⁹¹.

Больше так продолжаться не могло. В конце ноября доктор Кейтс настоял, чтобы в срочном порядке путешествие было прервано⁶⁹². Решение было согласовано с лечащими врачами лорда Рандольфа – Робсоном Роузом и известным специалистом в области вене-

рических заболеваний Томасом Баззардом (1831–1919)⁶⁹³. Роуз покажет последний отчет Кейтса Уинстону. «Не могу передать тебе, насколько я шокирован, насколько я несчастен, насколько я расстроен этими чудовищными новостями», – напишет тот матери⁶⁹⁴.

В конце 1894 года лорд Рандольф вернется в Лондон, «слабый и беспомощный умом и телом, словно дитя»⁶⁹⁵. Разрушение личности было настолько заметно, что близкие боялись уже не его смерти, а улучшения состояния. Если бы это произошло, вся правда, которая с таким трудом скрывалась от общественности, стала бы всеобщим достоянием. В этом случае «его политической репутации и памяти о нем был бы нанесен непоправимый вред», – объяснит леди Рандольф своей сестре⁶⁹⁶.

Подобным опасениям не суждено будет сбыться. Потомок герцога Мальборо стремительно и мучительно угасал. Он скончался в Лондоне, в особняке своей матери на Гросвенор-сквер, 24 января 1895 года в 6 часов 15 минут утра⁶⁹⁷. Двадцать восьмого числа в Вестминстерском аббатстве прошла поминальная служба, о которой Ральф Мартин скажет: «Торжественность ледяного собора, траурные песнопения, звучный печальный голос настоятеля собора и, наконец, похоронный марш из “Саула” наполняли трепетом души пришедших отдать последний долг этому блестящему и несчастному человеку»⁶⁹⁸. После службы гроб с телом покойного доставили на Паддингтонский вокзал и далее поездом в Оксфордшир. Лорд Рандольф Генри Спенсер Черчилль был похоронен на церковном кладбище Блэддон, неподалеку от Бленхеймского дворца.

Кончина лорда Рандольфа произвела неизгладимое впечатление на современников, коллег, друзей и родственников. «Крушение аэроплана всегда оставляет более жуткое впечатление, нежели перевернувшийся на улице дилижанс, – прокомментирует его смерть Шейн Лесли. – Лорд Рандольф упал с метеоритных высот»⁶⁹⁹.

Когда стало очевидно, что конец неизбежен, у кровати умирающего собрались близкие. Уинстон ночевал поблизости. «Вызванный из соседнего дома, я бежал через темную и занесенную снегом Гросвенор-сквер», – пишет он. К тому времени сознание лорда Рандольфа уже помрачилось. Спросив сына что-то о лошадях, он впал в забытье⁷⁰⁰.

В конце жизни Черчилль скажет своему личному секретарю Энтони Монтагю Брауну (1923–2013): «Знаете, мой отец скончался от сухотки спинного мозга, вызванного сифилисом»⁷⁰¹. Это признание очень важно. Причем не потому, что ставит точку в диагнозе. Оно передает мнение Черчилля, который считал, что причиной смерти отца был именно сифилис, и с осознанием этого обстоятельства ему суждено будет прожить всю свою жизнь. Хотя в тот промозглый январь 1895 года Уинстона куда больше волновала не причина, а сам факт, что человек, на сотрудничество с которым он возлагал такие надежды, ушел навсегда. «Проживи он еще четыре-пять лет, и ему было бы невозможно обойтись без меня», – сокрушался Черчилль⁷⁰². Теперь же «все мои мечты о совместной деятельности с ним, о вступлении в парламент на его стороне, с его поддержкой растаяли словно дым, и мне оставалось лишь следовать его целям и отстаивать его память»⁷⁰³.

С уходом лорда Рандольфа в жизни Уинстона исчезла не только надежда на совместное и плодотворное сотрудничество, не только моральная и финансовая поддержка со стороны отца – на его жизненном пути исчезло препятствие, которое могло помешать ему в реализации своих способностей, стремлений и планов. «Если бы он не умер и даже если бы его здоровье оставалось крепким, он превратился бы в преграду для карьеры Уинстона», – считает сын нашего героя⁷⁰⁴. Разумеется, это звучит цинично, особенно из уст внука, но лорд Рандольф действительно мог помешать сыну в стремительном достижении успеха. В какой-

то степени это понимал и сам Черчилль, признавшись спустя годы, что со смертью отца он «стал хозяином своей судьбы»⁷⁰⁵.

Кончина лорда Рандольфа была не единственным ударом, который ждал юношу и его мать в следующие шесть месяцев 1895 года. Весной в Лондоне началась эпидемия гриппа. Пресса сообщала о тридцати четырех случаях заражения, закончившихся летальным исходом. Жертвой эпидемии стали тысячи лондонских полицейских и многие члены парламента, включая премьер-министра Арчибальда Розбери. Дженни в этот момент находилась в Париже, поддерживая связь с сестрами, детьми и матерью посредством переписки. Ее беспокоило здоровье Джека: «Ложись спать пораньше и будь осторожен, – заботливо писала она ему. – Береги себя. Надеюсь, у тебя не будет гриппа»⁷⁰⁶.

С Джеком все будет нормально. Судьба нанесет леди Рандольф болезненный удар по-другому. Заболеет ее мать – Клара Джером. Когда Уинстон навестит свою бабуку, она покажется ему «бледной и измученной»⁷⁰⁷. В конце марта состояние больной резко ухудшится. Ее дочери и внуки попеременно дежурили у нее. «Она очень постарела, и нам приходилось вести себя очень тихо, чтобы ее не потревожить, – вспоминала внучка миссис Джером Клэр Шеридан (1885–1970). – В конце жизни она превратилась в настоящую индианку: неподвижно сидела и часами смотрела в огонь. Голову она заматывала шалью. Личность, обладавшая огромной моральной стойкостью и самоотречением, постепенно угасала»⁷⁰⁸. «Какое печальное время ты переживаешь сейчас, моя любимая мамочка, – читаем мы в переписке Уинстона с матерью. – Надеюсь, у тебя хватит сил пройти через все это»⁷⁰⁹. Миссис Леонард Джером скончалась 2 апреля 1895 года.

В июне того же года, во время посещения Бленхеймского дворца, Черчилль посетил могилу отца, расположенную рядом с местной церковью. Уинстон зашел в церковь, где пел детский хор, добавлявший «красоту и умиротворенность этому месту». Затем он направился к могиле. Было хорошее солнечное утро. Зелень и распутившиеся кусты розы радовали глаз. «Я был настолько потрясен ощущением покоя и тишины, что моя печаль отступила, – вспоминал он. – Отец наверняка выбрал бы это место для последнего приюта»⁷¹⁰.

К тому времени уже не было в живых ни Леонарда Джерома, ни 7-го, ни 8-го герцогов Мальборо, и, учитывая прохладные отношения с бабушкой, вдовствующей герцогиней Мальборо, у Черчилля остались только два дорогих ему человека, которые были старше его – мать и миссис Эверест. С Вумани, как он когда-то ее называл, Уинстон продолжал поддерживать отношения, которые еще больше окрепли после смерти отца. Понимая, что миссис Эверест тяжело материально, он помогал ей деньгами и добрым словом. В этот момент она жила у сестры Эммы на севере Лондона. Именно от Эммы Уинстон и узнал в конце июня, что его любимой няне нездоровится. Он тут же примчался к ней. На улице был ливень, и он промок до нитки. У пожилой женщины обострился перитонит, однако она ни о чем не могла думать, пока одежда Уинни не высохнет.

Побыв некоторое время с няней, Черчилль вернулся в казармы Олдершота. Утром на построении ему передали телеграмму, из которой следовало, что состояние миссис Эверест внушает опасения. Уинстон немедленно вернулся в Лондон. Взяв с собой доктора Кейтса, а также наняв сиделку, он приехал к больной. Она успела попрощаться с Уинстоном и впала в кому.

Черчилль остался сидеть у кровати миссис Эверест, держа ее за руку, пока в четверть третьего утра она не отошла в мир иной. «Наблюдать за ее кончиной было ужасно», – скажет Уинстон своей матери⁷¹¹. Его утешало только то, что «она была рада увидеть меня», что «она не страдала»⁷¹² и «приняла смерть спокойно»⁷¹³. «Она прожила невинную, исполненную любви жизнь, служа другим людям и не мучаясь страхами, – напишет он впоследствии. –

Она была мне самым дорогим и близким другом на протяжении всех первых двадцати лет моей жизни»⁷¹⁴.

Черчилль организовал похороны няни на городском кладбище Лондона (*City of London Cemetery and Crematorium*)⁷¹⁵. Зная, что, прежде чем прийти в их семью, покойная служила у священника из Камберленда, он связался с ним, предложив ему приехать и провести службу. Леди Рандольф находилась в Париже и в траурном мероприятии участия принять не смогла. Черчиллей представляли Уинстон и Джек, который тоже переживал, но старался сдерживать эмоции. На Черчилля произвело впечатление количество желающих проститься с покойной. «Были все ее родственники, большинство из которых приехали из Вентнора, – сообщал он своей матери. – Я был очень удивлен, сколько друзей она смогла приобрести в своей тихой и спокойной жизни»⁷¹⁶. Черчилль заказал венки от себя с Джеком и от леди Рандольф. Также на его средства была воздвигнута надгробная плита. Кроме того, на протяжении многих лет он будет оплачивать у местного флориста Коллинза цветы для украшения могилы любимой няни⁷¹⁷.

«У меня никогда не будет больше такого друга, – напишет Черчилль леди Рандольф в день кончины миссис Эверест. – Я обнаружил, что раньше не осознавал, насколько много бедная старая Вум значила для меня»⁷¹⁸. Со временем боль притупится, но воспоминания о тех, кто его любил, все равно будут беречь душу и волновать сердце. «Мне становится очень грустно, когда я вспоминаю о старой бедной Эверест, – признается Уинстон спустя пару месяцев после ее кончины. – Какие ужасные потери мы понесли за прошедшие двенадцать месяцев. Мы все умрем: одни – сегодня, другие – завтра. И так будет продолжаться тысячи лет. История человечества – это повествование о бесчисленных трагедиях, и, возможно, самой прискорбной частью бытия является незначительность человеческого горя»⁷¹⁹.

За всеми этими философскими рассуждениями и тяжелыми событиями последних месяцев скрывался тот простой факт, что Уинстон повзрослел. В его жизни начинался новый важный этап. Он и сам это подспудно понимал, когда сказал своей матери, что со смертью няни «распалось еще одно звено, связывающее нас с прошлым»⁷²⁰. И хотя связей с прошлым еще будет предостаточно, прошлое уже мало походило на то будущее, которое ждало непоседливого юношу впереди.

Глава 2. Историк действующей армии

Исследователи жизни Уинстона Черчилля назовут последние пять лет XIX века «решающими годами»¹ его биографии. В истории нашего героя было много ключевых дат, важных событий и судьбоносных решений, но эти годы действительно стоят особняком. Они заложили основу следующих десятилетий насыщенной и плодотворной жизни Черчилля, его будущих достижений и свершений.

Он и сам это прекрасно понимал, оставив будущим поколениям энергичный призыв о важности молодых лет: «Вперед, молодые люди всей земли! Вы не должны терять ни минуты. Займите свое место на передовой по имени Жизнь. С двадцати до двадцати пяти – вот это годы! Не соглашайтесь с положением вещей. Поднимайте великие стяги и атакуйте орды врагов, постоянно собирающиеся против человечества. Победа достанется лишь тем, кто осмелится вступить в бой. Не принимайте отказ, не отступайте перед неудачей, не обманывайте себя личным успехом и пустым признанием. Земля создана, чтобы быть завоеванной молодостью. Лишь покоренная, она продолжает свое существование»².

Несмотря на весь восторг, определение жизненного пути Черчилля не будет простым, прямым и однозначным. Прежде чем найти «свою колею», потомку герцога Мальборо придется преодолеть как внутренние соблазны, так и условности окружающей среды. Ему предстоит сломать устоявшиеся нормы и правила, превозмочь неизбежную хулу и недовольство общества. Одолеваемый сомнениями и отвлекаемый трудностями, он будет упорно пробираться к поставленной цели, сверяясь с внутренним компасом своих истинных наклонностей и желаний.

Какие же перспективы открывались перед Черчиллем в начале 1895 года? Вопрос простой и сложный одновременно. С одной стороны, все было понятно. Уинстон окончил Сандхёрст. Впереди его ждала военная карьера и служба в полку. С другой – все было расплывчато и неопределенно. И дело даже не в выборе полка, от которого, разумеется, многое зависело, а в определении рода войск. Это был первый поворотный эпизод в жизни Черчилля, когда именно от его решения зависело дальнейшее развитие событий. Решение это принималось исходя из увлечений и привязанностей, среди которых не последнее место отводилось любви к лошадям. «Держаться в седле и управлять лошастью является одной из самых важных вещей в мире», – считал знаменитый британец³.

На первый взгляд, в трепетном отношении Черчилля к лошадям нет ничего удивительного. Его дед Леонард Джером был страстным поклонником верховой езды. После возвращения в Нью-Йорк в 1859 году он выкупил кусок земли на Мэдисон-сквер. Рядом с возведенным им шестиэтажным особняком из красного кирпича, облицованного мрамором, а также частным театром на шестьсот мест он построил трехэтажную конюшню. Для внутренней отделки были использованы панели из черного дерева, полы устилали ковры. Журналисты писали, что роскошнее были только конюшни Наполеона III в Париже⁴.

В 1866 году вместе со своим братом Лоуренсом (1820–1888) и банкиром Огюстом Бельмонтом (1853–1924) Леонард построил в поместье Бэтгейт ипподром с трибунами на восемь тысяч зрителей, а также фешенебельное здание *Jockey Club* с великолепной бальной залой, красивыми столовыми и удобными комнатами для размещения гостей. Благодаря стараниям отца Дженни бега превратились в США в популярное светское увлечение, а его самого стали называть «отцом американских бегов»⁵.

Страстной любовью к лошадям отличались и британские предки будущего политика. Для английской аристократии лошадь всегда значила больше, чем просто умное, верное и выносливое животное. Держаться в седле – это был негласный символ финансового

достатка, социального влияния и политического господства. «Те, кто владел лошадьми и скакал на них, делили общество на две категории: небольшой круг избранных аристократов, обладателей сапог и шпор, и аморфная масса, рожденная запрягать и оседлывать лошадей», – объясняет историк Ральф Мартин⁶.

В октябре 1886 года лорд Рандольф купил свою первую скаковую лошадь. На тот момент он возглавлял Министерство финансов и времени для занятия конным спортом имел немного. Отец Уинстона активно увлекся скачками после отставки в декабре 1886 года. Совместно со своим другом, 4-м графом Данрвеном (единственным членом правительства лорда Солсбери, который поддержал лорда Рандольфа, уйдя вместе с ним в отставку в декабре 1886 с поста заместителя министра по делам колоний), он стал приобретать новых лошадей. В качестве места проведения забегов предпочтение перед более чопорными и церемониальными Аскотом и Дерби было отдано Ньюмаркету. Своими цветами лорд Рандольф выбрал розовый и коричневый, которые впоследствии позаимствовал его старший сын.

Первый сезон 1887 года не принес экс-министру больших побед. Удалось выиграть только один забег с призовым фондом сто фунтов³³. В сентябре 1887 года Черчилль-старший отправился в Донкастер для приобретения у коннозаводчика Джеймса Снэрри (1826–1908) новых лошадей. На продажу было выставлено пять годовиков. Лорд Рандольф выбрал самую дешевую черную кобылу, заплатив за нее триста фунтов. В этот момент Дженни была увлечена романом Эрнеста Ренана (1823–1892) «Жуарская аббатиса». Именно в честь главной героини этого произведения она и предложила назвать лошадь *L'Abbesse de Jouarre*⁷. «Она была величавой маленькой кобылой с сердцем больше, чем ее тело», – вспоминала леди Рандольф⁸.

Небольшие размеры Аббатисы многих любителей скачек ввели в заблуждения. В ее успех верили единицы, что определяло большие размеры ставок и приличный доход для ее владельцев. В свой первый сезон лошадка, которую публика прозвала *Abcess in Jaw* («Абсцесс во рту») выиграла три забега с призовым фондом девятьсот тридцать пять фунтов. На следующий год она победила на скачках в Дерби с призовым фондом две тысячи шестьсот фунтов. Всего Аббатиса выиграет в десяти забегах с призовым фондом более десяти тысяч фунтов⁹.

Уинстон станет достойным преемником Леонарда Джерома и лорда Рандольфа. В 1955 году он признается лечащему врачу, что собирается посвятить остаток дней конному спорту: «Это нисколько меня не утомляет. Я смогу великолепно сохранять равновесие, выбрав себе тихую лошадку»¹⁰.

Свои первые уроки верховой езды Черчилль начал брать в десятилетнем возрасте в частной приготовительной школе в Брайтоне. В то время верховая езда, наряду с французским, историей и плаванием, входила в список обязательных дисциплин для подготовки будущих членов высшего общества. Мальчик занимался верховой ездой три раза в неделю: во вторник, среду и пятницу. Занятия, которые длились от шестидесяти до девяноста минут, доставляли ему огромное удовольствие¹¹. «Эти занятия нравятся мне больше всего», – признавался он своей матери¹².

Уинстон продолжил совершенствоваться в верховой езде в Хэрроу и, разумеется, в Сандхёрсте. «Мне безумно нравилось скакать верхом, – вспоминал он годы, проведенные в военном колледже, – я бы вообще не слезал с лошади. Лошади были моей отрадой»¹³.

Верховая езда была в Сандхёрсте обязательным предметом, независимо от того, обучался ли кадет на курсе кавалерии или пехоты. Тренировки начинались только со второго

³³ Почти десять тысяч фунтов в современном эквиваленте.

семестра. Первые шесть месяцев занятия проводились два раза в день. Курсантов учили седлать лошадей, не использовать стремяна, седла и вожжи, преодолевать препятствия, спешиваться и садиться на лошадь, пока она бежит рысью. В последнем семестре верховая езда, которая была любимым предметом Черчилля, значилась в расписании ежедневно¹⁴. Не жалея средств, кадет тратил на лошадей не только все свои сбережения, но и опрометчиво влезал в долги под будущее офицерское жалованье¹⁵.

Благодаря поддержке отца, Уинстон прошел дополнительный курс верховой езды в Найтсбриджских казармах, тренируясь в манеже вместе с королевскими конногвардейцами¹⁶. После занятий с профессионалами уроки в колледже не представляли особых проблем¹⁷.

В декабре 1894 года Уинстон принял участие в борьбе за первое место по верховой езде, занять которое считалось «большой честью» среди учащихся. Из 127 юношей, успешно завершивших последний семестр, было отобрано пятнадцать лучших кадетов. После первого тура осталось десять претендентов. Затем, после скачек с препятствиями, были отобраны четыре участника, и среди них – Черчилль. «К этому моменту мое возбуждение достигло предела, – делился он с отцом. – Мне кажется, я еще никогда не держался в седле так уверенно». Уинстон займет второе место, набрав 199 очков из двухсот. Несмотря на поражение, он останется доволен результатом¹⁸.

Нетрудно догадаться, что обучение верховой езде было связано со множеством опасностей, на которые наш курсант, правда, не обращал особого внимания. Так, во время одного из галопов в Олдершоте один из всадников упал головой на землю, после того как из-под него выскользнуло седло. Черчилль привел пострадавшего с помощью воды и бренди в чувство, затем нанял кеб и отвез в Сандхёрст. Юноше сильно повезло, что он отделался сотрясением мозга, а не переломом шеи, заключил местный доктор после осмотра¹⁹.

Не придавая значения подобным инцидентам, Черчилль относил конный спорт к благородным и важным видам человеческой деятельности. Родителям (особенно состоятельным) он будет советовать: «Не давайте сыну денег, если средство позволяют, купите ему лошадь». «Еще никто никогда не попадал в беду – за исключением достойных бед – из-за того, что ездил верхом, – говорил он. – Ни один час, проведенный в седле, не может считаться потерянным часом. Молодежь часто разоряется, владея лошадьми или ставя на них деньги, но никогда – из-за того, что ездит на них верхом, если, конечно, не ломает себе при этом шею, что при галопе является весьма завидной смертью»²⁰.

Принято считать, что увлечения человека оказывают огромное влияние на его жизнь. Биография Черчилля наглядное тому подтверждение. Пройдя обучение в пехотном классе, он должен был начать службу в одном из пехотных полков. Даже известно, в каком – 60-м стрелковом полку Ее Величества. Лорд Рандольф подтвердил прежние договоренности о назначении сына в это формирование буквально на второй месяц его обучения в Сандхёрсте. Решение вновь было согласовано на самом высоком уровне – главнокомандующим британской армией герцогом Кембриджским²¹.

Проблема заключалась в том, что Черчилль не хотел быть пехотинцем. Ему была ближе кавалерия, и он даже нашел для себя подходящее место – 4-й гусарский полк Ее Величества под командованием полковника Джона Пальмера Брабазона (1843–1922), участвовавшего в Афганской войне в 1879 году и в сражении у Суакина в 1884 году. Более того, Уинстон почувствовал себя уже достаточно сильным и взрослым, чтобы настоять на своем, вопреки воле отца.

Брабазон был знаком с семьей Черчиллей и дружил с лордом Рандольфом. Уинстон несколько раз пересекался с ним на различных приемах²², а в начале 1894 года направил ему

личное послание, в котором сформулировал преимущества кавалерии перед пехотой. Для полковника, возглавляющего кавалерийский полк, эти доводы молодого курсанта были, в принципе, неважны, он свой выбор уже сделал. А вот Черчиллю, пытавшемуся сформулировать аргументы, которые могли бы прозвучать в беседе, письменной или устной, с родителями, еще как нужны. Именно поэтому после отправки письма Брабазону он напишет то же самое леди Рандольф.

На каких же моментах акцентировал внимание Черчилль?

Первое – продвижение по службе. В этом вопросе кавалерия опережает пехоту, а что касается 60-го стрелкового полка, то «это самый медленный полк в армии».

Второе – в кавалерию быстрее получить назначение.

Третье – кавалерийским полкам предоставляются лучшие военные базы, «правительство заботится о них, в то время как пехота получает лишь то, что сможет достать».

Четвертое – содержание лошадей в кавалерии дешевле, чем в пехоте, опять же благодаря помощи государства.

Специально для леди Рандольф Уинстон добавил еще одну группу, как он сам выразился, «сентиментальных доводов»: униформа, занятия верховой ездой, преимущества передвижения верхом перед пешими марш-бросками, служба с офицерами, с которыми он уже успел познакомиться²³.

Несмотря на легковесность некоторых аргументов, нельзя не признать, что Черчилль основательно подошел к предмету. В письме уже чувствуется стиль будущего политика, демонстрирующий всестороннее изучением вопроса и изложение сразу множества доводов в поддержку своей позиции.

Годом ранее 4-й гусарский полк был переведен из Ирландии в небольшой гарнизонный город в пятидесяти километрах к юго-западу от Лондона – Олдершот – и расквартирован в Восточных кавалерийских казармах²⁴. В апреле 1894 года Брабазон пригласил Уинстона принять участие в полковом обеде²⁵. Тридцать офицеров в голубых, украшенных золотом мундирах собрались у круглого стола, на котором сверкали кубки и трофеи, собранные полком в спортивных и боевых сражениях за последние два столетия. «Незабываемое событие, способное вскружить не одну молодую голову, – вспоминал Черчилль. – Это походило на государственный прием. В сверкании, изобилии, церемонно и выдержанно, великолепный обед шел под звуки полкового струнного оркестра»²⁶.

Леди Рандольф была в курсе участвовавшего общения сына с полковником Брабазоном. В отличие от супруга, она не возражала, чтобы сын стал кавалеристом. «Мне птичка нашептала, что прошлой ночью ты не спал в своей постели, – обратилась она к нему, узнав о полковом обеде. – Напиши мне все об этом. Не уверена, что папа это одобрит»²⁷. «Как бы я хотел попасть в 4-й вместо этого старого стрелкового полка, – признается Черчилль в ответном письме. – Я ненавижу пехоту из-за своего хилого телосложения, я буду бесполезен на подобной службе»²⁸. Что касается отца, то Уинстон отдельно поставил его в известность о посещении гусарского полка²⁹. «Не думаю, что папа станет возражать против того, что я гостил у полковника Брабазона в Олдершоте», – скажет он леди Рандольф³⁰.

Гостить – да, но служить – нет. В августе 1894 года Черчилль-старший напишет своему сыну резкое письмо, в котором категорично заявит, что отказывается принять доводы в отношении кавалерии. Он лично просил герцога Кембриджского об устройстве сына в 60-й стрелковый полк. Главнокомандующий будет возмущен, если узнает о смене договоренностей. «Поэтому лучше выкинь эту идею из головы, по крайней мере пока я жив и пока ты зависишь от меня», – резюмировал лорд Рандольф (выделено в оригинале. – Д. М.)³¹.

Уинстону дали четко понять, что все решено, вопрос закрыт, вновь поднимать и обсуждать его бесполезно. Но для Черчилля это уже было не важно. Он вырос и в дальнейшем хотел сам ковать свою судьбу, свое счастье и свои достижения. Он был достаточно уперт, энергичен и трудолюбив, чтобы добиться своего. Пехота была не для него. В последнем семестре в Сандхёрсте он сделает все от него зависящее, приложит все силы к тому, чтобы переубедить отца.

Возможно ли было изменить мнение лорда Рандольфа по уже решенному вопросу? Да, считал Уинстон. Нужно сделать так, чтобы поставить отца перед фактом. Он должен признать способности сына в верховой езде, увидеть в нем предрасположенность к кавалерии. А для этого необходимо хорошо показать себя в борьбе за первое место по езде, что Черчилль и сделает.

А как же быть с главнокомандующим британской армией герцогом Кембриджским? И эту проблему Черчилль смог решить. Он имел беседу с главнокомандующим на одном из мероприятий.

– Ты сейчас в Сандхёрсте, не правда ли? – спросил фельдмаршал Черчилля. – Тебе нравится?

– Да, – ответил Уинстон.

– Планирует служить в моем полку, – добавил, характерно картавя, стоящий рядом Брабазон.

– О! Очень рад, – заметил главнокомандующий и направился дальше.

«То есть он и в самом деле уже забыл о 60-м, – написал Черчилль своей матери. – Как же я не хочу, чтобы мне предлагали это несчастное назначение в пехоту после экзаменов. Мне хочется пойти служить в кавалерию, даже в плохой полк. Пехота мне совершенно не интересна»³².

В конечном счете Черчиллю удастся добиться своего. Его сын-биограф сообщает: в конце жизни лорд Рандольф смирился с идеей службы Уинстона в гусарском полку³³. Учитывая резкое ухудшение состояния здоровья Черчилля-старшего в конце 1894-го – начале 1895 года, трудно утверждать насколько искренен и самостоятелен был лорд Рандольф, благословляя своего первенца на службу в кавалерии. Подозрительно выглядит и спешка по завершению формальной процедуры назначения Черчилля в гусары, начатая уже после смерти его отца. Не прошло и недели с момента кончины лорда Рандольфа, как его супруга телеграфировала Брабазону с просьбой о зачислении сына. Учитывая небольшие разногласия, имевшие место между полковником и главнокомандующим, Брабазон посоветовал Дженни обратиться к герцогу Кембриджскому напрямую. Мол, в 4-м гусарском полку появилась вакансия, и, дабы молодой выпускник не тратил время на столичные развлечения, ему следует как можно скорее посвятить себя службе. Брабазон также рекомендовал ей добавить, что командующий полком лично знаком с Уинстоном, юноша ему нравится, и он с радостью примет его в свои ряды³⁴.

Леди Рандольф последовала советам полковника. На следующий день она направила фельдмаршалу, который в это время отдыхал в Каннах, телеграмму. Из-за отсутствия в Лондоне своего окончательного решения главнокомандующий сообщить не мог. Однако он пообещал связаться с военным министром, и это обнадеживало. Кроме того, он признал, что «4-й гусарский – очень хороший кавалерийский полк, и полковник Брабазон превосходный офицер». Упомянул он и про Уинстона, отметив успехи последнего в Сандхёрсте³⁵.

В тот же месяц – 20 февраля 1895 года – Черчилль получил официальное назначение в 4-й гусарский полк Ее Величества, куда он был зачислен в чине второго лейтенанта. Назначение было подписано военным министром Генри Кэмпбелл-Баннерманом (1836–1908)³⁶.

Пройдет одиннадцать лет, и тот же Кэмпбелл-Баннерман, уже будучи главой правительства, назначит Черчилля на первый официальный пост – заместителя министра по делам колоний.

За свою долгую и активную жизнь британский политик будет служить в девяти полках: 4-м гусарском, 31-м Пенджабском пехотном, 21-м уланском, Южно-африканском легкой кавалерии, Оксфордширском гусарском, Оксфордширском йоменов, Гвардии гренадеров, Королевском шотландских фузилеров, Оксфордширском артиллерийском³⁷. Однако 4-й гусарский все равно останется самым любимым и самым важным для него. Останется не случайно. От того, к какому полку принадлежал офицер, зависело его положение в армии.

Старшинство полка определялось его историей и боевым прошлым. У каждого полка была своя униформа. Например, король-денди Георг IV, когда еще был принцем-регентом, лично разработал форму для 11-го гусарского полка, покровителем которого являлся. Форма была настолько тесной, что гусары с огромным трудом могли в нее влезть, не говоря уже о том, чтобы в ней воевать. Но Георга это нисколько не смущало. Видя сражения лишь на гравюрах и полотнах, он считал, что во время боя «складки недопустимы»³⁸.

Уинстону повезло, подобного рода экстравагантности его не коснулись. Что же касается старшинства, то из тридцати одного кавалерийских полка, несших службу на просторах Британской империи, он служил пусть и не в самом престижном, но в пользующемся большим уважением формировании, ведущем свою историю с 1685 года.

После зачисления в полк Черчилль проявил свойственное ему нетерпение и прибыл в казармы до официального срока начала прохождения службы³⁹. В полку Уинстона приняли хорошо. «Все очень радушны и дружелюбны», – делился он с леди Рандольф⁴⁰. По традиции новобранцев письменно приглашали на полковой обед, где обращались с ними с подчеркнутой вежливостью. «Замечательный обычай, – писал Черчилль из Олдершота брату Джеку. – Совершенно не испытываешь беспокойства и не чувствуешь себя чужаком»⁴¹. Уинстон платил однополчанам взаимностью. «Все очень хорошо, – признавался он матери на пятые сутки пребывания в казармах. – И хотя я еще не завел друзей, могу тебя смело заверить: я еще никого не оскорбил. Все очень воспитанны, а дни пролетают очень мило»⁴².

Вполне обычный прием для представителя аристократии, которых любили в британской армии и которые составляли ее основу. «Это был эксцентричный и замкнутый институт, мало изменившийся со времен Ватерлоо», – указывает Уильям Манчестер⁴³. Так же как старшинство полков определялось их прошлым, так и подбор офицеров осуществлялся в соответствии с происхождением кандидатов. В британской армии свято чтили постулаты, заложенные еще герцогом Веллингтоном; они гласили, что лучшие офицеры получают исключительно из английских джентльменов. На прошениях о зачислении в тот или иной полк можно было встретить резолюцию подобную этой: «Его отец хороший солдат, его мать – леди». Генералы вспоминали, что фельдмаршал Фредерик Слей Робертс (1832–1914), главнокомандующий всеми британскими войсками в первые годы XX века, не делал ни одного назначения, предварительно не убедившись в благородном происхождении претендента⁴⁴.

Обо всех этих особенностях и странностях патриций Черчилль не думал. С поступлением в армию в его жизни начался новый важный этап. Впереди его будут ждать смертельные опасности и легкие ранения, нелепое пленение и дерзкий побег, военная слава и международная известность. Главным же станет ощущение жизни во всем ее многообразии, непредсказуемости и великолепии: «Вспоминая те времена, я не могу не поблагодарить Высшие Силы за то, что они дали мне жизнь. Все дни были хороши, и каждый следующий лучше предыдущего. Взлеты и падения, опасности и путешествия, постоянное чувство движения и иллюзия надежды»⁴⁵.

Черчилль готовил себя к завоеванию мира. Но готов ли был в тот момент мир к удовлетворению его амбиций? Похоже, что нет. За прошедшие со времен Крымской войны сорок лет британские солдаты ни разу не открывали огонь по белокожим войскам. «Великое время отшумело», – боялся второй лейтенант. «О, если бы родиться пораньше лет на сто – вот было бы здорово! – мечтал он. – Представь, что девятнадцать лет тебе стукнуло бы в 1793 году, когда впереди было больше двадцати лет войны с Наполеоном»⁴⁶.

Знал бы Черчилль, что меньше чем через двадцать лет мир забьется в агонии мировой войны, когда атак, смертей, лишений и горя хватит на всех и с лихвой. Знал бы он, что десятилетия спустя, озираясь на те ужасы, через которые пришлось пройти его поколению, он будет со слезами на глазах признавать, что «немногие из пылких, честолюбивых сандхёрстских кадетов и юных офицеров, которые в конце XIX столетия и в чуть более поздние годы вступали на королевскую службу, уцелели в этом ожидающем их разгуле смерти»⁴⁷. А пока он каждой клеткой своего молодого организма жаждал славы, успеха и популярности. А как еще можно было отличиться, если не принять участия в каком-нибудь военном конфликте, самому не понюхать пороху, не ринуться в бой, не завоевать первые награды, украсив грудь привлекательным блеском медалей и орденов? Он пробивался наверх, когда именно боевой опыт служил «скорой дорогой к повышению», когда именно жизнь на фронте открывала «сияющие врата почета», когда именно ореол ветерана «придавал счастливчику блеск в глазах стариков и юных дев»⁴⁸.

На следующий 1896 год был запланирован перевод 4-го гусарского полка в Индию на долгие девять лет. Понимая, что возможностей для приобретения боевого опыта на новом месте будет немного, Черчилль решил максимально использовать оставшееся время. Склонившись «над картой своей жизни»⁴⁹, он принялся лихорадочно искать место для приложения своей безграничной энергии. Уинстону часто везло, повезло ему и на этот раз. На земном шаре нашлась точка, где «всеобщий мир, в котором человечество коснело многие годы, дал трещину»⁵⁰. Эта точка находилась на Кубе, раздираемой партизанской войной местных повстанцев и испанских колонизаторов. Для наведения порядка на Антильскую жемчужину был направлен испанский военачальник, маршал Арсенио Мартинес Кампос (1834–1900), организатор переворота 1874 года, который привел к восстановлению в Испании династии Бурбонов в лице Альфонсо XII (1857–1885). В 1878 году Мартинесу Кампосу уже удалось заключить перемирие с кубинскими мятежниками. Теперь ему предстояло повторить успех семнадцатилетней давности.

Черчилль не привык откладывать дела в долгий ящик. О своем решении отправиться вместе с одним из своих сослуживцев на Кубу (с остановкой в США) он сообщил матери в начале октября 1895 года⁵¹, чем привел ее в замешательство. С каким сослуживцем? Какая поездка? В Нью-Йорке «смертельно скучно», а само путешествие – «баснословно дорого», – упрекала его леди Рандольф. Поэтому, «вместо “я решил”, гораздо благоразумнее было бы сначала посоветоваться со мной. Хотя, возможно, со временем опыт научит тебя такту, одной из важнейших составляющих в нашей жизни»⁵².

Однако накладывать вето на решение сына леди Рандольф не стала. В том числе и потому, что у него и так хватало проблем с организацией поездки. Учитывая, что ни британскую армию, ни 4-й гусарский полк, ни тем более лично Черчилля никто не звал на Кубу, ему необходимо было приложить значительные усилия, чтобы воплотить свои планы в жизнь. Для этого он воспользовался моделью поведения, к которой не раз будет обращаться впоследствии – он стал активно задействовать имеющиеся связи. Учитывая, что собственных связей он к тому времени наработать еще не успел, в поле его зрения попали знакомые и друзья отца. Так, не дожидаясь ответа от матери, он написал другу и коллеге лорда Рандольфа сэру Генри Драммонду Вольфу, в то время британскому послу в Испании. «Старый доб-

ряк» Вольф с удовольствием откликнулся на просьбу⁵³. Он лично встретился с министром иностранных дел Испании герцогом Карлосом О'Доннелом Тетуаном (1834–1903), который пообещал написать письмо Мартинесу Кампосу. Одновременно маршалу было направлено письмо от имени военного министра генерала Марсело де Азкарага (1832–1915)⁵⁴.

Помимо налаживания испанских связей, Черчилль также позаботился о решении вопроса британской стороной. Он связался с новым главнокомандующим британской армией фельдмаршалом виконтом Гарнетом Джозефом Уолсли (1833–1913). Фельдмаршал принял молодого гусара «очень дружелюбно». Он посоветовал ему не брать отпуск, а оформить поездку на Кубу как выполнение официального задания. Какого именно? Для этого Уолсли порекомендовал обратиться к главе военной разведки генералу Эдварду Фрэнсису Чэпману (1840–1926). «Думаю, что все устраивается», – не скрывая своего восторга, написал Уинстон матери⁵⁵.

Не прошло и года, как он закончил военный колледж, и вот уже сам определяет свое будущее, заручаясь поддержкой влиятельнейших лиц Британии. Вряд ли последнее было бы возможно, если бы речь шла не о потомке герцогов Мальборо, а выходе из семьи попроще. Поэтому заявления Черчилля и его биографов⁵⁶ о том, что он всего добился сам, следует принимать с оговорками.

Двадцать первого октября Черчилль с удовлетворением сообщил леди Рандольф, что «все решено». Официальным заданием молодого гусара и его сослуживца – Реджинальда Вальтера Ральфа Барнса (1871–1946) («одного из лучших друзей, возможно, самого лучшего»⁵⁷) – станет сбор информации по новому типу пуль⁵⁸ и новому типу ружей⁵⁹.

Второго ноября Черчилль и Барнс отплыли на пароходе королевской почты «Этрурия» в Нью-Йорк. Не привыкший к безделью Уинстон терпеть не мог морские путешествия, воспринимая их, по его собственным словам, как «необходимое зло»⁶⁰. Спустя несколько лет, находясь на другом корабле королевской почты, он напишет следующие строки, хорошо передающие его состояние во время поездки в США: «Однообразие – характерная черта современного путешествия, и кто станет описывать его? Но и в однообразии есть своя тайная прелесть. Здесь, в промежутки времени слишком длинный, пока он длится, и слишком короткий, когда он проходит, мы можем спокойно размышлять о беспокойном мире, который остался позади, и о той суматохе, которая ожидает нас впереди»⁶¹. Философские размышления на «Этрурии» Черчилль чередовал игрой в безик («немного и по маленькой»), трапезами в салоне, а также наблюдением за чудовищным штормом, когда «волна накрывала весь корабль, а палуба почти полностью уходила под воду»⁶².

Вскоре скучное, утомительное и выматывающее путешествие завершилось в гавани Нью-Йорка. В родном городе Дженни Джером молодых гусаров встречал ее близкий друг Уильям Бурк Кокран (1854–1923). Черчилль и Барнс остановились в его роскошном доме номер 763 на Пятой авеню. Однако не богатое убранство поразило Уинстона больше всего. Он был очарован мистером Кокраном – «самым прелестным хозяином и самым интересным человеком, которого я когда-либо видел»⁶³. Он будет обсуждать с ним «все мыслимые темы, от экономики до яхтенного спорта», признавая, что его собеседник «очень умный человек, один из тех, у кого можно многому научиться»⁶⁴. И это после того, как Черчилль уже имел беседы с двумя будущими премьер-министрами Великобритании и одним бывшим: Бальфуэром, Асквитом и Розбери.

По мнению профессора Джонатана Роуза, Кокран стал для Черчилля «антиотцом, дав ему все, в чем лорд Рандольф отказал: теплоту, близость, спокойствие, поощрение»⁶⁵. Он же окажет и важное влияние на формирование его мировоззрения. Именно на примере Кокрана Черчилль увидит, как человек может дважды менять партийную принадлежность, оставаясь

при этом последовательным в своих взглядах. «На протяжении двадцати лет нашего знакомства я никогда не видел никакой непоследовательности в общих положениях его доктрины, на которых была основана его точка зрения», – напишет Черчилль в своей статье «Мужчины, повлиявшие на меня и впечатлившие меня», которая вышла в феврале 1931 года вначале в *The Strand Magazine*, а затем под заголовком «Философы и друзья» в *Collier's*. Общение с Кокраном научит Черчилля, что в политике, «как и в природе, края и границы всегда стерты, есть лишь немного линий, которые не смазаны»⁶⁶.

О таких людях, как Бурк Кокран, говорят, что они сделали себя сами. В семнадцатилетнем возрасте Бурк приехал в США. Зарабатывая частными уроками, он сумел получить юридическое образование и стал со временем успешным адвокатом. Он дважды избирался в Конгресс и запомнится современникам как один из ярчайших ораторов своего времени. После лорда Рандольфа Кокран станет вторым человеком, оказавшим огромное влияние на развитие нашего героя, и первым, кто увидит в нем сильную, одаренную личность⁶⁷. Также он станет первым, кто введет Черчилля в высший свет США. После представления высшему свету отпрыск британских аристократов будет ужинать в ресторанах знаменитого отеля *Waldorf Astoria* и кататься на буксире в порту, беседовать с Вандербильтами и членами Верховного суда, посещать ежегодное конное шоу и броненосный крейсер «Нью-Йорк». «Мы стали членами всех клубов, и каждый следующий знакомый соревнуется с предыдущим, чтобы сделать наше времяпрепровождение приятным», – писал Черчилль домой⁶⁸.

Уинстон оказался внимательным и любопытным путешественником. Помимо полудневных бесед в библиотеке с Бурком Кокраном под бокал выдержанного бренди и кубинскую сигару, а также посещения великосветских мероприятий, он с большим интересом наблюдал за различными подробностями американского образа жизни. Он признавал, что Нью-Йорк «полон противоречий и контрастов». Огромное впечатление на него произвели трамваи – «идеальная система, одинаково доступная богачам и беднякам; превосходно». Причем самым большим откровением для него стало то, что развитие трамвайной транспортной системы происходило не на средства, полученные после «конфискации собственности» или «деспотичного налогообложения», а в результате «простой деловой инициативы». Не менее удивлен он был и бумажными деньгами, в частности долларом, посчитав его «самой унижительной “монетой”, которую когда-либо видел мир»⁶⁹.

Наиболее негативное мнение у него сложилось относительно американской прессы, основным свойством которой он считал «вульгарность»⁷⁰. Годы спустя он выразит свое отношение к бумажным СМИ США в емком афоризме: «Америка – туалетная бумага: слишком тонкая, а газеты – слишком толстые»⁷¹.

Не понравилась выпускнику Сандхёрста и военная академия Вест-Поинт. Вернее, принятые в этом учебном заведении порядки – запрет на курение, а также на личные деньги. Своему брату он писал, что курсанты Вест-Поинта «имеют еще меньше свободы, чем ученик любой частной школы в нашей стране». Черчилль считал, что столь строгая дисциплина не даст ничего хорошего. «Я нахожу подобное положение вещей позорным. Молодые люди 24–25 лет, которым в такой степени ограничивают свободу, никогда не станут ни достойными гражданами, ни превосходными военными»⁷².

Своя точка зрения у него сформировалась и по отношению к американскому обществу, в котором «первоклассные люди живут в загородных домах, а менее яркие представители нации работают в правительстве», а также к обычным американцам и их стране: «Дорогой Джек, в Америке практичность ставится во главе угла, заменяя романтику и внешнюю привлекательность. Они больше напоминают огромного здоровяка, презиращего твои сокровенные чувства, возраст и традиции, но при этом с таким непосредственным добродушием

решают свои дела, что им могут позавидовать более старые нации»⁷³. Впоследствии Черчилль изменит свое мнение относительно «непосредственного добродушия».

Проведя в Нью-Йорке на три дня больше, чем планировалось, Черчилль и Барнс отбыли на поезде в Ки-Вест (штат Флорида), где пересели на пароход «Оливетта» и направились в сторону Гаваны. Ранним утром 20 ноября Уинстон увидел, как на фоне темно-синего горизонта прорисовываются берега Кубы. «Мне почудилось, что я плыву с капитаном Сильвером и впервые вижу Остров сокровищ, – описывал он свои ощущения. – Здесь вершились настоящие дела. Здесь творилась история. Здесь что угодно может происходить. Здесь, конечно, что-то произойдет»⁷⁴.

Обязательно! Там где находился Черчилль, всегда что-то происходило. А как еще могло быть с человеком, который жил, руководствуясь следующим девизом: «Я люблю, когда что-то случается, а когда ничего не случается, я провоцирую события»⁷⁵. Именно «провоцированием событий» он и занялся на Кубе.

Не найдя маршала Кампоса в Гаване, искатели приключений отправились в Санта-Клару. Главнокомандующий встретил гостей «любезно», передав их одному из штабных офицеров Хуану О’Доннеллу. Тот посоветовал Черчиллю и Барнсу присоединиться к передвижной войсковой колонне, одна из которых, под командованием генерал-майора³⁴ Альваро Суареса Вальдеса (1841–1917), как раз покинула Санта-Клару и направилась к городку Санкти-Спиритус. На вопрос, где сконцентрированы основные силы неприятеля, О’Доннелл ответил: «Везде и нигде». Поэтому, если новобранцы хотят соединиться с войсками Вальдеса, им придется выбрать безопасный, но в три с половиной раза более длинный маршрут: бронепоездом добраться до Сьенфуэгоса, затем морем до Туны де Зары, откуда снова на бронепоезде до Санкти-Спиритуса⁷⁶.

В поездке на Кубу проявилось много качеств, которые впоследствии станут отличительными чертами британского политика. Одно из них – составлять мнение о происходящем не на основе слухов и оценок других участников, а самому увидеть все собственными глазами⁷⁷. Поэтому Уинстон с радостью ухватился за предложение О’Доннелла, прибыв в Санкти-Спиритус 23 ноября. Это место, несмотря на свое название (с испанского Санкти-Спиритус переводится как Святой Дух), оказалось «скверным и нездоровым», частыми гостями в нем были оспа и лихорадка⁷⁸. Присоединившись к Вальдесу, Черчилль и Барнс направились в глубь страны, в деревню Арройо Бланко. Достигнув деревни, они остановились в ней на пару дней.

На календаре было 29 ноября, уже почти неделю Черчилль бродил по окрестностям в поисках повстанцев. И пока без результата. «Разумно ли срываться за тысячи миль с тощим карманом, чтобы вставать в четыре утра, надеясь в компании совершенно незнакомых людей попасть в переделку?» – спрашивал себя потомок Мальборо. И сам же отвечал: разумно⁷⁹. Боевой опыт стоил для него гораздо больше, чем даже самые неприятные бытовые неурядицы. В своих упорных поисках приключений Уинстон чем-то напоминал героя музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Зигфрид». Только если тот искал возможности испытать страх, Черчилль стремился оказаться в бою.

Судьба преподнесет Уинстону долгожданный подарок в день его рождения. Выдвинувшись 30 ноября в сторону деревни Ля Реформа, войска Вальдеса попали в засаду. В ходе перестрелки одна из пуль, пролетев на расстоянии вытянутой руки от нашего героя, поразила стоящего рядом гнедого жеребца. В царившей вокруг суматохе время для Черчилля стало замедляться. Он бросил взгляд на раненое животное. Пуля попала между ребер, багровая

³⁴ В 1896 году А.С. Вальдес произведен в звание генерал-лейтенанта.

кровь по глянцевой каштановой шкуре стекала на землю. «А ведь пуля прошла всего в каких-то тридцати сантиметрах от моей головы», – подумал Уинстон. С тех пор он стал серьезнее относиться к происходящему⁸⁰.

Примечательно, что Черчилль впервые оказался под огнем не просто в свой день рождения, а именно в день своего совершеннолетия. На этом приключения молодого аристократа на Кубе не закончились. На следующий день, пока разбивали лагерь, Черчилль и Барнс убедили пару офицеров искупаться в реке. Поплавав, они вылезли на берег и начали одеваться. В этот момент послышались выстрелы. Один из офицеров, наполовину одетый, побежал в лагерь за подмогой и привел с собой пятьдесят солдат. Увидев подкрепление, нападавшие ретировались. Ночью войска Вальдеса вновь подверглись нападению, в ходе которого были убиты и ранены несколько человек. Уинстон и в этот раз чудом избежал гибели. Одна из пуль застряла в соломенной шляпе, которой он укрывался во время сна⁸¹.

Читая воспоминания и отчеты Черчилля об этих нескольких днях, нельзя избавиться от ощущения, что он получал огромное удовольствие от того, что находился под огнем. Не зря одним из его первых и часто цитируемых афоризмов станет: «Нет ничего более волнующего, чем когда в тебя стреляют и не попадают»⁸². Не зря его будущие коллеги будут говорить, что «истинным наслаждением» для Черчилля является «нахождение в пятидесяти ярдах от окопов» противника⁸³. А журналисты будут писать, что он обладает «храбростью льва»⁸⁴.

Второго декабря Черчилль принял участие в качестве наблюдателя в битве при Ля Реформа. Держась рядом с генералом Вальдесом – «очень храбрым человеком», Уинстон «оказался в самой опасной части поля боя», где «достаточно наслушался свиста и жужжания пуль»⁸⁵. Одна из пуль сразила стоящего рядом с ним испанского солдата. Черчилль извлечет ее из тела убитого и заберет с собой на память⁸⁶. За проявленную смелость, отвагу и мужество испанское правительство наградило Уинстона и его сослуживца медалью *Cruz Rosa* – Красный крест⁸⁷.

Наблюдая за всеми этими эпизодами кубинской кампании, каждый из которых мог закончиться трагично, нельзя не согласиться с ним, что в эту неделю с конца ноября по начало декабря 1895 года его сопровождала «почти сверхъестественная удача»⁸⁸.

«Почти сверхъестественная удача» будет сопровождать его и дальше. Кубинская же кампания после сражения у Ля Реформы подойдет для Черчилля к концу. Через несколько дней они с Барнсом достигнут побережья, откуда направятся обратно в Гавану, а оттуда в США и домой.

Непродолжительная поездка в Новый Свет оказала большое влияние на дальнейшую жизнь Уинстона Черчилля. Во время посещения Кубы он не только увидел мир, понюхал пороха, обрел новых друзей и недоброжелателей, расширил кругозор, стал взрослее и опытнее, он также приобрел две привычки, которым останется верен до конца своей жизни.

Первая: послеобеденный отдых, сиеста. Активно интересуясь различными средствами повышения работоспособности, Черчилль пришел к выводу, что дневной сон – одно из лучших средств обретения бодрости. «В намерения природы не входило заставить человечество работать с восьми утра до полуночи без освежающего забвения, которое, если оно даже и продолжается всего каких-нибудь двадцать минут, позволяет восстановить жизненные силы», – объяснял он, советуя «не перенапрягать организм» и «в интересах дела или удовольствия, как духовного, так и физического, надвое делить дни и занятия»⁸⁹.

В 1946 году Черчилля посетил американский производитель звукозаписывающей аппаратуры мистер Гфроерер. Между ними состоялся следующий диалог.

– Какой у вас распорядок дня в Америке? – спросил Черчилль.

– В восемь утра я уже за рабочим столом, с небольшим перерывом на ланч в полдень, я работаю до половины шестого, и так пять раз в неделю, – ответил гость.

– Любезный, это самая лучшая рекомендация по сокращению жизни, которую я когда-либо слышал, – произнес политик. – Вы должны спать некоторое время между ланчем и ужином – и никаких полумер. Снимайте с себя одежду и идите в постель. Именно так я всегда и поступаю. Не думайте, что из-за дневного сна вы будете работать меньше. Это глупое представление людей, не имеющих воображения. Наоборот, вы сможете сделать больше. Вы вместите два дня в один, ну пусть не два, но как минимум полтора⁹⁰.

Большинству людей радости дневного сна, особенно в рабочие дни, к сожалению, недоступны. Тем же, кто имеет возможность прерваться на сиесту, также не всегда удается сделать это по той причине, что они просто не могут заставить себя заснуть днем. У Черчилля с засыпанием проблем не было. Природа наградила его крепкой нервной системой, не беспокоившей во время отхода ко сну. По его собственным словам, за все шесть лет Второй мировой войны у него были только две бессонные ночи. «Как вам это удастся»? – спросил его однажды близкий помощник. «Что ж, я выключаю свет, говорю всем: убирайтесь прочь – и засыпаю»⁹¹. На самом деле свою роль играли и снотворные, регулярно принимаемые британским политиком в пожилые годы⁹².

Вторая привычка, которая связана с Кубой, касается курения. Одной из целей поездки на Кубу, разумеется, не самой главной, было приобретение хороших сигар⁹³. «Куба всегда будет на моих губах», – скажет Черчилль во время второго посещения Антильской жемчужины, которое состоится спустя полвека после первого визита⁹⁴.

Как и большинство людей, равнодушных к курению, Уинстон приобрел эту пагубную привычку еще в детские годы, учась в Хэрроу. Родители Черчилля также были заядлыми курильщиками. Лорд Рандольф курил «до жжения языка»⁹⁵, выкуривая по сорок сигарет ежедневно⁹⁶. Дженни тоже любила сигареты, но к новому увлечению своего сына отнеслась крайне отрицательно. Она решила убедить Уинстона бросить курить, сославшись на его непрезентабельную внешность: «Если бы ты только знал, как смешно и глупо выглядишь с сигаретой во рту»⁹⁷. Черчилль с доводами согласится, пообещав бросить курить на полгода⁹⁸.

Через некоторое время он вновь будет замечен за курением сигарет. Предприняв еще несколько неудачных попыток отговорить своего отпрыска бросить вредное для здоровья занятие, родители в итоге смирятся. Во время учебы в Сандхёрсте мать подарит Уинстону красивый мундштук («Самый прелестный, который я когда-либо видел»⁹⁹, – скажет он), а отец будет снабжать его «лучшими сигаретами»¹⁰⁰. В июле 1895 года леди Рандольф подарит сыну новый «очаровательный» мундштук¹⁰¹. После поездки в Новый Свет Черчилль откажется от мундштуков и сигарет, став верным поклонником сигар. Впервые он попробует их в особняке Бурка Кокрана в Нью-Йорке¹⁰², затем в гаванском отеле *Gran Hotel Inghilterra*, расположенном всего в нескольких улицах от фабрики по производству его любимой марки *Romeo y Julieta*¹⁰³.

Черчиллю и впоследствии советовали отказаться от курения. Он хорошо запомнил слова своего отца: «Если хочешь иметь честный взгляд, крепкие руки и стальные нервы – не кури»¹⁰⁴, и еще лучше – рекомендацию фельдмаршала Робертса. В 1902 году Робертс встретил Черчилля на Сент-Джеймс-стрит, попыхивающего большой сигарой. «Не кури, – сказал пожилой вояка. – Я уверен, твой отец сильно навредил своему здоровью чрезмерным

курением. Бросай эту привычку сейчас и живи долго, в полном здравии и ведя активный образ жизни»¹⁰⁵.

Не соглашаясь с мнением медиков и советами умудренных опытом людей, Черчилль искренне полагал, что курение сигар идет ему на пользу. Он считал, что никотин успокаивает нервы, делая «нрав более приятным, а манеру общения более веселой»¹⁰⁶. Поэтому, когда фельдмаршал Монтгомери хвастливо заявит: «Я не пью и не курю, поэтому чувствую себя на все 100 %», Черчилль остроумно парирует: «А я пью и курю одну сигару за другой, поэтому чувствую себя на все 200 %»¹⁰⁷.

Черчиллю всегда претили узкие рамки этикета, и курение сигар в этом отношении не станет исключением. Он придерживался своего способа курения. Он никогда не пользовался каттером, с помощью которого обрезают запечатанный конец сигары специальным образом. Вместо этого он либо делал на нижнем конце сигары V-образный надрез, либо, размачивая его, расковыривал канадской спичкой, после чего надевал «корсет» – кольцо коричневой гуммированной промокательной бумаги. Для раскуривания сигар Черчилль предпочитал использовать свечи либо длинные спички¹¹¹.

Приобретал сигары он у нескольких поставщиков. В августе 1900 года Черчилль сделал свой первый заказ в табачном бутике Роберта Льюиса, дом номер 81 по Сент-Джеймс-стрит. Он купит пятьдесят небольших гаванских сигар *Bock Giralaldas*, а также сто длинных балканских сигарет *Alexandra* для матери¹¹². Этому магазину он останется верен до конца жизни, но будет также обращаться и к другим поставщикам. В частности, он станет постоянным клиентом табачного бутика Альфреда Данхилла, расположенного на Дьюк-стрит напротив турецких бань, где любил отдыхать король Эдуард VII; в эти бани нередко наведывался и наш герой. Помимо Льюиса и Данхилла, Черчилль пользовался услугами Дюранта, Харта и особенно Грюнебаума, заказывая у них по одной-две сотни сигар различных марок ежемесячно, а также сотни турецких сигарет¹¹³.

После экономического кризиса 1929 года политик пошел на чрезвычайные меры и вместо любимых кубинских брендов стал пользоваться более дешевыми сигарами американского производства, значительно снизив покупки от британских поставщиков. Со временем он вернется к элитным маркам, добавив в список поставщиков компанию *Pinar Del Rio Cigar Co.*, расположенную на Принцесс-стрит, а также компанию *Galata Cigarette Co.*, Карлтон-стрит¹¹⁴. Со своими поставщиками Черчилль выстраивал отношения таким образом, чтобы каждый из них думал, будто он единственный продавец, снабжающий политика. Это позволяло ему добиваться значительных преференций в обслуживании, цене, а также в качестве приобретаемой продукции.

Имя «Черчилль» станет брендом в мире сигар. В его честь будут названы десятки различных сортов, а один из производителей – Меркатор Вандер Эльст – запустит даже целую серию сигар из двадцати четырех сортов, выбрав лейблом каждого сорта портрет британского политика в одном из головных уборов: от шляп до фуражек, включая пробковый шлем и треуголки, и даже просто с непокрытой головой¹¹⁵.

Со временем не только имя Черчилля станет брендом, но и сами сигары станут наиболее узнаваемым атрибутом его внешнего облика. И это при том, что, как свидетельствует близкое окружение, он не был таким уж заядлым курильщиком, как принято считать. Сведения о том, что Черчилль якобы выкуривал по 12–15 «гаван» в день, преувеличены. Его действительно редко можно было увидеть без сигары. Но по большей части он либо держал ее между пальцев, либо во рту, посасывая и покусывая¹¹⁶.

Хотя Черчилль и советовал никогда не зажигать потухшую сигару¹¹⁷, сам он, в среднем, зажигал потухшую сигару семь раз, после чего брал другую. Эдмунд Мюррей (1917–

1996), один из личных телохранителей политика, вспоминал, что, помимо защиты Черчилля, в его обязанности входило собирать недокуренные сигары шефа и передавать их садовнику Чартвелла мистеру Кернсу, который докуривал их в своей трубке¹¹⁸.

К слову заметим, что прислуга не только докуривала за Черчиллем сигары. После войны в его поместье трудился рабочий Денис Хорсфилд. Он допивал за Черчиллем бокалы виски, который тот оставлял в саду, куда приходил наблюдать за ходом строительных работ. Однажды хозяин поместья за какой-то надобностью вернулся в сад и уже собирался хлебнуть виски, но, не обнаружив под рукой привычного бокала, обратился к рабочему. «Не знаешь, где наш бокал?» – сделал он ударение на предпоследнем слове¹¹⁹.

Несмотря на просьбы близких умерить курение¹²⁰, Уинстон искренне считал, что увлечение сигарами гораздо безопаснее увлечения сигаретами или курения трубки, к чему относился негативно¹²¹. Именно поэтому он настаивал на том, чтобы его сын Рандольф, предпочитавший сигареты и выкуривавший в день порой до восьмидесяти, а иногда и до ста штук, прекратил вредить здоровью и бросил курить. Либо курил сигары. Советуя ему, как их выбирать, он рекомендовал придерживаться золотого правила: «Из двух сигар выбирай самую длинную и самую крепкую»¹²².

Более того, в определенных обстоятельствах Черчилль и сам готов был сократить курение сигар или даже полностью отказаться от них.

Например, при удалении грыжи в 1947 году, опасаясь возникновения пневмонии после общего наркоза, он не стал рисковать и прекратил курить за две недели до операции¹²³. «Если все граждане бросят курить, насколько это поможет стране?» – поинтересовался Черчилль во время своего второго премьерства, которое проходило в условиях тяжелой экономической ситуации. И сам же категорично заявил: «Я без малейшего колебания откажусь от своих сигар»¹²⁴.

Широко известно, что специально для британского премьера была разработана уникальная капсула, позволяющая ему курить в самолете. Однако куда менее афишируется, что Черчилль никогда не пользовался этим агрегатом¹²⁵. А когда во время инспекции войск в Северной Африке он спросит дежурного офицера, можно ли курить во время перелета из Каира в Эль-Аламейн, и тот, стушевавшись, бросится осматривать имеющиеся на самолете газовые баллоны, политик успокоит: «Я люблю сигары, но не настолько, чтобы подвергать себя риску сгореть заживо»¹²⁶.

Сделав тематическое отступление, вернемся к кубинской кампании. Тем более что сие ста и увлечение сигарами были не единственными трофеями, которые Черчилль увез с берегов Антильской жемчужины. В одной из своих работ внучка британского политика Целия Сэндис (род. 1943) заметила, что Черчилль всегда «получал по максимуму от тех карт, которые были у него на руках»¹²⁷. Поездка на Кубу лишней раз доказала это. Уинстон жаждал славы, он хотел отличиться, стремился, чтобы о нем заговорили. «Лучше создавать новости, чем принимать их, лучше быть актером, чем критиком», – сформулирует он свое кредо¹²⁸.

Конечно, участие в пусть и небольшой, пусть и отдаленной, но реальной военной кампании продвигало его к намеченной цели. Но Черчилль использовал имеющиеся возможности по полной. И одного участия ему было мало. Он хотел большего. Но как это получить? И здесь на помощь молодому искателю приключений пришло его увлечение прессой. С младых лет и до глубокой старости Черчилль любил читать газеты. «Как я ненавижу, когда рядом нет газет», – восклицал он¹²⁹. Впоследствии он будет использовать при чтении передовиц две ручки – одну с красными, другую с синими чернилами. Разным цветом он будет выде-

лять то, что представляет интерес исключительно для него, а также пометать информацию для обсуждения с кем-то¹³⁰.

Черчилль не только пристрастился в молодые годы к таблоидам. Он рано понял, что СМИ способны на большее, чем доставлять удовольствие. Они способны снабжать фактами и давать пищу для размышлений. Они способны управлять общественным мнением, а также являются прекрасным средством обретения популярности. «Я считаю, что пресса представляет лестницу, доступную каждому, – делился Черчилль своими рассуждениями на этот счет. – Размести на ней хороший материал, и со временем люди скажут: „Мы должны обладать им“»¹³¹.

Черчилль рано убедился в том, что, если он хочет стать знаменитым, ему необходимо попасть на страницы газет. На самом деле это было не так уж и трудно сделать. Участие офицера британской армии в решении испанских колониальных вопросов быстро привлекло внимание репортеров. Черчилль получил известность, а его имя запестрело на страницах изданий. Но популярность – меч обоюдоострый. Он способен не только защитить, но и больно ранить. Не все отзывы были положительны. Не все оценки были справедливы. Не все факты были достоверны. Распространились слухи, что быстрое возвращение Уинстона в США стало результатом ссоры с Суаресом Вальдесом. Будто бы Черчилль симпатизировал кубинцам и хотел влиться в их войска, чего категорически не мог допустить испанский генерал¹³².

Но и без этих смешных вымыслов пресса не стеснялась в остроумии. «Все предполагали, что мистер Черчилль отправился на отдых в Западную Индию, – писали журналисты *Newcastle Leader*. – Провести же свой отпуск, участвуя в битвах чужой войны, немного экстраординарное поведение даже для него»¹³³. Другие пошли еще дальше. Они указывали на то, что кубинская поездка Черчилля может трактоваться, как официальная поддержка Испании британским правительством. В *Eastern Morning Post* даже предсказывали, что за свой проступок Уинстон будет отвечать лично перед главнокомандующим лордом Уолсли. Разумеется, перед главнокомандующим он отвечать не станет. Да и сам лорд Уолсли, в отличие от журналистов, не собирался отчитывать молодого гусара, в организации поездки которого принял не последнее участие. Хотя Черчиллю пришлось сказать несколько слов в свое оправдание, подчеркнув роль стороннего наблюдателя. А наличие у себя оружия объяснить необходимостью самообороны¹³⁴.

Оказавшись в непростой ситуации, Черчилль показал себя талантливым имиджмейкером, умеющим формировать правильное впечатление о себе и своих поступках¹³⁵. Но в то же время первый опыт общения с прессой стал для нашего героя хорошим уроком, убедив его в том, что одного внимания журналистов недостаточно. Поэтому он обратится к своему самому сильному оружию – таланту изложения мыслей в письменной форме. Хорошо создавать новости, но еще лучше быть тем, кто их опишет и преподнесет публике. Стать не только актером, но и критиком – вот модель, к которой Черчилль пришел в 1895 году и которую совершенствовал на протяжении следующих шести десятилетий. А первым полевым испытанием этой модели стала как раз поездка на Кубу.

Отправляясь в Новый Свет, Черчилль заключил договор с *Daily Graphic*, с которой в конце жизни сотрудничал его отец (правда, на гораздо более выгодных в финансовом отношении условиях)¹³⁶. Отныне Уинстону предоставлялась площадка для высказывания своих идей и описания своего путешествия. Пусть даже и анонимно – статьи выходили под подписью «Наш собственный корреспондент».

Хотя Черчилль писал и раньше для школьной газеты, «письма с фронта» для *Daily Graphic* стали его первым серьезным опытом журналистской деятельности. Ему предстояло переступить через барьер, знакомый каждому начинающему автору. Свыкнуться с мыслью,

что написанный тобой текст прочтут сотни, а может, и тысячи незнакомых тебе людей; читателей, которых ты никогда не видел и по большей части не увидишь; мужчин и женщин, которые будут формировать свое мнение о тебе и событиях, которые ты описываешь, по твоему тексту. С чего начать? Как заинтересовать читателя? Черчилль решил быть естественным, начав с того, что его беспокоило в этот момент, то есть со своих рассуждений о важности и трудности начала. «Большинство людей наверняка заметили, что первоначальные проблемы любого дела в большинстве случаев самые непреодолимые, – написал он в первых строках своей первой статьи. – Первые слова в предложении руки и сердца или в газетной статье требуют больше размышлений и больше усилий, чем все последующие предложения. И если это актуально для любого, кто стал достаточно опытен в своем деле, насколько больше это применимо к началу новичков». Признав и в какой-то мере преодолев названные трудности, дальше наш автор с облегчением перейдет к основной теме своего отчета¹³⁷.

Примечательно, что первая статья Черчилля в *Daily Graphic* была посвящена военной тематике. Военная тема окружала его с детства, начиная от первых воспоминаний, связанных с открытием памятника фельдмаршалу Гофу, гобеленами Бленхеймского дворца, и заканчивая огромной армией игрушечных солдатиков, строительством «Берлоги», учебой в армейском классе в Хэрроу и колледже Сандхёрст. Именно с военной тематикой будет связана и большая часть литературного творчества нашего автора.

Всего для *Daily Graphic* молодой субалтерн напишет пять статей. В них явственно прослеживается будущий стиль Черчилля: яркий, бойкий, образный, не чуждый иронии. Взяв, например, следующий фрагмент: «Мне объяснили, что при ответе караульному или на аванпосте нужно быть очень проницательным. Если в ходе дедуктивного рассуждения, которому может позавидовать даже Шерлок Холмс, ты придешь к заключению, что аванпост испанский, ответить необходимо: „Испания“, если наоборот – повстанцы, ответ должен быть: „Свободная Куба“. Но если ошибешься, тебе суждено будет оказаться в весьма неловкой ситуации»¹³⁸.

В своих статьях Черчилль не только знакомил читателей с обстановкой на Кубе, он также выражал свое отношение к разворачивающемуся конфликту. Признаваясь, что он больше симпатизировал восстанию, чем восставшим¹³⁹, Уинстон высказывал невысокое мнение о боеспособности мятежников. Они хорошо бегают и плохо стреляют, скажет он американским журналистам¹⁴⁰. В марте 1896 года Уинстон напишет в *Saturday Review*, что повстанцы не отличаются смелостью и не умеют обращаться с оружием. «Они неспособны выиграть ни единой битвы, так же как и неспособны удержать ни одного города»¹⁴¹.

Кубинская кампания стала одной из первых тем, с которой Черчилль выступил в роли публичной фигуры, пишущей статьи и дающей интервью. И здесь ему также предстояло усвоить урок. Его оценки были слишком быстры и слишком предвзяты. Со временем взгляд Черчилля на кубинский конфликт изменится. В 1897 году он признается матери, что был «немного неискренен» в своих предыдущих высказываниях, а также «возможно, несправедлив» по отношению к кубинцам. Черчилль попытается восстановить справедливость, процитировав слова Полония из «Гамлета»¹⁴²:

Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим³⁵.

³⁵ Шекспир У. Гамлет. Акт 1, сцена 3. Перевод М. Лозинского.

Прочесывая территорию с генералом Вальдесом, Уинстон не мог не заметить, что характер военных действий разительно отличается от того, чему его учили в Сандхёрсте. Несмотря на свое превосходство в вооружении и людях, испанцы не могли одержать победу. Они столкнулись с тем же, что сами с успехом продемонстрировали против наполеоновских войск в 1807–1814 годах, – с партизанской войной. Для поддержания только видимости порядка им приходилось держать на Кубе полмиллиона солдат. Черчилль сравнит такое обременение для экономики Испании с «гирей на вытянутой руке»¹⁴³. Держать ее можно, но весьма непродолжительное время.

Уинстон будет придерживаться мнения, что победа останется за кубинцами, однако это не принесет им счастья: «Хотя испанская администрация плоха, кубинское правительство будет еще хуже: такое же коррумпированное, более капризное и менее стабильное». Черчилль предсказывал, что при таком режиме «революции будут периодическими, частная собственность окажется беззащитной, а о справедливости придется забыть»¹⁴⁴.

Для себя же будущий политик делает вывод: когда события развиваются стремительно, а незнание многих фактов или нюансов не позволяет составить объективную картину, нужно быть более внимательным в декламации своей точки зрения. Именно по этой причине он никогда не будет вести дневники, считая, что не следует выносить на суд истории поспешные суждения или «ночные размышления»¹⁴⁵. Именно по этой причине он выступит категорически против поездки собственного сына Рандольфа в Испанию в 1936 году для освещения начавшейся на Пиренейском полуострове Гражданской войны¹⁴⁶.

В отношении самих статей для *Daily Graphic*, они были встречены благожелательно. Главный редактор газеты Томас Хит Джойс (1850–1925) отметил, что материалы Черчилля «чрезвычайно интересные», они «как раз то, что нам нужно»¹⁴⁷. Хорошую оценку статьям Черчилля дал влиятельный министр по делам колоний Джозеф Чемберлен, назвав их «лучшими краткими отчетами» кубинской кампании. Также он отметил, что пришел к аналогичным, что и у молодого человека, выводам после изучения данных из США и Испании. «Очевидно, что мистер Уинстон держит свои глаза открытыми», – порадует Чемберлен леди Рандольф¹⁴⁸.

Популярность была не единственным приятным моментом первых публикаций. За пять статей Черчилль получил двадцать пять гиней. Учитывая будущие гонорары политика, можно утверждать, что сумма была незначительной³⁶, однако она давала пусть и небольшую, но финансовую независимость. И что самое главное, указывала молодому и вечно нуждающемуся в деньгах офицеру путь вначале к дополнительному, а затем и к основному заработку.

Большую часть гонорара Черчилль потратил на покупку нескольких книг на аукционе Сотбис, включая редкое издание нравоучительных басен английского поэта и драматурга Джона Гейя (1685–1732)¹⁴⁹. Большим коллекционером Черчилль не станет, зато большим библиофилом – в полной мере. На следующий год он пополнит свою библиотеку «Историей» Геродота, переведенной Джорджем Роулинсоном (1812–1902) совместно с братом, сэром Генри Роулинсоном (1810–1895), и сэром Джоном Гардинером Уилкинсоном (1797–1875); биографией выдающегося государственного деятеля Роберта Уолпола (1676–1745), написанной в 1889 году Джоном Морли (1838–1923); автобиографией кардинала Джона Ньюмана *Apologia Pro Vita Sua*¹⁵⁰.

После возвращения с Кубы в начале 1896 года в жизни Черчилля начался самый необычный период, о котором он впоследствии скажет, что «такого упоительного веселья»

³⁶ Примерно две с половиной тысячи фунтов в современном эквиваленте.

ему «еще не выпадало»¹⁵¹. Единственными его обязанностями полкового офицера было ежедневное посвящение двух с половиной часов верховой езде: час провести в стойле с лошадьми и полтора часа потратить на строевую подготовку. Остальное время, предоставлялось в его полное распоряжение¹⁵².

Вместе с другими однополчанами Черчилль ожидал отправки 4-го гусарского полка в Индию, которая была намечена на осень 1896 года. В запасе у гусаров было больше полугода свободного времени, которым они могли распоряжаться по своему усмотрению. Большинство посвящали себя светской жизни. Для Черчилля последняя была в новинку. Хотя он и происходил из видного аристократического рода, на протяжении всех чуть больше двадцати лет его жизни у него было мало возможностей для глубокого погружения в блеск и сияние высшего света. Теперь такая возможность появилась.

В свое время Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754–1838) сказал, что «тот, кто не жил до 1789 года, не знает всей сладости жизни»¹⁵³. Аналогичную мысль мог бы повторить и Черчилль, правда для другой страны и другой эпохи. «В те дни английское общество еще жило по старинке, – напишет он, когда за окном уже властвовало иное время с иными правилами. – Это было яркое и могущественное племя. В значительной степени все знали друг друга – и друг про друга тоже. Около ста великих фамилий, правящих Англией на протяжении многих веков, были связаны тесным родством через браки. Всюду встретишь либо друга, либо родственника»¹⁵⁴.

Родственников у Черчилля было немного, а друзей еще меньше, но у него была знаменитая фамилия. Его с удовольствием встречали в зеркальных залах и чопорных салонах. Не обходилось, конечно, без курьезов, которые Черчилль сам себе создавал. Однажды его пригласили на воскресный обед, устраиваемый в честь будущего наследника престола принца Уэльского. Гостей было немного, и попасть на такое мероприятие само по себе было уже большой честью. Уинстон это прекрасно понимал, но не изменил своим привычкам. Выбрав не тот поезд, он опоздал почти на двадцать минут. Возможно, подобная наглость сошла бы ему с рук, если бы в ожидавшей его компании не оказалось тринадцать человек. В королевской семье считается плохой приметой садиться за стол чертовой дюжиной³⁷, а накрывать два стола принц Уэльский запретил. Ничего не оставалось, как дожидаться опаздывающего «молокососа». «Разве в полку вас не учили пунктуальности, Уинстон?» – сурово отчитал Уинстона будущий король, одновременно бросив уничижающий взгляд на бедного полковника Брабазона, также оказавшегося среди приглашенных. Черчилль промолчит, признавшись впоследствии, что «считает непунктуальность – отвратительной чертой», а также, что всю жизнь он эту черту старался преодолеть, правда, безуспешно¹⁵⁶.

В большинстве же случаев Черчилль с успехом овладевал премудростями светского общения. Он встречался с крупнейшими политиками и будущими главами правительства – Артуром Джеймсом Бальфуrom и Гербертом Генри Асквитом (1852–1928). Он общался с крупнейшими бизнесменами и финансистами, включая Натана Ротшильда, которого нашел «очень интересным и владеющим информацией». Его не слишком волновали представительницы противоположного пола, «страшные и глупые», в отличие от бесед с властями предрежающими. «Я очень высоко оцениваю встречи с этими умными людьми, – скажет он леди Рандольф. – Диалоги с ними значат для меня очень много»¹⁵⁷.

Уже в те годы Черчилль понял, что секрет успеха заключается в личных связях, которые должны служить «не диваном, а трамплином», способствовать не наслаждению и не почиванию на лаврах, а являться ободряющим импульсом, придающим энергию для новых

³⁷ Впоследствии сам Черчилль выходил из подобных ситуаций тем, что сажал за стол в качестве четырнадцатого участника трапезы черную кошку¹⁵⁵.

свершений, достижения новых целей, выхода на новые рубежи. Впоследствии крепкие и многочисленные связи станут одной из отличительных черт британского политика, а также немаловажной особенностью его модели управления¹⁵⁸.

А пока перед Черчиллем маячила перспектива отправки в Индию, к которой он относился без особого энтузиазма. Накануне своего отъезда он пожалуется матери, что будущее представляется ему «крайне непривлекательным», а свое путешествие на другой континент он считает «бесполезной и невыгодной ссылкой»¹⁵⁹.

На самом деле причина столь мрачных мыслей заключалась даже не в том, что впереди субалтерна ждал девятилетний период службы в нескольких тысячах километров от насыщенного событиями Лондона. Дело было в том, что Черчилль стал все явственнее осознавать: армия, которую он любил и всегда будет любить, была не его призванием. Ему хватило всего нескольких месяцев службы в полку, чтобы понять этот печальный факт. Еще в августе 1895 года он скажет леди Рандольф: «Чем больше я наблюдаю за службой в армии, тем больше она мне нравится, вместе с тем все больше я убеждаюсь, что это не моя *métier*³⁸»¹⁶⁰.

Свое призвание Черчилль видел в другой сфере деятельности – в политике. Но политика требовала финансовых вложений, причем немалых. Депутаты палаты общин занимались законотворческой деятельностью безвозмездно до 1911 года. Любому желающему засесть в Вестминстере нужно было не только обеспечить себя, но и покрыть расходы на проведение избирательной кампании. На это были способны далеко не многие джентльмены, и Черчилля, с его долгами и небольшим офицерским жалованьем, в их списке не значилось. Для реализации своих возможностей и воплощения мечтаний ему придется проложить свою тропу к вершине.

Оставалось теперь только выяснить, что это была за тропа и как по ней пройти? На первый вопрос Черчилль нашел ответ относительно быстро. По его мнению, он лежал на поверхности и был связан с тем, чтобы быть замеченным. Со вторым вопросом нашему герою тоже было все предельно ясно. Как еще мог отличиться гусар, если не во время боя? Руководствуясь этими соображениями, он и отправился на Кубу, где получил первую награду (правда, не британскую и без права ношения на британском мундире) и приобрел первую популярность. Развивая успешный опыт, Черчилль планировал попасть на новые театры военных действий. Он вступил в переговоры с *Daily Chronicle*, чтобы отправиться специальным корреспондентом на остров Крит, где была замечена повышенная активность. Неудачно. Тогда он попытался присоединиться к военной экспедиции генерал-майора сэра Фредерика Каррингтона (1847–1913) в Матабелеленде (Зимбабве). Снова неудачно¹⁶¹.

Черчилль не отчаивался, неудачи его не смущали. Начальный период карьеры Дизраэли учит, что провалы неспособны остановить человека, действительно решившего добиться успеха и прилагающего для этого все свои силы, заявит он своей бабке, вдовствующей герцогине Мальборо¹⁶².

В 1896 году начнется новая военная кампания, которая сулила гораздо больше перспектив, чем участие в локальных колониальных конфликтах. Двенадцатого марта главнокомандующему египетскими войсками генералу Герберту Горацио Китченеру (1850–1916) был отдан приказ о вторжении в Судан.

Как и любое решение правительства, этот приказ имел предысторию. После открытия в 1869 году Суэцкого канала, обеспечившего более быстрый путь в Индию, Египет приобрел для Британии огромное стратегическое значение. Формально, земля фараонов имела собственное правительство во главе с хедивом, который, в свою очередь, находился в вассальной зависимости от султана Османской империи. Подобное положение дел не устраивало

³⁸ Профессия, специальность, занятие (*фр.*).

Лондон, и тот начал активно вмешиваться в дела Египта. Воспользовавшись в 1882 году восстанием Ахмеда Араби-паши (1841–1911), Британия превратила Египет в протекторат Британской империи. Непокоренной осталась только провинция Египта Судан, где в 1881 году вспыхнуло освободительное восстание под предводительством Махди – основателя Махдистского государства Мухаммеда Ахмеда ибн ас-Сайида абд-Аллаха (1844–1885). В 1884 году Лондон направил в Судан военный контингент, но неудачно. Спустя двенадцать лет Британия решит повторить попытку в наведении порядка.

«Британский офицер, несший службу в Индии, всегда смотрел на Нил и окружающие его земли жадными глазами, воспринимая эту местность как счастливый охотничий заказник для получения наград и знаков отличия», – указывал Черчилль¹⁶³. Поэтому, едва войска встали на марш, он тут же стал обивать пороги кабинетов влиятельных лиц. Но его просьбы не встретили понимания. Напротив, бешеная активность вызвала нарекания и упреки. В конце концов военный министр маркиз Генри Чарльз Ландсдаун (1845–1927) был вынужден обратиться к леди Рандольф. Упомянув про «недоброжелателей» и возможные «попытки ложного истолкования» поступков ее сына, он заметил, что «будет правильным, если Уинстон сейчас покинет Англию»¹⁶⁴.

Черчилль многое бы отдал за возможность участия в Суданской кампании, но на тот момент это действительно было невозможно. Хотя он и отказывался это признать. В его богатом словарном запасе слово «невозможно» занимало настолько низкое место, что о нем он практически не вспоминал. Не имея еще достаточного влияния в обществе, Черчилль обратился за помощью к своей матери. «Ты даже не можешь себе представить, насколько невыносимой представляется мне жизнь, когда происходит столько событий». Он попросит ее оказать ему повсеместную помощь: ни одна возможность не должна быть упущена, ни один шанс не должен остаться неиспользованным¹⁶⁵.

Подобная просьба очень характерна, поскольку знаменует изменение характера отношений между леди Рандольф и ее Уинстоном. По признанию самого Черчилля, отныне они больше напоминали сестру и брата, чем мать и сына. Дженни превратилась в его «рьяную союзницу, направлявшую свою безграничную энергию и огромное влияние» на поддержку его планов и отстаивание его интересов¹⁶⁶. Она верила в его будущее, верила, что он добьется успеха, верила в его звезду¹⁶⁷, гордилась его «великими и внушающими любовь» качествами¹⁶⁸. Ради своего сына «она нажимала на все рычаги, тянула за все нити, не оставляла на месте ни одного камня»¹⁶⁹.

Она стала его наперсницей, единственным человеком, которого он любил и которому доверял, единственным созданием, которому он мог изливать свою душу и с которым делился своими сокровенными мыслями, желаниями и планами. Он нуждался в ее письмах, как в глотке свежего воздуха, призывая не жалеть на них времени, сил, чернил и бумаги, убеждая ее, что каждое ее «слово будет оценено высоко»¹⁷⁰. «Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что твои письма значат для меня», – писал он ей из Индии¹⁷¹.

Влияние леди Рандольф в этот период трудно переоценить. Она активно способствовала становлению личности старшего сына; развивала его ум беседами и перепиской; указывала ему направление для дальнейшего самосовершенствования; заводила знакомства, которые должны были способствовать его будущему. Она воспринимала его как равного. Как с равным она разбирала с ним последние политические новости; как с равным она выслушивала его точку зрения, вступая при необходимости в спор; как с равным она оценивала его амбициозные стремления.

Она с нетерпением будет ожидать того времени, когда Уинстон решит уйти из армии ради политики, заявив сыну, что ее «политическое честолюбие будет всецело сосредото-

чено» на нем¹⁷². Она мечтала стать супругой премьер-министра, не зная, что ей суждено стать матерью премьера. Также ей не дано было знать, что путь на Даунинг-стрит окажется долгим и извилистым, включающим не только головокружительные подъемы, но и отрезвляющие падения. На этом пути будет много этапов, один из которых начался в сентябре 1896 года.

Одиннадцатого числа на борту «Британии», вмещавшей тысячу двести человек, лейтенант³⁹ Черчилль вместе со своими однополчанами покинул Саутгемптон, чтобы направиться в Индию. «Корабль – комфортабельный, еда – хорошая, погода – превосходная», – напишет он спустя неделю путешествия, проплывая между Мальтой и Александрией¹⁷³.

Через несколько дней «Британия» войдет в Порт-Саид – «грязное, запущенное и неинтересное место». Купив у местных торговцев восемьсот сигарет, Черчилль отправит их своей матери в Лондон¹⁷⁴. Также он приобретет несколько фотографий Суэцкого канала, которые пошлет брату Джеку, чтобы он их обрамил¹⁷⁵.

Заниматься на борту «Британии» было нечем, поэтому основное внимание Черчилля было приковано к бытовым мелочам. При подходе к Индии пассажирам раздали перечень предметов, подлежащих декларированию и облагаемых ввозной пошлиной. Перечень оказался достаточно подробный и длинный. Платить пришлось за многое, даже за лошадиные седла. Черчилль был возмущен: «Я считаю, что облагать налогом государственных служащих, направленных в Индию по распоряжению правительства, бесчестно и постыдно. Какое конституционное право имеет индийское правительство облагать налогом европейцев, которые не принимали участие в голосовании по принятию этих налогов? Это противоречит фундаментальному принципу любого правительства: „Нет представительства, нет налогов“»¹⁷⁶.

В остальном, молодой офицер коротал время за игрой в шахматы, которые счел «более дешевым и более занимательным» увлечением, чем карты¹⁷⁷. Он даже вышел в полуфинал турнира, организованного на корабле.

Впервые Уинстон обратился к «игре королей» во время учебы в Брайтоне. Он попросил прислать ему шахматную доску, только не в стандартную черно-белую клетку, а с красно-белыми полями¹⁷⁸. Вполне возможно, что в тот момент он больше руководствовался желанием отличиться (отсюда и требование к необычной расцветке полей), чем стремлением погрузиться в эту чудесную развивающую игру, которой наслаждались многие великие люди.

Сохранились свидетельства, что впоследствии Черчилль не раз возвращался к шахматам. Он увлекался ими в Хэрроу¹⁷⁹, играл в них в плену в Южной Африке¹⁸⁰, играл со своим двоюродным братом, 9-м герцогом Мальборо¹⁸¹, с собственным сыном¹⁸², а также с победительницей чемпионата Британской империи по шахматам среди женщин 1933 года мисс Фатимой (1914–?)¹⁸³. У Черчилля любовь к шахматам была наследственной. Лорд Рандольф активно увлекался этой игрой в молодости. Он основал в Оксфорде Шахматный клуб, брал уроки у вице-президента Британской шахматной ассоциации Иоганна Германа Цукерторта (1842–1888) и даже играл с Вильгельмом Стейницем (1836–1900), первым чемпионом мира по этому виду спорта. Хотя Стейниц играл одновременно на шести досках и вслепую, он победил Черчилля-старшего на тридцать третьем ходу¹⁸⁴. В 1877 году они снова встретятся за шахматной доской в Дублине, однако результат встречи не сохранился¹⁸⁵.

После двадцати трех дней плавания «Британия» бросила якорь в Бомбее, подняв, согласно Черчиллю, «завесу над тем, что вполне могло сойти за другую планету»¹⁸⁶. Ему не

³⁹ Черчилль был повышен в звании 20 мая 1896 года.

терпелось поскорее соприкоснуться с новым миром. Настолько, что во время высадки, торопясь, он вывихнул себе плечо¹⁸⁷. Эта травма станет хронической и будет периодически напоминать о себе в течение жизни, требуя лечения¹⁸⁸. Помимо бытовых неудобств из-за травмы Черчиллю пришлось ограничить свою активность в поло, а также полностью отказаться от тенниса. Однако эта же досадная травма увеличит шансы будущего политика на спасение, когда во время битвы при Омдурмане он будет вынужден отказаться от привычного палаша, предпочтя ему более эффективный десятизарядный маузер модели С96. У Черчилля на этот счет была даже своя теория: «Когда одолевают напасти, не следует забывать, что они, быть может, уберегают от чего-то похуже, и какая-нибудь чудовищная ошибка порой приносит больше благ, чем самое разумное, по мнению многих, решение. Жизнь – штука целостная, и удача тоже на части не делится»¹⁸⁹.

Что касается удачи, то, по словам сына Черчилля, Уинстону не везло по мелочам¹⁹⁰. В декабре 1896 года он повредит колено. В феврале следующего года получит сильный ожог лица – результат длительного нахождения под солнцем. Еще через месяц сильно ушибет руку, упав с пони. Потом попадет под неожиданный обстрел. Пуля, ударившись о стальную мишень, разорвется и рикошетом отлетит в его сторону, задев одним из осколков руку¹⁹¹. В 1899 году, перед ответственным турниром по поло, Черчилль свалится с лестницы в доме сэра Пертаба Сингха (1845–1922), регента в Джодпуре, вывихнет плечо и растянет связки голеностопных суставов на обеих ногах.

Опасности мирной жизни будут преследовать политика и дальше. То он неудачно упадет с лошади в Англии, то попадет под автомобиль в Америке. В годы Второй мировой войны Черчилль чудом избежит гибели от рук собственного телохранителя Вальтера Генри Томпсона (1890–1978). Во время одного из путешествий на поезде Вальтер решит почистить оружие, которое случайно выстрелит. Пуля насквозь пробьет стену и попадет в купе премьер-министра. Того не окажется на месте.

К моменту прохождения Черчиллем службы в Индии спокойствие в этой колонии обеспечивалось двумя британскими гарнизонами, расположенными в Бангалоре и Секундерабаде. Четвертый гусарский полк был приписан к гарнизону Бангалор, куда и направился после непродолжительных остановок в лагерях отдыха Пуна и Гандекал. Во время переезда в Бангалор Черчилль наслаждался местными видами, набираясь впечатлений. «Насколько удивительно, что мы так быстро адаптируемся к смене внешней среды и обычаев, – делился он своими размышлениями с леди Рандольф. – Я третий день в Индии, а смотрю на местных жителей так, будто видел их всю жизнь»¹⁹².

По мере продвижения в глубь страны, Черчилль стал все больше внимания обращать на низкий уровень жизни индийцев. Дешевый труд и низкие цены позволяли европейцам легко достичь роскоши¹⁹³. Не успели офицеры расквартироваться, как уже на следующий день к каждому из них явились соискатели на место денщика, конюха и дворецкого. Все что требовалось – отдать форму денщику, лошадей поручить груму, а деньги доверить дворецкому. «За скромное жалованье, справедливое отношение и пару добрых слов они были готовы на все», – вспоминал Черчилль¹⁹⁴.

О том, что представляет собой человек, можно понять не только исходя из его великих деяний и масштабных поступков. Иногда гораздо больше о нем могут сказать разного рода мелочи. В случае с Черчиллем таких мелочей было много. К примеру, начиная с 1945 года он ежегодно будет помогать материально Мунусвами, одному из своих индийских слуг, пока тот не скончается в 1959 году¹⁹⁵.

В Бангалоре Черчилль и его друзья – Реджинальд Барнс и Хьюго Бэринг (1876–1949) – сняли на троих «роскошное» бело-розовое бунгало с черепичной крышей и глубокими навесами на белых гипсовых колоннах, увитых алой бугенвиллеей¹⁹⁶.

В распоряжении молодого офицера были три «комфортабельные» комнаты, которые он превратил в «милые и удобные» помещения. Свой письменный стол он украсил фотографиями Англии и дорогими для него предметами: коробкой для сигарет, привезенной леди Рандольф из Японии, любимыми книгами. Кроме того, он попросил мать прислать ему несколько спортивных картинок либо карикатур *Vanity Fair*, стол для игры в карты, велосипед и несколько предметов одежды¹⁹⁷. Бунгало троих друзей будет признано «самым комфортабельным и удобным в полку»¹⁹⁸.

Распорядок дня выглядел следующим образом. Подъем рано. В шесть утра – смотр полка и полтора часа маневров. Затем возвращение в бунгало, водные процедуры, завтрак в столовой. С девяти до половины одиннадцатого – занятия в манеже и выполнение канцелярской работы. К одиннадцати, когда солнце начинало припекать, – отдых в бунгало до половины второго. В половине второго ланч, после которого следовал очередной отдых в бунгало, на этот раз до пяти часов. Затем начинался самый активный период дня. Игра в поло, обед, карточные игры или вечерние прогулки. Не позже одиннадцати звучала команда «Отбой»¹⁹⁹. «Так бы принцам жить, как жилось нам», – скажет Черчилль об этих днях²⁰⁰.

Несмотря на все бытовые удобства, пребывание в Индии было не лишено своих опасностей. В начале октября 1896 года, как раз в то время, когда туда прибыл Черчилль, в Бомбее началась эпидемия бубонной чумы. К концу года половина населения покинула город, практически полностью была приостановлена торговля. Экономический ущерб оценивался в десять миллионов фунтов стерлингов⁴⁰²⁰¹. Были в Индии и другие болезни. Некоторые офицеры заразились малярией и брюшным тифом²⁰².

В остальном время в Бангалоре текло спокойно и равномерно, предоставляя много возможностей для любимых дел. Для Черчилля одним из таких стала верховая езда, занимавшая важное место в полковой жизни. В своей статье, посвященной учебе в Сандхёрсте, Уинстон напишет: «Многие заканчивали обучение с убеждением, что они знают о лошадях все что нужно. Те, кто продолжал службу в пехотных полках, оставались верными этому убеждению и дальше»²⁰³. Иначе обстояло дело с кавалеристами, перед которыми мир верховой езды только открывался.

После поступления в 4-й гусарский полк Черчилля ждала «жесткая и суровая выучка, строгая муштра армейской вольтижировки». На протяжении следующих пяти месяцев манеж, конюшня и плац станут для него родным домом. До автоматизма он будет отрабатывать различные элементы верховой езды: вскакивать на скачущую рысью или галопом неоседланную лошадь, брать высокий барьер без стремян и седла, а иногда и с заведенными за спину руками²⁰⁴. Он будет проводить в седле по восемь²⁰⁵, а то и по десять²⁰⁶ часов ежедневно, тренируясь до такого состояния, что едва сможет ходить из-за «чудовищной боли» в мышцах ног²⁰⁷.

В довершение всего в самом начале занятий Уинстон потянул портняжную мышцу, от которой зависела посадка. «Пытка была ужасная, – вспоминал он. – Приходилось надсаживать дальше и без того поврежденную мышцу, терзаясь мыслью, что прослывешь хлюпиком, если попросишь позволения передохнуть хотя бы на денек»²⁰⁸. Несмотря на все физические неудобства, верховая езда доставляла ему удовольствие: «Масса возбужденных коней, бряцание амуниции, упоенность движением, колыхание плюмажей, чувство причастности

⁴⁰ Почти миллиард фунтов в современном эквиваленте.

живому организму – все это превращало кавалерийские учения в нечто восхитительное», – делился он своими впечатлениями²⁰⁹.

В марте 1895 года Черчилль принял участие в скачках с препятствиями на дистанцию две мили и пять фарлонгов с призовым фондом двадцать восемь фунтов. Уинстон финишировал третьим из пятерых наездников. Брату он признался, что «скачки были волнующи и, по правде говоря, очень опасны»²¹⁰. Черчилль выступал под своей второй фамилией – Спенсер, на лошади по кличке Путник, которую позаимствовал у друга, Альберта Сэвори (1870–1900)²¹¹. Если использование чужой лошади было связано с временным отсутствием собственной, то смена фамилии объяснялась желанием остаться неизвестным или, по крайней мере, чтобы об этом не узнала мать.

Леди Рандольф отрицательно относилась к участию сына в забегах, считая их «идиотским» и «пагубным» занятием. Как Уинстон ни пытался объяснить ей, что любовь к скачкам в полку повсеместна, она осталась непреклонна²¹². И как показало дальнейшее развитие событий, была права. В феврале 1896 года забег, в котором участвовал Черчилль, признают недействительным. Будут выдвинуты обвинения в том, что победитель скачек Алан Огивли Фрэнсис (1868–1907) выступал не на той лошади (кличка – Надежное Копыто), которая была заявлена. Обвинения распространились на всех участников забега, которым вменялся в вину преступный сговор с целью разделения выигрыша между собой. Скандал попал на страницы газет, изрядно потрепав нервы как организаторам турнира, так и жокеям. В итоге Черчиллю удастся снять с себя все обвинения, однако неприятный осадок останется. Как и желание продолжить участие в скачках²¹³. Хотя, если иметь в виду спортивный азарт, скачки в основном приносили Уинстону разочарование. Выступающий под цветами своего отца – в коричневом жакете с розовыми рукавами и в розовой кепке⁴¹, он примет участие в трех забегах и каждый раз пересечет финишную черту третьим²¹⁴.

Одновременно со скачками, после поступления в 4-й гусарский полк, Черчилль стал активно увлекаться поло, которое считал «самой лучшей игрой в мире»²¹⁵. «Если в этом мире есть игра, которая может подготовить молодого юношу к армии, то это поло», – писал он в своей статье про Сандхёрст, где, между прочим, игра в поло, так же как и охота на лис, были строго запрещены²¹⁶. Аналогичных взглядов он придерживался и в зрелые годы, акцентируя внимание на развитии умственных способностей и укреплении нервной системы игроков²¹⁷. Черчилль называл поло «императрицей игр»²¹⁸, объясняя свою точку зрения следующим образом: «Поло соединяет в себе удовольствие бить по мячу, лежащее в основе многих забав, с удовольствием скакать и управлять лошадью, к чему добавляется сложная и слаженная командная работа, которая составляет суть футбола и бейсбола и в которой хорошая комбинация куда более важна, чем ее отдельные звенья»²¹⁹.

Увлечение поло очень характерно для Черчилля. Ему импонировали мощь и жесткость, а также упоение соперничеством и борьбой. Современник политика Патрик Томпсон считал, что, если вы хотите понять Черчилля, достаточно увидеть его во время игры в поло: «Он занимает позицию, как тяжелый кавалерист, приготовившийся к атаке. Он насторожен, бдителен, выжидает момент, он мастер тактики и стратегии. Едва заметив свой шанс, он взнуздывает пони и устремляется вперед, в этом стремлении нет проворности, нет изящности – только неистовая физическая энергия. Он сносит защиту противника своей мощью, после чего бьет по мячу. Я сказал „бьет“. Нет, он прорезает мяч»²²⁰.

⁴¹ Впоследствии розовый и коричневый цвета станут символом колледжа Черчилля в Кембридже.

Черчилль не оставит «императрицу игр» и после начала политической карьеры, стараясь по мере возможности участвовать в различных соревнованиях и выступая за команду палаты общин. По его мнению, поло позволяло ему «поддерживать физическую форму» и предоставляло «великолепную возможность отдохнуть, особенно после бесчисленных часов, проведенных в парламенте»²²¹.

Игра в поло приносила не только отдых. В апреле 1922 года, во время игры с герцогом Вестминстерским, Черчилль упадет с лошади, неожиданно вставшей на дыбы как раз в тот момент, когда он, слезая с седла, станет перебрасывать ногу через ее шею. «Еще никогда я не испытывал при падении столь резкой боли», – признается он Ф. Э. Смит²²². В результате болевого шока первые несколько мгновений после падения он даже не сможет вдохнуть, оставаясь в «безмолвном оцепенении», приходя в себя и ожидая своей участи. Впереди политика будет ждать строгий постельный режим: пять дней на спине, нельзя ни сесть, ни повернуться на бок. По настоянию врачей игру в поло придется прекратить до конца года²²³.

Свой последний матч Черчилль сыграет 10 января 1927 года на Мальте. Осенью 1926 года адмирал флота сэр Роджер Джон Браунлоу Кейс (1872–1945) пригласит его в круиз по Средиземноморью для инспектирования военно-морского флота. Между делом он предложит ему сыграть в поло. Черчилль, которому в то время шел пятьдесят третий год, ответит согласием: «Я с радостью приму участие в игре. Я не играл уже целый сезон, поэтому попрактикуюсь скакать галопом, чтобы привести в тонус мышцы бедер. В любом случае я захвачу с собой еще пару клюшек и покажу все, на что я способен. Если же мне будет суждено рухнуть наземь и умереть, я считаю это достойным концом»²²⁴. Матч пройдет на ура, достойно увенчав тридцатилетнюю карьеру Черчилля в этом виде спорта.

Черчилль до старости сохранит любовь к верховой езде. Весной 1948 года его загородный дом Чартвелл посетит владелец голландского цирка Бернард Ван Леер (1883–1958). Он лишь захочет продемонстрировать хозяину дома таланты своих дрессированных лошадей, но не тут-то было. Понаблюдав некоторое время за благородными животными, семидесятитрехлетний Черчилль сам сядет на белую лошадь Сальве и, сделав с ней несколько туров вальса, прокатится коротким галопом по парку, сорвав восторженные аплодисменты присутствующих²²⁵.

В целом пребывание Черчилля в Индии не отличалось разнообразием. В то время как однополчане наслаждались устроенным бытом и приятно проводили время в праздном безделье, спортивных развлечений и карточных играх, Уинстон тяготился жизнью субалтерна.

Он пытался разнообразить свою деятельность. Серьезно относился к исполнению обязанностей, не ограничиваясь участием в маневрах и строевой подготовке. Старался анализировать происходящее, рисовал схемы передвижения войск, определял и формулировал тактические принципы ведения боевых действий. Один из сержантов его полка, С. Хэллоувэй, вспоминал, как после маневров Черчилль приходил в конюшни с рулонами бумаги и карандашами всех цветов радуги. Он начинал подводить теоретическую базу, рисовал различные схемы передвижения войск. Но сержанту было не до этого. Персонала в конюшне не хватало, работы хоть отбавляй, а тут молодой офицер со своими цветными изысканиями. Видя, что его не слушают, Уинстон сворачивал бумагу и со вздохом уходил: «Хорошо, ты сегодня в дурном настроении». «Я не был в дурном настроении, просто я был очень занят, и мне было не до тактики», – объясняет Хэллоувэй²²⁶.

Подобная активность, хотя и служила отдушиной, проблемы решить не могла. «Жизнь здесь просто до отупения скучна и неинтересна, а все наслаждения далеко выходят за рамки норм, принятых в Англии, – делился Уинстон с матерью. – На каждом шагу тебя подстерегают множество искушений скатиться до животного состояния»²²⁷.

Черчилль не скатится до животного состояния. Но его стал беспокоить информационный вакуум, в который он погружался все больше и больше. В отличие от Кубы, где он находился в центре новостей, в Индии никто не обращал на него внимания, никто ему не писал, никто не обсуждал с ним последних событий и насущных проблем²²⁸. «Комфорт есть, компании нет», – сокрушался он. Домой он писал, что встретил в Бангалоре «немного людей, которые стоят того, чтобы с ними поддержать беседу»²²⁹.

Недостаток информации был лишь одной стороной медали. Другая сторона оказалась более серьезна. Она была связана с тем, что ему особенно-то и не хотелось узнавать ничего нового. Даже любимое чтение «требовало усилий»²³⁰. Это был очень тревожный признак. Уинстон обратил на него внимание еще в августе 1895 года, когда находился в Олдершоте. Он жаловался на «состояние умственной стагнации, когда даже написание письма дается с трудом и когда не хочется читать ничего, кроме ежемесячных журналов». Черчилль винил во всем армейские порядки с их приверженностью к дисциплине и однообразным занятиям²³¹.

Усилием воли он попытался перечитать речи отца, «многие из которых знал почти наизусть». Но это не помогло. Найти энергию для «чтения другой серьезной» литературы Уинстон пока не мог²³². Он стал оглядываться на свой жизненный путь и пришел к выводу, что его образование носило «технический» характер. И в Хэрроу, и в Сандхёрсте, и на курсах капитана Джеймса главной целью изучения дисциплин была подготовка к предстоящим экзаменам. И вот результат. «Моему уму не хватало лоска, который дает Оксфорд или Кембридж», – констатировал Черчилль²³³.

Да что там «лоска»! Готовящий себя к великим делам, Уинстон явственно стал ощущать собственное «невежество во многих важнейших областях знания». Он любил новые слова, но с ужасом признавал, что «не знает точного значения многих терминов». В результате он стал «бояться использовать их, опасаясь показаться абсурдным»²³⁴. Опасения будущего политика не были беспочвенны. Позже исследователи признали, что теоретическая подготовка в том же Сандхёрсте носила узконаправленный и весьма ограниченный характер²³⁵.

Осознав собственное «невежество», Черчилль решил в корне изменить ситуацию. Но что именно он мог предпринять? Продолжить образование? Поступить в Оксфорд или Кембридж, получить долгожданный «лоск» и недостающие знания? Уинстон рассматривал этот вариант. Правда, не в 1895 и не в 1896 году, а позднее, когда уже планировал выйти в отставку.

Не слишком ли поздно для высшего образования? Черчилль считал – нет. Наоборот. В семнадцать лет человеческий мозг еще не готов ни к восприятию сложных истин, ни к тяжелой умственной работе. «Зрелый ум способен уделить гораздо больше внимания изучению философии, человеческих ценностей и великих литературных памятников прошлого, – объяснял он. – Умение концентрироваться, способность запоминать и удерживать информацию, вдумчивость и усердие в поиске ответа гораздо лучше у старших студентов»²³⁶.

Возможно, Черчилль и прошел бы курс в Оксфорде. Но его смутили вступительные экзамены, в которых значились латинский и греческий языки. И если первый из них еще был кое-как знаком, то изучать второй Уинстон считал выше своих сил. Особенно после того, как он понюхал пороха, побывал на передовой и чудом избежал несколько раз гибели. «После тяжких раздумий, к величайшему своему прискорбию», он вынужден был оставить план с получением высшего образования²³⁷.

Это решение далось гусару Ее Величества тяжело и оставило след в его мировоззрении. У него сформируется идеализированное представление о высшем образовании. Он будет считать, что учеба в университете открывает перед выпускником «огромный выбор». Счастливцев, получивший заветный диплом, отныне больше не будет испытывать скуки и

страдать от безделья, поскольку понимает всю «бессмысленность поиска утешений в трескоте и шуме современной жизни». В понимании Черчилля тот, кто прошел через университет, обретает независимость от «заголовков и лозунгов». «Он владеет мудростью всех времен и может черпать из нее удовольствие на протяжении всей своей жизни»²³⁸.

Если бы Черчилль стал выпускником университета, не исключено, что его мнение о возможностях высшей школы было бы иным, но он отказался от поступления, решив пойти своим путем и сосредоточиться на самообразовании. Рой Дженкинс считает, что в выборе автодиакта наглядно проявились два важных качества будущего политика: самоуверенность и эгоцентричность. «Убежденный, что он отмечен судьбой, Уинстон не желал проводить дни в интеллектуальной праздности, как это делали его однополчане, – объясняет биограф. – Он был достаточно проницателен, чтобы признать, чего он не знает. И он обладал достаточно сильной волей, чтобы в не самых благоприятных обстоятельствах, с помощью наивных и простых средств устранить свои недостатки»²³⁹.

Помимо эгоцентричности и самоуверенности способ, который выбрал Черчилль для пополнения своего багажа знаний, был связан с еще двумя важными моментами. Первое, это достигнутый результат. И дело здесь даже не в том, что благодаря своей настойчивости, острому уму и цепкой памяти он смог стать одним из самых образованных британских политиков XX столетия. Принципиальным было то, что Черчилль кроил свою личность по индивидуальным лекалам, отличным от лекал его современников. В то время как большинство обитателей Вестминстера и Уайтхолла были воспитанниками Оксбриджа и полностью переняли ментальные, идеологические и социальные штампы, закладываемые в колледжах, Черчилль формировался под влиянием собственных пристрастий, интересов и миропонимания.

В результате его мышление стало более свободным, поведение – более гибким, а решения – более нестандартными. Кроме того, Уинстона отличало «интеллектуальное бесстрашие»²⁴⁰. В поиске свежих идей он, как выразился Дуайт Эйзенхауэр (1890–1969), мог «обращаться ко всему, от греческой классики до Дональда Дака»²⁴¹. При этом он не был подвержен влиянию идейных авторитетов. Еще в 1898 году Уинстон заявил своему брату, что тот же Оксфорд «на протяжении длительного времени является пристанищем фанатизма и нетерпимости, защитившим больше мерзких ошибок и отвратительных идей, чем любой общественный институт, за исключением разве что католической церкви»²⁴².

Второй момент – готов ли был Черчилль к восприятию новых знаний? Впоследствии он будет со скептицизмом относиться к стремлению прочитать в юности как можно больше книг. «Сколько из них действительно будет понято», «сколько войдет в ментальную структуру», «сколько отчеканится на наковальне ума, превратившись в орудие, всегда готовое к использованию»? «Очень обидно прочитать книгу слишком рано», – считал он, замечая, что «первое впечатление самое важное». «Молодежи следует быть осторожной в своем чтении, так же как пожилым людям осторожным в своей еде. Не следует есть слишком много, а съеденное необходимо тщательно пережевывать»²⁴³.

Сам Черчилль, указывающий, что на тот момент у него был «пустой, голодный ум и крепкие челюсти»²⁴⁴, был убежден, что готов к самообразованию. Не станем оспаривать это утверждение, заметим лишь интересную особенность – будущий глава правительства начал «изучение истории, философии, экономики и других общественных наук»²⁴⁵ в двадцать два года, в том самом возрасте, когда большинство его сверстников уже заканчивали университет.

Первой книгой, которую Черчилль проштудировал в Индии, стало «Руководство по политической экономии» британского государственного деятеля и экономиста Генри

Фосетта (1833–1884). Эта работа далась субалтерну нелегко, но он нашел ее «чрезвычайно интересной» и «наводящей на размышления»²⁴⁶.

Наряду с экономикой Черчилль считал историю «самой ценной и интересной» областью человеческого знания²⁴⁷. Свое постижение истории он начал с классического восьмитомного труда Эдварда Гиббона (1737–1794) «История упадка и разрушения Римской империи». Преподобный Уэллдон считал Гиббона «величайшим историком» и советовал Черчиллю прочитать все его работы²⁴⁸. Уинстон прислушался к бывшему наставнику. Однако для него гораздо важнее было то, что Гиббон был любимым автором его отца. Лорд Рандольф знал наизусть огромные куски из сочинений британского классика и часто цитировал его в своих речах. Черчилль-старший признавался, что его «умиротворяют» «глубокая философия, а также легкий и одновременно торжественный стиль Гиббона»²⁴⁹. Умиротворяли они и Уинстона, который с головой окунулся в монументальный труд, «пленивший» его «силой повествования». Отныне вторую половину дня Черчилль посвящал чтению, «наслаждаясь каждой деталью» и «заносая на полях собственные мысли»²⁵⁰.

Чтение Гиббона окажет сильное влияние на литературный стиль будущего лауреата Нобелевской премии. Относя автора «Истории» к «великим прозаикам», Уинстон будет учиться у него композиции и стилистике, искусному чередованию «высокопарных» фрагментов и серий коротких предложений²⁵¹. Возьмет он на заметку и несколько важных мыслей, к примеру то, что римляне «сохраняли мир путем постоянной подготовки к войне».

После прочтения «Автобиографии» Гиббона Черчилль перешел к Томасу Бабингтону Маколею, стихи которого учил в Хэрроу. Теперь с не меньшим воодушевлением он возьмется за изучение двенадцати томов сочинений Маколея, включающих пятитомную «Историю Англии» и «восхитившие» его эссе: «Мильтон», «Макиавелли», «Сэмюель Джонсон», «Джон Хэмпден», «Мирабо», «Хорас Уолпол», «Уильям Питт», «Лорд Бэкон», «Гладстон о церкви и государстве», «Лорд Клайв», «Уоррен Гастингс», «Фридрих Великий» и «шедевр литературного бичевания» – «Стихи Роберта Монтгомери»²⁵².

Считавший, что «для дискуссий хорошее знание истории равносильно наполненному стрелами колчану»²⁵³, Черчилль установил для себя норму чтения – пятьдесят страниц Маколея и двадцать пять страниц Гиббона ежедневно²⁵⁴. Своими впечатлениями он делился с матерью. «Маколея читать легче, чем Гиббона. Маколей – это сила и ясность. Гиббон больше напоминает государственного деятеля, он монументален, больше впечатляет. Оба они восхитительны и демонстрируют, сколь прекрасным может быть английский язык, каким разнообразным может быть изложение на нем»²⁵⁵. Леди Рандольф активно поддерживала новое увлечение сына, направляя ему необходимую литературу и советуя не терять времени, а читать, читать, читать. «Надеюсь, ты найдешь время для чтения, – наставляла она. – Ты пожалеешь о потерянном времени, едва погрузишься в мир политики и ощутишь недостаток собственных знаний»²⁵⁶.

Времени у Черчилля было предостаточно, и найти час-другой на чтение не составляло труда. Главное – было бы желание. А оно было. Уинстон признавался, что его «литературные вкусы растут день ото дня»²⁵⁷ и, «если бы не утешение литературой», его пребывание в Индии было бы «невыносимым»²⁵⁸. Одновременно с Маколеем и Гиббоном он прочитал «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля (1623–1662), «Мемуары» Луи де Рувруа герцога Сен-Симона (1675–1755), «Современную науку и современную мысль» Сэмюеля Лэинга (1812–1897), «Мемуары» Виктора-Анри Рошфора (1831–1913)²⁵⁹.

Среди прочего Черчилль изучил любимый труд полковника Брабазона «Мученичество человека» (другое название – «Крестный путь») Уильяма Уинвуда Рида (1838–1875). Это

сочинение за двенадцать лет выдержало восемь изданий и считалось классикой Викторианской эпохи. «Мученичество человека» оказало большое влияние на Герберта Уэллса, Джорджа Оруэлла и Артура Конан Дойла, который даже вставил упоминание о нем в одно из своих произведений. В рассказе «Знак четырех» Шерлок Холмс рекомендует эту книгу доктору Ватсону, характеризуя ее как «одну из самых замечательных, которые были когда-либо написаны».

Черчилль нашел работу Рида, представляющую собой критический очерк развития западной цивилизации с позиции естественных наук, идей социального дарвинизма и позитивизма, «восхитительной». По его мнению, Рид, «хотя и не поднимается до уровня философа», сумел собрать и в сжатой форме выразить все, во что наш герой «с неохотой верил»²⁶⁰.

В своих исканиях Черчилль подошел к одной из ключевых тем всего человечества в целом и каждого человека в отдельности – к теме религии. Он стал задаваться вопросами: «Существует ли загробная жизнь?», «Появлялись ли мы раньше на этом свете?», «Существует ли Высший разум, который присматривает за миром, или все идет своим чередом?» Работа Рида подводила к «безрадостному заключению», что человек «просто сгорает и гаснет, как свеча». Черчилль также обратился к работам ирландского историка Уильяма Леки (1838–1903) «Расцвет и влияние рационализма в Европе» и «История европейской морали от Августа до Карла Великого». Затем он изучил труды Чарльза Дарвина (1809–1882) «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» и «Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра (1788–1860). Он все больше стал склоняться к светскому взгляду на мир, вступив в «период яростного, агрессивного безбожия»²⁶¹.

Черчилль считал, что наступит день, когда «холодный и яркий свет науки и разума пробьется сквозь витражи кафедральных соборов», когда «великие законы природы будут доступны для понимания и наша судьба, и наше прошлое станут прозрачны». И когда этот день придет, «религия перестанет помогать и утешать человечество», которое откажется от «религиозных игрушек» и «костылей христианства»²⁶². Он считал, что «многие из религиозных учителей обращают свое внимание на потусторонний мир, потому что это облегчает им жизнь в мире этом»²⁶³.

В письмах к леди Рандольф он писал: «Я не приемлю ни христианской веры, ни какой другой формы религиозных верований»²⁶⁴ и «надеюсь, что смерть положит конец всему, я материалист до кончиков ногтей»²⁶⁵. После публикации знаменитой лекции Уильяма Джеймса (1842–1910) «Бессмертие человека» Черчилль трижды прочитает обращение американского философа. «Этот текст произвел на меня очень сильное впечатление. Но в итоге я пришел к выводу, что лишен религиозного чувства, и отложил эту работу в сторону»²⁶⁶. Он назвал католицизм «восхитительным наркотиком», который хотя и «смягчает боль и несет спокойствие», но при этом «ограничивает наш рост и ослабляет наши силы»²⁶⁷.

Жизнь все расставляет на свои места. «Я думаю, что опыт участия в боевых действиях сделает меня религиозным, – скажет Черчилль Бурку Кокрану в 1899 году, когда позади уже будут участие в четырех кампаниях, ранение и пленение. – Философия не может остановить пулю»²⁶⁸. Не зря говорят: на войне нет атеистов. Дальнейшее участие в боевых действиях, когда в любой момент жизнь могла оборваться самым неожиданным образом, заставило по-иному взглянуть на сформировавшиеся убеждения. «Какие бы „за“ и „против“ ни сталкивались у меня в голове, слова „спаси и сохрани“ сами срывались с моих губ, когда приходилось бросаться под вражеский огонь, и сердце преисполнялось благодарностью, когда я, невредимый, возвращался в лагерь к чаю, – вспоминал Черчилль. – Я молил не только об избавлении от ранней смерти, но и о всяких пустяках и почти всякий раз, как тогда, так и в последую-

щей жизни, получал, что испрашивал»²⁶⁹. Политик признается, что, когда он бежал из плена во время англо-бурской войны, он «никогда не чувствовал себя столь одиноко». Он «молил Господа о помощи», и то, что ему в конце концов удалось спастись, он считал «ответом» на свою молитву²⁷⁰. Находясь в окопах Первой мировой войны, Черчилль поделится с одним из своих сослуживцев: «Я верю, что во мне есть душа, которая будет жить и дальше, но без сохранения памяти о нынешних событиях в будущем»²⁷¹.

Согласно воспоминаниям младшей дочери Черчилля Мэри Соамс, ее отец «имел глубокую веру в Провидение, но при этом его нельзя было назвать религиозным человеком в полном смысле этого слова. И уж тем более он вряд ли относился к постоянным посетителям церковных служб»²⁷². Своему кузену Шейну Лесли Уинстон скажет в 1908 году, что прошел обряд конфирмации, но причащался после этого всего один раз²⁷³. Когда один из священников назовет британского политика «опорой Церкви», Черчилль его мягко поправит: «Вряд ли это применимо ко мне. Я больше похож на контрфорс, я поддерживаю церковь извне»²⁷⁴. Черчилль наверняка удивился бы, узнав, что во вьетнамском городе Тайнин его, наряду с Моисеем и Виктором Гюго, почитают как святого²⁷⁵.

С годами Черчилль, исповедующий, как он сам называл, «религию здравого смысла»²⁷⁶, стал придерживаться тех же взглядов, что и Бенджамин Дизраэли, полагавший, что «все благоразумные люди придерживаются одной и той же религии». Когда его попросили конкретизировать свою позицию, указав, о какой именно религии идет речь, он вновь процитировал Дизраэли: «Благоразумные люди об этом никогда не говорят»²⁷⁷.

Если же все-таки попытаться сформулировать религиозные взгляды Уинстона Черчилля, то наиболее лаконичным и точным представляется следующее высказывание историка Пола Эддисона: «Ортодоксальную религию Черчилль заменил мирской верой в исторический прогресс, а также мистической верой в Провидение, перемежая ее цинизмом и депрессией. Он также был склонен верить, что Провидение вмешивалось и спасало ему жизнь, оберегая его, чтобы он смог осуществить свою судьбу, какой бы она ни была»²⁷⁸. Принципиальным для него были максимизация человеческого счастья, а также достижение гармонии с самим собой²⁷⁹.

Несмотря на своеобразное отношение к религии, Черчилль, так же как и его отец, любил и хорошо знал Священное Писание, часто обращался к нему в критические моменты жизни, а также использовал цитаты из него в письмах и книгах. «Он ссылаясь на Библию короля Якова чаще, чем на любую другую книгу или группу книг», – констатирует Даррел Холли, обнаружившая в сочинениях политика почти две с половиной сотни упоминаний Библии²⁸⁰.

Столь хорошее знание Священного Писания может показаться странным на фоне не только раннего атеизма Черчилля, но и его более позднего интереса к научным открытиям. На самом деле ничего удивительного в этом противоречии нет. Политик спокойно нашел место в своем мировоззрении и для откровений древних текстов, и для последних достижений ученых. «Меня всегда удивляли надсадные попытки некоторых епископов и клириков примирить библейскую историю с современным научным и историческим знанием, – объяснял он свою позицию по этому вопросу. – Зачем нужно примирять их? Если вы получаете некое послание, которое радует ваше сердце и укрепляет душу, обещая соединение с любимыми в мире, где шире горизонты и глубже взаимопонимание, то какое вам дело до формы и цвета долго плутавшего конверта. Важно само послание и блага, даруемые его получателю. Если серьезно поразмыслить, то приходишь к однозначному выводу: чудеса невозможны; а между тем радуешься, читая, как Христос обратил воду в вино в Кане Галилейской, и ходил

по водам, и воскрешал из мертвых. Мысль, что истинно лишь постигаемое нами, – глупость, и вдвойне глупость, что мысли, которые не может примирить наш разум, исключают друг друга. Я усвоил для себя правило: верить тому, во что хочется верить, и предоставить разуму свободно бродить по тем дорогам, которые ему доступны»²⁸¹.

Спокойное отношение Черчилля к церковным обрядам не мешало ему в статусе премьер-министра серьезно воспринимать возложенную на него обязанность назначения высших церковных иерархов. Когда его последний личный секретарь Энтони Монтагю Браун привел слова первого премьера королевы Виктории Уильяма Лэма, 2-го виконта Мельбурна (1779–1848), выражающие недовольство в решении кадровых вопросов Церкви: «Я полагаю, что епископы специально уходят в мир иной, чтобы досадить мне», Черчилль неожиданно резко ответил: «Это неправда и несправедливо. Я проявляю огромный интерес к этому вопросу»²⁸².

Политик признавался, что за годы своей деятельности на Даунинг-стрит «назначил больше епископов, чем кто-либо со времен Святого Августина»²⁸³. На самом деле это не так. И Гладстон, и Дизраэли отличились в этом плане гораздо больше. Зато в годы Второй мировой войны Черчилль дважды назначал архиепископа Кентерберийского: Уильяма Темпла (1881–1944) и Джеффри Фрэнсиса Фишера (1887–1972).

В старости Черчилль вновь вернется к поиску ответов на вечные вопросы: о существовании загробной жизни и Господа Бога. «Веришь ли ты, что смерть это конец всему? Есть ли что-то за этой чертой?» – спрашивал он своего доктора в 1943 году, приходя в себя после тяжелого воспаления легких²⁸⁴. И ответы на эти вопросы теперь отличались от тех, к которым он приходил в молодые годы, читая популярных авторов в Бангалоре. Если раньше он заявлял, что «те люди, которые слишком много думают о том свете, редко преуспевают в этом»²⁸⁵, то теперь (хотя и не без оговорок) называл веру в загробную жизнь «единственным утешением»²⁸⁶. «Бесспорно, к старости он убедился в том, что конец жизни – это еще не конец всему», – отмечал его личный секретарь Джон Колвилл²⁸⁷. «Я верю – человек есть бессмертный дух», – будет повторять Черчилль неоднократно²⁸⁸. В 1950 году он поблагодарит «Старца», что помог ему в трудный момент. Когда его попросят пояснить, кого он имеет в виду, он ответит – Бога²⁸⁹.

Придет время, и Черчилль, которого Э. М. Браун назвал «оптимистичным агностиком»²⁹⁰, станет все чаще говорить о потусторонней жизни, высказывая на этот счет свои мысли, но не теряя при этом свойственное ему чувство юмора. «Большинство людей сильно удивятся, оказавшись на небесах, – скажет он своему другу Вальтеру Грабнеру (1909–1976). – Они захотят встретиться со многими выдающимися людьми, такими как Наполеон и Юлий Цезарь. Но вполне вероятно, что они даже никогда не смогут их найти, потому что вокруг будут миллионы других людей. И каждый на небе будет иметь равные права. Вот уж действительно – государство всеобщего благосостояния. А еще там будут херувимы». И здесь Черчилль расскажет историю об одном французском священнике, настолько святом, что на одной из проповедей он оказался в обществе множества порхающих около него херувимов. «Он был не только святым, но и вежливым, – добавил политик. – Священник попросил их присесть. „*Mais*, – ответили ему херувимы, – *nous n'avons pas de quoi*“⁴²»²⁹¹.

В другой раз у него с Грабнером зашел разговор о Всевышнем. «Интересно, что Господь думает о вещах, созданных теми, кого Он сотворил? – сказал Черчилль. – Вначале я подумал, Он, должно быть, удивится, но потом я пришел к мысли, что у Него столько тем

⁴² Но нам не на чем сидеть (фр.).

для беспокойства, не только о нас, но и обо всех Его мирах. Я бы никогда не согласился на такую работу. Моя работа тяжела, но Его тяжелее в стократ. И, уфф, Он не может уйти в отставку»²⁹².

Определяясь со своими религиозными взглядами, Черчилль не мог не коснуться другого фундаментального вопроса человеческого бытия – смысла жизни. О том, каких взглядов он придерживался на этот счет, правильнее всего судить по его собственным поступкам. Своей жизнью государственного деятеля он убедительно доказал, что смысл жизни и каждого человеческого устремления заключается в достижении превосходства. «Желание доминировать – это не столько вопрос разума, сколько вопрос нашего устройства, – объяснял политик. – Это условие нашего существования»²⁹³.

Каждый сам выбирает для себя область, в которой сможет отличиться: одни специализируются на практике, другие – на теориях, одни достигают превосходства в творчестве, другие – в празднестве, одни реализуют себя в достижениях, другие – в самоотречении. Таким оригинальным способом мудрая природа смогла обеспечить выживаемость человеческого рода, выводя в авангард развития не только лучших, но и гарантируя разнообразие человеческой деятельности.

Но Черчилль был не только государственным деятелем. Анализ его огромного творческого наследия позволяет развить приведенную выше гипотезу, не ограничивая понятие смысла жизни одним лишь достижением превосходства. Учитывая, что одной из основных задач искусства является выражение невыразимого, смысл жизни включает в себя и передачу информации, причем не только современникам, но и будущим поколениям. Противоречит ли это предыдущему выводу, акцентирующему основное внимание на доминировании? Пример политической жизни и литературной деятельности Черчилля убедительно показывает – нет. Скорее дополняет, поскольку общим и в том и другом случае является преодоление бренности существования, физиологического конца и физической смерти²⁹⁴.

Возвращаясь к самообразованию нашего героя. Принимая во внимание, что Черчилль готовил себя к публичной деятельности, одновременно с сочинениями на историческую и религиозную тематику он также начал активно изучать труды по социальным и политическим дисциплинам. В частности, он проштудировал «Политику» Аристотеля (384–322 до н. э.), «Государство» Платона (428/427–348/347 до н. э.), «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (1723–1790), «Опыт закона о народонаселении» Томаса Роберта Мальтуса (1766–1834).

Чтение не прошло для Черчилля бесследно. Многие его политические убеждения формировались именно под влиянием изучаемых авторов. Здесь и отстаиваемая Генри Фосеттом свободная торговля, и обоснованная Томасом Маколеем огромная роль сильного парламента в формировании политических институтов, и предостерегающий взгляд Эдварда Гиббона о великой империи, разрушаемой изнутри разлагающейся элитой и оторванными от жизни доктринами²⁹⁵. «Благодаря своим недюжинным способностям Уинстон за короткое время смог почерпнуть из книг очень многое», – отмечает В. Г. Трухановский, признающий не только «незаурядные способности» Черчилля, но и его «трудолюбие, огромную работоспособность, умение концентрировать внимание и волю на решении избранной задачи»²⁹⁶.

Метод Черчилля не был лишен недостатков. Его образованию не хватало системности, а круг его авторов в основном ограничился англоязычной литературой, оставив за рамками изучения многие прекрасные произведения, в том числе и великую русскую литературу. Но, пройдя этот путь самостоятельно, Черчилль считал, что плоды самообразования открыты для каждого желающего. Став политиком, он будет делиться своим опытом и советовать самостоятельно изучать сочинения гениальных авторов²⁹⁷.

Однако все эти рассуждения придутся на более поздний период, а пока, для того чтобы лучше разбираться в политической обстановке, Черчилль обратился к матери с просьбой прислать ему трехтомную «Конституционную историю Англии» Генри Гэллэма (1777–1859), а также подробные отчеты обсуждений британского парламента за последние сто лет²⁹⁸. В ответ леди Рандольф направит сыну двадцать семь томов знаменитого ежегодного альманаха *Annual Register*, описывающего политическую активность Соединенного Королевства с 1870 года²⁹⁹. «Как раз то, что я хотел», – обрадуется Уинстон³⁰⁰.

Он разработает собственную методику работы с этим кладом информации: прежде чем начать читать политические дебаты по какому-либо вопросу, сначала, основываясь лишь на здравом смысле, он излагал на бумаге свою точку зрения по обсуждаемой проблеме. Затем, прочитав, сравнивал написанное с полученной информацией. После дополнительных размышлений над вопросом он снова начинал писать. «Я надеюсь, что подобной практикой создам совокупность логически и последовательно связанных точек зрения, которые помогут сформировать необходимый образ мышления, – сообщал он о своей работе с политическими текстами. – Альманах хорош тем, что сообщает факты, которые позволят наточить меч моего ума. Натренировать же мускулы и научить максимально эффективно использовать этот меч помогают Маколей, Гиббон, Платон и другие»³⁰¹.

Сохранился ряд заметок, сделанных молодым Черчиллем в процессе изучения альманаха. Какие темы волновали будущего премьер-министра? Например, предложение Бенджамина Дизраэли 1876 года о провозглашении королевы Виктории императрицей Индии. «Я отношусь к числу тех, кто „любит громко звучащие звания“, поскольку ни одно звание не стоит обладания им, если оно не звучит громко, – читаем мы рассуждения двадцатидвухлетнего Уинстона. – В настоящий момент я не готов отменить все титулы. Чем более помпезно звучит титул, тем он более полезен и ценен»³⁰².

С годами Черчилль еще больше убедится в правильности своих первоначальных рассуждений, осознав, что звания играют важную роль в обществе, придавая их обладателю определенный вес. Когда на закате жизни он коснется этой темы в своей «Истории англоязычных народов», то не сможет не воздать должное проницательности предшественника, написав: «Такой ход никогда бы не пришел в голову Гладстону, ни тем более следующему поколению империалистов. Но ориенталистский, почти мистический подход Дизраэли к империи, его акцент на имперских символах и его вера в важность внешнего облика сообщали его политике тот элемент творческой фантазии, который никогда не был достигнут его преемниками»³⁰³.

Черчилль очень точно подметил важность этого на первый взгляд пустого решения. Дизраэли повел себя мудро и своевременно. После падения Второй империи во Франции в Британии стали активно распространяться республиканские настроения. Все чаще антироялистские голоса звучали со страниц газет, из уст политиков и философов. В 1873 году существовало уже пятьдесят республиканских клубов. «Теперь республика неизбежна даже при жизни нашего поколения», – категорично заявит Джозеф Чемберлен. Дизраэли стал тем человеком, который спас монархическую идею, провозгласив создание империи и предложив романтический титул императрицы Индии³⁰⁴.

Другой вопрос, который привлек внимание Черчилля, касался отмены смертной казни. Уинстон выступил категорически против такого предложения, заявив, что в «этом несовершенном мире приходится совершать множество жестких и нехристианских поступков»³⁰⁵. Пройдет чуть больше десяти лет, и Черчилль возглавит Министерство внутренних дел. Среди прочих его обязанностей, будет контроль над обвинительными приговорами. Также через него будут проходить все дела с вердиктом «смертная казнь», и именно он будет являться последней инстанцией, утверждающей или смягчающей высшую меру наказания.

В день, когда Черчилль был назначен главой МВД, суд приговорил безработного моряка Джозефа Рена к смертной казни через повешение. Он перерезал горло трехлетнему ребенку и бросил его тело около железнодорожной станции. Рен признал свою вину. Изучив подробности дела, Черчилль утвердил высшую меру. За двадцать месяцев руководства ведомством ему предстоит рассмотреть еще сорок два дела. В двадцати случаях он произведет отмену смертной казни, в двадцати двух – оставит приговор без изменений.

Принятие решения по каждому из этих дел было «болезненным» и давалось Черчиллю крайне тяжело. В 1929 году он признается своему однокашнику Леопольду Эмери, что, столько нахлебавшись неприятных эмоций в частных школах, «всегда испытывал величайшую симпатию к заключенным и в годы работы в МВД старался облегчать их участь»³⁰⁶.

Один эпизод произвел на министра особое, неизгладимое впечатление. Речь идет о деле Эдварда Вудкока, приговоренного к виселице за убийство в состоянии алкогольного опьянения. Его жертвой стала женщина, с которой он проживал в гражданском браке. После совершения преступления, придя в себя, Вудкок покинет дом, отдаст все свои деньги уличным мальчишкам и направится в полицейский участок, где признает свою вину и раскается в содеянном. «Я был потрясен этой историей и многими чертами характера этого несчастного человека», – свидетельствовал Черчилль. Работники министерства советовали своему руководителю не вмешиваться в это дело и утвердить решение суда. Но глава МВД решил настоять на своем мнении. Проникшись состраданием, он заменил смертную казнь пожизненным заключением. Но когда на следующий месяц он узнал, что Эдвард Вудкок повесился в камере, оставив предсмертную записку близким, его прошиб холодный пот от осознания собственной вины в этом суициде.

Черчилль сохранит у себя копию записки. «Его страна пережила кровавую бойню двух мировых войн, а он не забыл человека, совершившего преступление в 1910 году и отдавшего все свои деньги уличным мальчишкам по пути в полицейский участок», – комментирует поведение политика профессор Майкл Шелден. Больше всего Черчилля потрясло отчаяние Вудкока перед пожизненным сроком. Поэтому, когда в 1948 году в палате общин вновь будет обсуждаться вопрос о целесообразности использования смертной казни, он категорически выступит за ее сохранение в британском законодательстве. Во время своего выступления он зачитает строки из последнего письма Вудкока, обратив внимание депутатов на «агонию пожизненного срока, которое для многих является гораздо более жутким наказанием», чем виселица³⁰⁷.

Особого внимания заслуживают взгляды молодого гусара, занимавшегося самообразованием в Бангалоре, на актуальные внешнеполитические вопросы. И в частности, имеющие отношение к Российской империи. На этот счет у Черчилля сложилась весьма определенная позиция. Он считал, что «Россия должна владеть Константинополем». «Это место, где зародилась ее религия», – аргументировал он. Более того, у России должен быть выход к незамерзающим морям. «Семьдесят миллионов людей без порта у теплых вод, разве это разумно?»³⁰⁸. Аналогичную мысль Черчилль повторит в 1901 году во время интервью после выступления в Мичиганском университете в Энн Арбор³⁰⁹.

Анализ частных политических событий приводил Черчилля к заключениям более общего характера: «Милитаризм вырождается в жестокость. Лояльность продвигает тиранию и низкопоклонство. Гуманизм становится сентиментальным и нелепым. Патриотизм скрывает ханжество. Империализм утопает в шовинизме»³¹⁰.

Изучение политической хроники последних двух десятилетий парламентской истории Великобритании благотворно повлияло на кругозор молодого человека. Он стал сторонником расширения прав местных властей, считал целесообразным введение прогрессивного подоходного налога и единой тарифной политики, выступал против вмешательства в дела

Европы, ратовал за сокращение армии, отводя при этом основную роль в сохранении мощи и целостности государства военно-морскому флоту. «Одни его идеи менялись соответственно обстоятельствам, например стратегические приоритеты, – комментирует историк Норман Роуз. – Другим он оставался поразительно верен, например „империализму за рубежом“, или свободной торговле, или созданию центристской партии»³¹¹.

Супруга премьер-министра Марго Асквит будет удивляться по поводу Черчилля, полагая «невероятным, что человек со столь неопределенным образованием смог достичь таких высот»³¹². Но на самом деле ничего удивительного в этом не было. Хотя достигнутые высоты и в самом деле способны вызвать восхищение. Особенно если учесть, что речь идет не только о государственном деятеле, возглавлявшем различные ведомства и правительство, но и об авторе нескольких десятков книг. Да, у Черчилля нет высшего образования. Его университетом станут книги, а в роли преподавателя выступит он сам. Но это нисколько не мешает ему стать одним из самых образованных людей своего поколения, что лишний раз доказывает известную максиму: ключевую роль в обучении играет не количество изученного материала, а качество его усвоения. Или, как скажет сам Черчилль: «Гораздо лучше для ума и для практических целей, предъявляемых жизнью, внимательно изучить одну книгу, чем бегло прочитать сотню трудов»³¹³.

В системе обучения Черчилля были и свои плюсы. Он привыкнет рассчитывать только на себя, сам будет доходить до истины, опираясь на имеющиеся факты и здравый смысл, а не на рекомендации экспертов, к которым он, тем не менее, всегда относился уважительно.

Впоследствии Черчилль скажет, что читает только «для получения удовольствия либо – получения дохода»³¹⁴, но это не совсем так. Он будет знакомиться с новыми авторами, идеями и открытиями в многочисленных поездках и путешествиях, во время отдыха дома или пребывая в гостях. Даже в плену, параллельно с борьбой за свое освобождение и разработкой плана побега, он успеет прочитать биографию Фридриха Великого, написанную Томасом Карлейлем (1795–1881), а также труд Джона Стюарта Милля (1806–1873) «О свободе»³¹⁵.

Свою библиотеку он пополнит художественными произведениями, среди которых будут: «Кузина Бетта» и «Отец Горио» Оноре де Бальзака (1799–1850), «Отверженные» Виктора Мари Гюго (1802–1885), «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера (1821–1880), «История моей жизни» Джакомо Казановы (1725–1798), «Проза» Джорджа Гордона Байрона, «Крейцера соната» Льва Николаевича Толстого (1828–1910), «Ад» Данте Алигьери (1265–1321), а также «Вдали от обезумевшей толпы» Томаса Харди (1840–1928). Почетное место на полке займут «Основания политической экономики» Джона Стюарта Милля³¹⁶.

Дальше – больше. За один только февраль 1906 года наш герой купит почти четыреста томов художественных и исторических произведений. В следующем месяце он привезет из книжных магазинов еще сто тридцать томов. А еще через месяц к ним добавятся дополнительные двести пятьдесят томов. В мае молодой политик купит пятьдесят девять томов. Став завсегдатаем книжных магазинов, за несколько месяцев активных покупок Черчилль увеличит размер своей скидки с десяти до двадцати процентов³¹⁷.

Несмотря на любовь к чтению, уже в Бангалоре Черчилль поймет, что не может посвятить всю свою жизнь созерцанию. Позже он следующим образом сформулирует эту важную дихотомию: «Жизнь человека должна быть посвящена либо деятельности, либо размышлениям, без тяжкого труда – никаких забав»³¹⁸. Выбирая между делом и мыслью, он отдавал предпочтение первому, при этом потратив немало сил, энергии и времени на второе.

В этом отношении Черчилль – уникальная персона. В мировой истории не так много людей, которые стали летописцами собственных деяний, и еще меньше тех, кто описывал то, что ожидает и их лично, и страну в ближайшем будущем. Профессор Манфред Вайдхорн

считает Черчилля «Периклом и Плутархом» в одном лице. По его мнению, «ни один крупный государственный деятель мировой истории не задокументировал столь продолжительный период своей мирной и военной карьеры, да еще в таком стиле и с таким остроумием, внося огромный вклад в историю и литературу, построив собственный огромный монумент из слов, которые настолько же волнующи, как и действия, которым они посвящены»³¹⁹. Исходя из этого, современники Черчилля называли его «государственным деятелем, ставшим величайшим историком, и историком, ставшим величайшим государственным деятелем»³²⁰.

Снедаемый не только жаждой деятельности, но и славы, Черчилль по-хорошему завидовал военным наградам тех, кому повезло оказаться на полях сражений, проявить выдающиеся качества, заслужить потом, а иногда и кровью почет и уважение общества³²¹. Он считал, что у него есть только один путь реализовать свой потенциал – принять участие в боевых действиях. В конце 1896 года самой горячей точкой Британской империи был Судан, военная кампания в котором уже давно не давала покоя непоседливому гусару. В декабре он напишет матери, что с удовольствием отправился бы в знойную Африку за поиском успеха, славы и популярности³²².

Леди Рандольф, как всегда, поддержала сына. Однако она считала, что его планам будет трудно осуществиться. И дело даже не в том, что Уинстону надо было заручиться поддержкой руководства 4-го гусарского полка и получить внеочередной отпуск. Проблема, гораздо более серьезная, заключалась в личности главнокомандующего египетскими войсками (сирдара) Герберта Китченера. Генерал не любил пронырливых и амбициозных молодых офицеров. Говорили, что он не брал в состав своей армии кандидатов моложе двадцати семи лет³²³, а в конце 1896 года Черчиллю исполнилось всего двадцать два года.

Леди Рандольф написала Китченеру письмо. Генерал ответил, что в настоящее время у него нет свободных мест в кавалерии, но он будет иметь Уинстона в виду. Также он посоветовал, чтобы Уинстон сделал официальный запрос от имени полкового командира генерал-адъютанту египетской армии³²⁴. Леди Рандольф сочла ответ сирдара «обнадеживающим»³²⁵.

Не привыкший сидеть сложа руки, Черчилль взял трехмесячный отпуск и отправился в Лондон, чтобы уже из столицы добиваться устройства в состав египетской армии. Его мать сочла эту поездку ненужной тратой времени и средств. Однако возбуждение Уинстона уже превысило критическую отметку и его было не остановить. Летом 1897 года он прибыл в Лондон, чтобы обеспечить себе место в армии Китченера.

В Судан Черчилль не попадет, по крайней мере в 1897 году. Зато он примет участие в бриллиантовом юбилее королевы Виктории, что даст ему возможность окунуться в жизнь викторианского общества, которое находилось в зените своего благополучия. По дороге в Лондон он остановится на две недели в Италии, где посетит Помпеи и *Aeterna urbs*⁴³. Во время путешествия по Индийскому океану, которое далось субалтерну очень тяжело – две трети пути он провел в каюте, мучаясь от морской болезни, – он познакомится с ответственным за стрелковую подготовку в Индии полковником Яном Стэндишом Монтейтом Гамильтоном (1857–1943)³²⁶. Этому худощавому человеку предстоит сыграть важную роль в жизни Черчилля. Пока же они мило коротали время за непринужденными беседами.

Гамильтон быстро распознал в молодом собеседнике огромный потенциал, признав, что его способностей хватит на «несколько успешных карьер». Отметив, что «искусство вечно, а жизнь коротка», полковник советовал не терять времени в выборе пути. «Конечно, было бы замечательно объединить достижения Мальборо, Непера и Питта, но в нашу эпоху специализации подобная структура тщетна», – считал Гамильтон³²⁷. Каждый человек,

⁴³ Вечный город, Рим (лат.).

добившийся успеха в своем деле, достоин уважения. Но и как столетия назад, по-настоящему великими людьми становятся те, кто достиг успеха сразу в нескольких областях. Черчилль был еще только в самом начале своего пути, и ему предстояло доказать, что в мире узкой специализации междисциплинарные достижения также возможны³²⁸. Главное – найти «свою колею» и, не растратив попусту время, упорство и таланты, пройти по ней до конца.

Ключевая особенность «своей колеи» заключается в том, что в отличие от проторенных путей она малозаметна и движение по ней носит неопределенный характер. Никогда точно не знаешь, что скрывается за следующим поворотом, правильной ли дорогой идешь и вперед ли? По нехоженным тропам двигаешься на ощупь, доверяясь своей интуиции и постоянно сверяясь с собственным мировоззрением. «Человеческая жизнь аналогична движению внутри тоннеля с закрытыми по обе стороны окнами, – скажет однажды Черчилль. – Когда ты подходишь к окну, чья-то невидимая рука открывает его, и свет, который ударяет из окна, лишь еще больше сгущает мрак в конце тоннеля»³²⁹.

Некоторые «окна» в жизни Черчилля уже были открыты, но большинство еще только предстояло открыть. И в одно из них уже начал просачиваться свет новых возможностей. В Англии Черчилль узнает из газет новость, которая полностью завладеет его вниманием. На северо-западной границе Индии произошло крупное восстание местных племен патанов. Для подавления восстания была сформирована Малакандская действующая армия под командованием генерала сэра Биндона Блада (1842–1940). Уинстон уже имел честь в Дипдине встречаться с генералом, которого считал «самым надежным и опытным военачальником на индийском пограничье»³³⁰. Именно тогда, на зеленых лужайках Дипдина, он «выбил» из генерала обещание, что в случае возобновления военных действий в пограничных районах Индии тот возьмет его в состав своей армии³³¹. Еще раз убедившись, что одним из основных секретов успеха являются личные связи, Черчилль стал активно пользоваться этим ключом, открывая одну дверь за другой.

В его распоряжении были еще три недели отпуска, но он поспешил напомнить Бладу о данном обещании и начал готовиться к возвращению в Индию. Молодой гусар был настолько возбужден открывавшимися перед ним перспективами участия в опасных батальных, что забыл положить в багаж клюшки для игры в поло, вернуть бейдж, который ему дали во время выступления в Бате, оплатить несколько счетов³³², а также взять с собой свою собаку по кличке Горошек³³³.

Путешествие в Индию Черчилль снова перенес тяжело. «Одного плавания достаточно, другие уже перебор», – жаловался он³³⁴. Стояло самое жаркое время года, температура достигала 38 °С, на Красном море не было ни ветерка. Бывалые путешественники сообщали, что не помнят подобной жары. «Такое ощущение, будто очутился в паровой бане», – ужасался Уинстон. Он коротал время за чтением, прочитав за время путешествия множество книг. Больше всего его впечатлил последний роман Томаса Харди «Джуд Незаметный», вышедший в 1895 году³³⁵.

Но физические неудобства путешествия не шли ни в какое сравнение с душевными переживаниями. Черчилль ждал ответа Блада, а ответа не было. Ни в Бриндизи, ни в Адене, ни в Бангалоре. Молодой человек даже стал подозревать, что кто-то из командования ставит ему палки в колеса³³⁶. На самом деле молчание Блада было связано с тем, что Уинстону просто не нашлось места, личный штаб генерала к тому времени был полностью укомплектован.

Долгожданное письмо Черчилль получит только в конце августа. Блад сообщит, что готов взять его корреспондентом с последующим устройством в армейские части при первой же возможности³³⁷. Не без труда оформив месячный отпуск, Уинстон в тот же день отправился на вокзал, откуда собирался ехать на север, в конечно-выгрузочный пункт Мала-

кандской действующей армии Ноушер. Покупая билет в кассе, он из любопытства спросил, как далеко расположен Ноушер. Лишенный всяких эмоций ответ индуса-кассира немало его удивил: «Две тысячи двадцать восемь миль». Это означало пять дней пути в нестерпимой жаре. «Большая страна – Индия!» – воскликнет англичанин, располагаясь в просторном вагоне с плотно зашторенными окнами³³⁸.

«Пять дней в поезде – не самое приятное времяпрепровождение, особенно без спутника, но цель, к которой я стремлюсь, делает все эти препятствия незначительными», – напишет Черчилль своей матери. Признавая, что будущее «смутно» и «неопределенно», он видел в своем предприятии «хороший шанс принять участие в активных действиях и получить медаль». Он считал, что военный опыт пойдет ему на пользу, прибавив веса в политической среде, а также добавив популярности в стране³³⁹. О том, что это опасное приключение может стоить ему жизни, Черчилль не думал. Как и его кумир Наполеон, он верил в свое великое предназначение. Он видел себя будущим премьер-министром, о чем с немного нагловатой самоуверенностью говорил другим офицерам, несущим службу в Индии³⁴⁰, а также своим близким. «Я верю в свою звезду, верю в свое предназначение, – писал он леди Рандольф из Малакандского лагеря. – Даже если я ошибаюсь, что из того? Я намерен сыграть эту игру до конца, и если я проиграю, значит, мне не светило выиграть и все остальное»³⁴¹.

Дженни не разделяла взглядов сына. Да, она поддерживала его амбициозные планы, но столь открытое пренебрежение собственной безопасностью, готовность идти на риск ради получения сомнительных, с ее точки зрения, выгод, не могло не вызывать тревоги. Она писала ему, что успокоится только тогда, когда будет точно знать, что все завершилось и ее Уинстон настолько же здоров, как в день, когда покинул Англию. «Береги себя, любимый, – заклинала она его. – Буду с нетерпением ждать твоего письма»³⁴².

Добравшись до Ноушера, Черчилль отправился в лагерь: сорок миль галопом по изнуряющей жаре, затем на повозке по крутым извилистым дорогам к Малакандскому перевалу. Блада на месте не оказалось, с летучим отрядом он отправился на подавление грозного племени бунервалов. У молодого лейтенанта было несколько дней, чтобы экипироваться и подготовиться к будущим сражениям. Все необходимое – одежду, флагу, котелок, револьвер, бинокль и одеяло – можно было без проблем приобрести на местном аукционе, где активно распродавалось имущество павших солдат. У непривыкшего к суровым реалиям войны Черчилля столь циничное обращение с вещами покойных вызвало отвращение. Но иного пути не было, и, чтобы выжить в местных условиях, приходилось подчиниться безжалостным правилам военного времени³⁴³.

Обустроившись в лагере, Черчилль направил леди Рандольф две первые статьи³⁴⁴. Кубинский опыт позволял ему чувствовать себя спокойно и уверенно в незнакомой обстановке. Этот же опыт многое ему дал как начинающему журналисту. Но еще большего предстояло достичь. И в этой связи главная проблема заключалась в том, что *Daily Graphic* было далеко не самое влиятельное издание³⁴⁵.

Черчилль хотел играть по-крупному, не размениваясь на малопrestiжные проекты. Он попросил мать подыскать ему что-нибудь более стоящее. И леди Рандольф обратилась в знаменитую *The Times*, где главным редактором с 1884 года был друг ее мужа Джордж Бакл (1854–1935). Однако Бакл вынужден был отказать. Как выяснилось, газета уже прикомандировала к Бладу своего специального корреспондента – лорда Финкастла, полное имя – Александр Эдвард Мюррей, с 1907 года 8-й граф Данмор (1871–1962)³⁴⁶. Так началось негласное соперничество двух молодых людей. Формально – за право первым рассказать лондонской публике о событиях, разворачивающихся на северо-западной границе Индии. Реально – за приобретение популярности.

Неудача с *The Times* не остановила леди Рандольф. Она договорилась о публикации статей сына с владельцем *The Daily Telegraph* Эдвардом Леви Лоусоном (1833–1916). «Скажи Уинстону, чтобы он направлял образные и впечатляющие отчеты», – заявил газетный барон вдове экс-министра³⁴⁷. Ради того чтобы закрепиться в престижном издании, пришлось согласиться с урезанными гонорарами. Черчилль хотел получать за статью десять фунтов, но редакция согласилась платить за колонку только пять³⁴⁸. «Я не приму меньше десяти фунтов за статью и отправлю назад любой чек на меньшую сумму», – в горячности заявил Уинстон своей матери³⁴⁹. Так началась его борьба с издателями за гонорары, и пока издатели одерживали верх.

Другим неприятным моментом стала анонимность статей. Написав две первые статьи для *The Daily Telegraph*, Уинстон оставил на усмотрение матери – подписывать их или нет. Леди Рандольф обратится за консультацией к друзьям. Гилберт Джон, 4-й граф Минто (1845–1914), счел, что откровенные, содержащие критику материалы, вполне возможно, создадут ненужные проблемы, поэтому будет лучше, если публикация будет анонимной³⁵⁰.

Первая статья выйдет в номере от 6 октября и будет подписана «молодой офицер». Всего будут опубликованы пятнадцать статей. Одновременно с *The Daily Telegraph* Черчилль заключит контракт с индийской газетой *Allahabad Pioneer*, куда ежедневно отправлял заметки объемом триста слов. В свое время с *Pioneer* сотрудничал Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936), публиковавший на ее страницах свои ранние произведения³⁵¹.

Черчилль был крайне раздосадован тем, что его имя скрылось за безличной подписью. Но и леди Рандольф, как и графа Минто, у которого был немалый опыт армейской службы – он дослужился до звания полковника, – понять можно. Покинуть полк, разъезжать по фронтам и публично высказывать свое мнение – далеко не то поведение, которого ждали от младшего офицера. Мать настойчиво советовала Уинстону быть более сдержанным в своих высказываниях³⁵². Но ее сын не боялся выражать свою точку зрения, не боялся кого-то задеть и вообще не боялся проблем. «Я ценю мнение твоих лондонских друзей, но этот узкий круг совершенно не та аудитория, к которой я собираюсь обратиться, – напишет он леди Рандольф. – Я признаю, что определенные элементы всегда враждебны, но категорически не позволю им вмешиваться в мои дела»³⁵³.

Кроме скромных гонораров и анонимности, большое негодование Черчилля вызывало обращение с текстами. Во-первых, во время верстки проскальзывали ошибки. Во-вторых, делались купюры. Причем не в целях цензуры, а просто для сокращения объема, чтобы материал уместился на полосе. В частности, это коснулось третьей статьи Черчилля, из которой были удалены десять последних строк, что «нарушило баланс» заключительной части. В-третьих, Черчилль был недоволен местом своих статей в газете. «Я возлагаю на них большие надежды, и мне очень неприятно, если им будет суждено потеряться в незначительности», – скажет он матери и попросит ее просматривать тексты, «исправлять орфографию», «переписывать каждое корявое предложение»³⁵⁴.

Подобные просьбы весьма показательны. Уже с первых работ Черчилль стремился добиваться высокого качества публикуемого материала. С юношеских лет он полюбил слово и знал цену хорошему изложению. Это касалось не только статей, но и писем. Его возмущало, что эпистолярный стиль стал «коротким» и «отрывисто грубым». Он даже придумал для него новое прилагательное – «телеграмматичный». Другое дело раньше, когда «работа над письмами была целым искусством». В качестве примера он приводил письма своей бабки, вдовствующей герцогини Мальборо, написанные «хорошим языком», «лишенным сленга», письма, в которых чувствовался стиль³⁵⁵.

Работая над статьями, Черчилль с самого начала старался уделять большое внимание не только фактам, которые должны были заинтересовать читателя, но и манере изложения – увлекательной, оставляющей приятные впечатления после прочтения. Он считал, что журналистам принадлежит большая роль в сохранении и распространении «чистого и правильного» языка. В одном из своих первых интервью Черчилль возмущался, что никто не заботится о языке, что с легкостью «отвергаются старые конструкции» и «принимаются новые обороты». В Афинах и Древнем Риме, говорил он, высокообразованная часть населения следила за развитием языка, определяя стиль общения и изложения своих мыслей, а «сегодня язык не черпает вдохновение из лучших источников. Он развивается по пути наименьшего сопротивления, следуя за теми, кто менее всего подходит для этих целей». В результате язык «распадается на диалекты»³⁵⁶.

Крупные издания должны изменить эту прискорбную тенденцию, считал Черчилль. Сам он прилагал немалые усилия, готовя тексты³⁵⁷. Он давал высокую оценку всем своим материалам, направленным в *The Daily Telegraph*, гордился ими³⁵⁸, но больше всего ему нравились пятая и последняя статьи. Как автор, Черчилль считал, что эти две публикации – «лучшее из всего написанного мной в настоящий момент». «В них выдержано каждое предложение, каждое слово находится на своем месте». Он попросил, чтобы леди Рандольф показала его тексты профессионалам, специализирующимся на английской литературе³⁵⁹. Мнение филологов нам не известно. Зато известно мнение преподобного Джеймса Уэллдона, который, прочитав статьи своего ученика, счел, что тот «в высшей степени обладает особыми способностями журналистов схватывать яркие и интересные черты» происходящих событий. «Уинстон и в самом деле очень умен и должен оставить след в этом мире», – скажет он в октябре 1897 года леди Рандольф³⁶⁰.

Что касается боевых действий, первые несколько дней на фронте были спокойными. В составе штаба Блада Черчилль покинул лагерь в Котале, прошел через долину Хара в Чакдару, затем через Сарай и Коткай прибыл в Госам. По дороге он наслаждался «мрачными, но величественными» горными пейзажами, отвесными утесами, а также «стремительной и опасной» рекой, унесшей жизни двух артиллеристов³⁶¹.

Всё оказалось гораздо серьезнее, чем гусар предполагал изначально. На Кубе он уже видел, что значит партизанская война, однако здесь, на северо-западной границе Индии, она носила еще более тотальный и жесткий характер: «Каждый дом превратился в крепость, каждая деревня – в фортификацию. Каждый житель с самых ранних лет, когда он уже достаточно силен, чтобы бросить камень, и до последнего вздоха, пока у него есть силы нажать на курок, превратился в солдата»³⁶².

Пока пехота оставалась в Госаме, кавалерия проводила рекогносцировку местности. Уинстон получил разрешение участвовать в разведывательных мероприятиях. Десятого сентября он вместе с майором Гарольдом Артуром Дином (1854–1908) посетил нескольких вождей в долине Джандола³⁶³.

На следующий день он сопровождал капитана разведки Генри Эрнеста Стэнтонна (1861–1943), которому было поручено составить топографические карты проходов в Утман Хел. «Ландшафт здесь один из самых необычных, что мне приходилось видеть», – свидетельствует Черчилль. На противоположном берегу реки, который контролировали утманхельцы, он насчитал сорок шесть замков со рвами и башнями, расположенными на площади двадцати квадратных миль. Возникло ощущение, что он оказался в «фантастической стране, приюте великанов и людоедов». Затем отряд устремился к вершине перевала, откуда открылся потрясающий вид на долину. «Вероятно, на нее не смотрел ни один белый человек с тех пор, как Александр пересек эти горы на пути в Индию»³⁶⁴, – напишет Черчилль.

Собрав необходимую информацию, Блад решил вторгнуться на территорию мохмандов двумя путями – через Навагайский перевал и через перевал Рамбат. Штабной персонал был переведен во 2-ю бригаду под командованием бригадного генерала Патрика Дугласа Джеффриза (1848–1922), ей предстояло форсировать Рамбат. Однако, узнав, что мохманды готовы дать отпор, Блад отдал распоряжение, чтобы 16 сентября Джеффриз покинул укрепленный лагерь у Инаят Кила и вторгся в Мамундскую долину в устье реки Вателай. Достигнув означенного места, 2-я бригада рассредоточилась – 35-й Сикхский полк направился к холму, а кавалерия осталась внизу, продолжая контролировать долину и поддерживать связь с основными силами.

Черчилль решил присоединиться к сикхам. Отдав лошадь сипаю, он вместе с пехотой пошел наверх по склону холма. Уже на самой вершине отряд подвергся нападению. Из укрытий стали выбегать мохманды, тут и там раздавались воинственные кличи, засверкали сабли. Черчилль достал револьвер и начал отстреливаться. Когда барабан опустел, он продолжил стрелять из ружья, позаимствованного у одного из сикхов. «Я ничуть не волновался и почти не испытывал страха, – сообщил он матери. – Когда дело доходит до смертельной опасности, волнение отступает само собой. Я схватил ружье и выстрелил раз сорок. Не могу утверждать точно, но мне кажется, что я попал в четырех человек. По крайней мере, они упали»³⁶⁵.

В связи с большими потерями, которые понесла полевая армия Блада, были произведены срочные переформирования, коснувшиеся и нашего искателя приключений. Он был приписан к 31-му Пенджабскому пехотному полку. Само по себе это было очень странное назначение. Во-первых, под началом двадцатидвухлетнего лейтенанта оказались порядка ста человек. Во-вторых, кавалерист был переведен в пехоту. И наконец, в-третьих, это был уникальный случай с назначением британского офицера в туземный полк³⁶⁶.

С участием Черчилля в Малакандской кампании будет связана одна тема, которой придается неоправданно важное значение в жизни британского политика; тема эта обросла слухами и сплетнями, большинство из которых весьма далеки от действительности. Речь идет об алкоголе. А дело все в том, что именно на северо-западной границе Индии Черчилль распробует виски, которому сохранит верность на всю свою жизнь. Правда, приобщение к этому напитку будет вызвано не поиском удовольствия, а интересами собственной безопасности и заботой о собственном здоровье. До службы в Индии Черчилль терпеть не мог виски. «Мне было непонятно, как моим сослуживцам удастся вливать в себя столько виски с содовой, – вспоминал он. – Я любил белое и красное вино и особенно шампанское; в исключительных случаях мог пропустить стаканчик бренди. Но от этого копченого питья меня всегда воротило»³⁶⁷.

Причина, почему ему пришлось пересмотреть свои взгляды, заключалась в грязной воде, которую во избежание отравления приходилось дезинфицировать крепкими напитками. И в этом случае виски подходил лучше всего. За время службы Черчилль не только превозмог отвращение к скотчу – отныне он стал его любимым напитком. «На отвоеванной территории я закрепился навсегда, – скажет он впоследствии. – Когда приучишь себя к вкусу виски, то начинаешь находить смак в том, от чего прежде передергивало»³⁶⁸.

В 1930-х годах, собирая материалы для биографии 1-го герцога Мальборо, Черчилль прочитает «солидную и эрудированную» книгу *Divi Britannici* 1675 года, написанную его двойным тезкой, отцом великого Джона – сэром Уинстоном Черчиллем (1620–1688). Внимание политика привлечет фрагмент, где его дальний предок развивает теорию, будто британцы получили свое название от употребляемого ими крепкого напитка – виски, который греки называли *bruton* или *bruteion*, а по-другому – ячменное вино (*barley wine*)³⁶⁹.

Одновременно с виски пальму первенства среди любимых алкогольных напитков британского политика держало шампанское. «Не могу жить без шампанского, – признавался

Черчилль. – В час победы я его заслужил, в час поражения оно мне просто необходимо»³⁷⁰. Определенное представление о том, какую именно роль шампанское играло в жизни британского аристократа, можно сделать из следующего его высказывания, касающегося финансового благополучия: «В моей жизни никогда не было дня, когда я не мог заказать себе бутылку шампанского и предложить еще одну другу»³⁷¹.

Символично, что одно из самых ярких описаний воздействия шампанского на свой организм Черчилль сделал в своей первой книге, посвященной именно Малакандской войне. Он сравнивает напиток с участием в боевых действиях: «Один бокал шампанского вызывает веселье. Нервы напряжены, воображение взволновано, остроумие – оживлено. Бутылка приводит к обратному эффекту. Неумеренность вызывает коматозную невосприимчивость»³⁷².

Если говорить о том, какие марки нравились Черчиллю, то в отношении виски он разделял вкусы Питта и Пальмерстона, предпочитая *Johnnie Walker (Black и Red Label)*³⁷³, а в отношении шампанского – в начале *Giesler*, затем *Pol Roger*³⁷⁴, особенно урожая 1921³⁷⁵, 1928 и 1934³⁷⁶ годов, в отношении коньяка – *Hine*⁴⁴³⁷⁸.

Сохранилось множество высказываний политика, из которых можно сделать выводы о его увлечении алкоголем. Например, в беседе с королем Георгом VI в январе 1952 года: «Когда я был моложе, я взял за правило никогда не пить раньше ланча, сейчас я руководствуюсь правилом никогда не пить до завтрака»³⁷⁹. В другой раз Черчилль посоветует простудившемуся монарху выпить горячительный напиток. Услышав, что врачи разрешают Его Величеству пить только после наступления темноты, политик перевел все в шутку: «А мои врачи не разрешают мне пить до завтрака, но я их не слушаю»³⁸⁰.

Или другой случай, когда Черчилля посетили в Чартвелле двое мормонов.

– Можно мне воды, сэр Уинстон? – спросил один из них. – Воду пьют львы.

– Ее также пьют и ослы, – тут же парировал государственный деятель³⁸¹.

Однако, пожалуй, самым известным эпизодом на алкогольную тему является обмен колкостями в 1946 году с членом палаты общин Элизабет Маргарет (Бесси) Брэддок (1899–1970).

– Уинстон, вы пьяны, более того, отвратительно пьяны, – заявила депутат лейбористов.

– Бесси, моя дорогая, вы безобразны, более того, отвратительно безобразны, – произнес Черчилль. – Но завтра я протрезвею, а вы так и останетесь отвратительно безобразной.

Этот эпизод действительно имел место. Но его описание будет неполным, если не добавить один важный нюанс. Вступив в диалог с Брэддок, Черчилль не был пьян. Он покидал палату общин после утомительного дня. Усталый вид Черчилля, по всей видимости, и спровоцировал неуместную реплику представительницы Лейбористской партии. Не исключено, что это задело пожилого политика, который отреагировал неожиданно резко, поставив Брэддок на место. И еще одно необходимое пояснение. В своем ответе Черчилль, большой киноман, перефразировал реплику из фильма 1934 года «Это подарок» (главную роль в нем сыграл американский комик Уильям Клод Филдс (1880–1946)): «Мда, а вы сумасшедший. Но завтра я протрезвею, а вы так и останетесь сумасшедшим на всю жизнь»³⁸².

Никто из близкого окружения Черчилля, будь то его родственники, коллеги, секретари или помощники, никогда не видели политика в неподобающем его статусу виде³⁸³. Главным правилом, которым руководствовался Черчилль, было – знай меру. Например, он всегда пил только сильно разбавленный виски³⁸⁴, который его секретарь Джон Колвилл даже прозвал

⁴⁴ Относительно армянских сортов. В архиве Черчилля не найдено подтверждений, что он и в самом деле получал армянский коньяк.

«жидкостью для полоскания рта»³⁸⁵. Черчилль считал, что крепкий виски вреден для здоровья³⁸⁶. По словам помощника, бокал с хорошо разбавленным виски мог часами стоять на столе политика, являясь такой же частью его имиджа, как и сигара³⁸⁷.

В свете этих фактов не таким уж необычным выглядит пари, заключенное между Черчиллем и Гарольдом Сиднеем Хармсвортом, 1-м виконтом Ротермиром (1868–1940). Хармсворт обещал выплатить политику шестьсот фунтов, если тот за период с 30 ноября 1935 года по 30 ноября 1936 года не выпьет ни капли коньяка или другого неразбавленного алкогольного напитка³⁸⁸. Черчилль победил. «Я еще никому не платил с таким удовольствием», – скажет Хармсворт, вручая Уинстону чек, который он «так храбро заслужил»³⁸⁹. На следующий год будет заключено еще одно пари, которое также закончится победой Черчилля, принеся ему еще пятьсот фунтов³⁹⁰. Было и третье предложение – один год полностью без алкоголя, но Черчилль его не принял, объяснив супруге, что «в таком случае жизнь не будет стоить того, чтобы ее прожить»³⁹¹.

Подводя итог этой теме, приведем высказывание Черчилля, которое лучше всего передает его отношение к спиртным напиткам: «Я взял от алкоголя больше, чем он взял от меня»³⁹².

За небольшое время службы в составе войск генерала Блада Черчилль также примет участие в сражениях при Домадоле, Загайи и Агре, где будет под огнем в течение пяти часов³⁹³. По иронии судьбы, однажды он чуть не погибнет от рук сослуживца, который неосторожно обращался с заряженным револьвером³⁹⁴.

Опасности не смущали Черчилля. Наоборот, они его возбуждали. Он «с готовностью лез на рожон, только и надеясь на захватывающее приключение»³⁹⁵. Когда дым сражений рассеется, он будет вспоминать пережитое и говорить: «Пули, да они даже не достойны упоминания. Я не верю, что Господь создал столь великую личность, как я, для столь прозаичного конца»³⁹⁶. Своей матери он писал после возвращения в Бангалор: «Я видел, как убивают и ранят множество людей, я слышал свист и звуки попадания пуль, такого огромного количества пуль, что, если я возьмусь их сосчитать, ты мне не поверишь. Но ни одна пуля не подлетела ко мне ближе, чем на фут. Мне чрезвычайно повезло»³⁹⁷.

Леди Рандольф не нравился столь бравурный настрой сына. Еще никогда в жизни она так не нервничала. Уинстон находился за тысячи миль, письма порой не приходили по нескольку дней. Она пыталась утешить себя мыслью, что отсутствие вестей с фронта – уже хорошая новость, но подобное самоуспокоение помогало мало. «Ты можешь себе представить, как много я думаю о тебе, – писала она ему в разгар кампании. – Как в глубине души я буду рада скорейшему окончанию войны, когда буду знать, что целым и невредимым ты вернулся в Бангалор»³⁹⁸.

Озабоченность леди Рандольф легко понять, чего нельзя сказать о поведении Уинстона, который считал огромной удачей попасть на фронт³⁹⁹, а само время участия в боевых действиях называл «самым выдающимся и восхитительным периодом» своей жизни, давшим «ему новый стимул»⁴⁰⁰.

Черчилль считал, что участие в сражениях полезно с профессиональной точки зрения. «Воевать на Индийском фронте – это опыт, не имеющий себе равных», – указывал он⁴⁰¹. Также ему было приятно осознавать себя ветераном⁴⁰². Он находил в боевых действиях и другие приятные моменты, которые, благодаря литературному таланту, смог донести до своих читателей:

«Здоровый свежий воздух, яркие события, возбуждение, благородная и радостная дружба, шансы отличиться, доступные каждому, делают жизнь острее и интереснее, наполняя ее редкими удовольствиями. Неопределенность и важность настоящего уменьшают значение прошлого и будущего, делают его незначительным, избавляют голову от мелких проблем. А когда все уже позади, остаются воспоминания, которые мало кто из людей не считает драгоценными. Что же до трудностей, они хоть и суровы, но переносимы»⁴⁰³.

В этих словах содержится не только панегирик фронтовой жизни – написанные двадцатитрехлетним молодым человеком, они четко обозначают мировоззрение Черчилля, его любовь к опасностям и кризисам. К тем моментам, когда каждодневные проблемы отступают на второй план; к тем минутам, когда ты остаешься один на один с собой, со своими переживаниями и страхами; к тем мгновениям, которые если не уничтожают, то закаляют. В этих словах содержатся и другие важные качества его личности: любовь к новизне, любопытство, способность наслаждаться моментом, получать максимальное удовольствие и извлекать максимальную пользу (включая познавательный опыт) от событий, от встреч с людьми и от идей, с которыми удастся соприкоснуться.

Но за все – и за опыт, и за удовлетворение любопытства, и за наслаждения – приходится платить. Черчиллю относительно повезло. Он расплачивался лишь неудобствами бытового свойства. После сражения в Мамундской долине начался жуткий ливень, превративший лагерь в «море грязи». Ожидая нападения, генерал Джеффриз приказал уменьшить периметр лагеря. Большинство палаток было снято, лишив солдат необходимого укрытия. Измученные, они валились с ног от усталости, засыпая в грязь⁴⁰⁴.

Эти и подобные им неудобства еще можно было снести, если ты здоров. Но у Черчилля после сражения при Агре 30 сентября началась лихорадка. Жутко разболелась голова, температура поднялась до 39,5°. Закутавшись в макинтош, он лежал в наспех вырытом окопе, всего полметра глубиной, который должен был защитить его от ночного артобстрела. О чем он думал в тот момент?

Зная ответ на этот вопрос, можно было бы с уверенностью определить главный мотив поведения Черчилля. И этот ответ известен. Лежа в окопе, Уинстон писал письмо своей матери, которое позволяет, «приподняв занавес за краешек», заглянуть в его внутренний мир. Признав, что «немного пищи и философский склад характера – единственные жизненно необходимые вещи», и добавив, что эта «странная жизнь» его «забавляет», он думал о своей избранности, о своем предназначении, о вере в удачу!⁴⁰⁵

Им руководила не только жажда приключений или новых впечатлений – им руководило желание отличиться. И ради этого он готов был рисковать собственной жизнью. Только ради того, чтобы его заметили и отметили, он гарцевал на своей серой лошади на линии огня⁴⁰⁶. «Я играю по высоким ставкам, – писал он матери. – Я делал так трижды – 18, 23 и 30-го числа. Слава – осмеянная, мелодраматичная, униженная – по-прежнему остается самой важной вещью на земле. Жизнь Нельсона должна служить уроком для молодежи»⁴⁰⁷. Черчилль сознательно развивал в себе смелость, стремясь заработать репутацию храбреца. В его представлении амбиции можно было удовлетворить смелыми поступками, а смелые поступки мотивировались амбициями, что создавало мощнейшее взаимозависимое звено в цепи жизненного успеха.

Уже в первые годы его работы в парламенте и на государственной службе современники будут говорить, что «среди всех талантов и способностей мистера Черчилля наиболее замечательным качеством является его смелость»⁴⁰⁸. Если же говорить о желании отличиться, то в мировоззрении субалтерна оно было неотделимо от награды. Поэтому, едва

оказавшись под огнем, он сразу стал мечтать о медалях⁴⁰⁹. Он и брату своему советовал не чураться знаков отличия, хватаясь за любую возможность получить их⁴¹⁰.

В какой-то мере ожидания Черчилля оправдаются. Вначале его отметят в официальном отчете: «Генерал Джеффриз похвалил смелость и решительность лейтенанта 4-го гусарского полка У. Л. С. Черчилля за оказание полезной помощи в критический момент сражения»⁴¹¹. Затем о нем положительно отзовется генерал Блад в переписке с полковником Брабазоном⁴¹² и леди Рандольф⁴¹³. Последней было приятно, что ее сына отметили⁴¹⁴. Приятно было и самому Черчиллю⁴¹⁵. За участие в Малакандской кампании его наградят «Медалью Индии», а также значком «Пенджабский фронтовик». Генерал Блад считал, что, если Уинстону повезет, он станет обладателем «Креста Виктории» или кавалером ордена «За выдающиеся заслуги»⁴¹⁶.

Несмотря на участие в боевых действиях на четырех континентах, потомок генерала Мальборо никогда не получит ни «Креста Виктории», ни ордена «За выдающиеся заслуги». На то будут свои причины, связанные не с отсутствием подвигов, а скорее с манерой поучать старших по званию и публично выражать точку зрения, расходившуюся с официальной. «У меня было много медалей за приключения и ни одной – за храбрость», – с грустью признается он в конце жизни⁴¹⁷.

Пройдут годы, и Черчилль будет сам определять кого, как и за что награждать. Опытный управленец, он прекрасно понимал, насколько важную роль в мотивации играет вовремя сделанное поощрение. Понимал он и то, что, составляя наградные списки, следует руководствоваться не желанием отметить угодных, а необходимостью признать достойных. Нет ничего легче, чем девальвировать награду. «Всё каждому – значит никому ничего», – считал он. Именно по этой причине Черчилль осудит награждение в годы Первой мировой войны принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VIII (1894–1972), «Военным крестом». Да, наследник престола был в окопах, но его личный вклад в войне не столь велик, чтобы вручать ему награду, обесценивая подвиги тех, кто действительно заслужил ее⁴¹⁸.

Также, по мнению Черчилля, отличия на военной службе – хорошее основание для успешной политической карьеры. После окончания Второй мировой войны он станет активно призывать офицеров баллотироваться в парламент, наивно полагая, что фронтовые успехи положительно влияют на выбор электората. Однако на самом деле это часто приводило к противоположному результату⁴¹⁹.

Наблюдая за стремлением Черчилля отличиться и быть отмеченным, уместно задаться вопросом о тщеславности нашего героя. Премьер-министр Герберт Асквит, не один год работавший с Черчиллем, во время кризиса 1915 года будет обвинять своего коллегу в том, что он «поглощен тщеславием»⁴²⁰. Аналогичного мнения придерживался и Дэвид Ллойд Джордж, называвший тщеславие «худшей чертой Уинстона»⁴²¹.

Коллеги были правы. В определенной степени Черчилль действительно обладал этим качеством, заметив однажды, что «тщеславие – порок, способствующий развитию многих добродетелей»⁴²². Уже в молодости он любил собирать о себе хвалебные отзывы и даже однажды признался матери, что «мое тщеславие является для меня большим источником наслаждения»⁴²³. «Удовлети мое тщеславие, направив мне доброжелательные отзывы, которые услышишь», – просил он леди Рандольф после первого публичного выступления в Бате⁴²⁴. Ссылаясь на свое «ненасытное тщеславие», он просил также прислать «все вырезки», в которых встречаются упоминания о его первой книге⁴²⁵.

При всем этом тщеславие – в понимании тщетной славы – никогда не было для Черчилля определяющим мотивом. На его действия гораздо больше повлияли честолюбие и

амбиции. Он всегда держал в голове цель, к которой стремился и на достижение которой направлял основные усилия. Такая модель поведения будет свойственна ему всю жизнь, и этой же модели он придерживался во время своей первой крупной военной кампании в Индии. Упоминания в официальных отчетах и публикация статей в *The Daily Telegraph* добавляли приятные минуты, связанные с осознанием собственного успеха, но истинная цель стремления заявить о себе заключалась в ином. Черчилль готовил себе плацдарм для начала успешной политической карьеры. Популярность была ему нужна, чтобы создать определенный имидж в глазах будущих избирателей⁴²⁶. Именно по этой причине для него так важно было авторство статей, которые, как он надеялся, «произведут хорошее впечатление»⁴²⁷ и дадут «великолепную возможность показать свое имя перед страной в правильном и привлекательном свете»⁴²⁸.

Очень скоро Черчилль пришел к мысли идти дальше, чем просто писать статьи для газет. Следуя принципу получать от жизни по максимуму, он решил использовать свой военный опыт, материалы, накопившиеся за это время, знание «места событий, людей и фактов», а также прирожденный талант писателя для написания книги о Малакандской военной кампании. Эта «замечательная идея» посетила Уинстона, когда он еще находился в Наушере⁴²⁹. По его прогнозам, книга должна «хорошо продаваться и пойдет мне на пользу»⁴³⁰. Ее публикация не только позволит компенсировать анонимность статей, но и принесет «значительные выгоды по всем направлениям: финансовому, политическому и даже военному»⁴³¹. «Печатай, пока железо горячо, а чернила жидкие», – сформулирует он свой новый девиз и начнет активно следовать ему⁴³².

Мотивы Черчилля понятны. Но будет ли интересен его рассказ читателям? Боевые действия, проходившие в сентябре 1897 года на границе Индии и Афганистана, представляли собой локальное событие, и не только по масштабу, но и по результатам. Они не оказали особого влияния ни на дальнейшую судьбу Индии, ни тем более Британской империи. Кому какое дело в Лондоне до этих перестрелок за тысячи миль? Черчилль считал – самое непосредственное. По его мнению, подобное описание пограничных войн не только «не лишено интереса», но и «способно дать пищу для размышлений».

«При конфликтах между цивилизованными нациями сталкиваются огромные, многотысячные армии, – объяснял он значение своего будущего труда. – За гарью и пылью мало что увидишь, кроме сплошных разрушений. Но на границе, в ясном утреннем свете, когда склон горы начинает покрываться клубами порохового дыма и каждый гребень сверкает сталью мечей, наблюдатель может увидеть и оценить все степени человеческой храбрости. Он увидит преданность и самопожертвование, холодный расчет и твердую решимость. Он сможет разделить моменты дикого энтузиазма или дикой ярости и смятения. Искусство командира, качество войск – вечные основы искусства войны – будут представлены не менее ясно, чем на полях исторических сражений прошлого. Иным будет только масштаб».

В своей книге он намеревался «пролить свет на великую драму пограничной войны», описав «военные операции Малакандской действующей армии, проследив их политические результаты», а также дав, «насколько возможно, общую картину жизни на индийских нагорьях»⁴³³.

В ноябре он сообщит леди Рандольф и брату, что книга будет называться «История Малакандской действующей армии». В посвящении будет указано имя человека, к которому Черчилль относился с огромным уважением и благодарностью за его доброту, человека, без которого его участие в этой войне было бы невозможно: генерал-майор сэр Биндон Блад⁴³⁴. Его же фотографию он планировал поместить на фронтиспис⁴³⁵.

Уинстон сохранит с Бладом теплые и дружеские отношения до последних дней генерала. А его жизнь будет долгой. Родившись в четвертый год правления королевы Виктории, он переживет саму королеву, ее сына и внука и встретит начало Второй мировой войны. После назначения на пост Первого лорда Адмиралтейства в сентябре 1939 года Черчилль найдет время, чтобы позвонить семье Блада и справиться о самочувствии генерала. Узнав об этом звонке, сэр Биндон, который к тому времени уже был слаб умом и телом, ободрится и воскликнет: «Уинстон – великий человек». Он будет порываться надеть военную форму, заявляя, что должен отправиться воевать⁴³⁶. Скончается генерал 16 мая 1940 года – на шестые сутки после того, как его бывший подопечный станет премьер-министром Великобритании.

Определившись с темой книги, Черчилль вернется в Бангалор и приступит к активному сбору материала. Для получения дополнительных фактов, мнений и оценок он обратится ко всем старшим офицерам и колониальным чиновникам, с которыми успел познакомиться. Одновременно он попросит леди Рандольф прислать ему официальные отчеты парламента, а также «взгляды, точки зрения и заявления» ключевых политиков, повлиявших на военный конфликт⁴³⁷. Черчилль поймал себя на мысли, что чтение парламентских отчетов доставляет ему удовольствие. Ему было «интересно наблюдать за душевными волнениями», скрываемыми под «неизменной маской официального должностного лица», той самой маской, которую даже «самые беспечные мужчины вынуждены носить, едва становятся министрами»⁴³⁸.

В середине ноября 1897 года Черчилль сообщит матери, что «работает над книгой непрерывно». Он уже смог «добиться значительного успеха как в сборе материала, так и в написании самого текста»⁴³⁹.

Уинстон торопился. Он и так-то никогда не привык медлить, а тут еще выяснилось, что он был не единственным бегуном на дистанции. Одновременно с ним к финишу первой публикации стремился лорд Финкастл, тот самый, который обошел его с устройством в *The Times*. «Какая досада! – восклицал Черчилль. – Тема слишком узкая, чтобы хватило места для двух книг»⁴⁴⁰. С будущим конкурентом он познакомился в начале 1897 года. Финкастл много рассказывал ему о своей службе в Египте, где уже успел заработать три медали. Они обменялись головными уборами и стали «друзьями»⁴⁴¹. Дружбе пришел конец, едва они навели свои творческие стрелы на одну цель.

Черчилль попытался связаться со своим визави, но тот проигнорировал его письма. «Со всеми его достоинствами, Финкастла нельзя отнести к хорошим парням, – прокомментировал Уинстон. – Но и я не уступлю»⁴⁴². В глубине души Черчилль не видел в Финкастле, который писал книгу с соавтором, серьезного соперника: «Один напишет одну главу, другой – другую. Небрежность. Он никогда не относился к жизни серьезно»⁴⁴³.

Леди Рандольф поддерживала сына. Она также была невысокого мнения о лорде Финкастле, считая его «глупой собакой»⁴⁴⁴. Она верила в Уинстона, и верила, что на этот раз ее мальчик будет первым. Черчилль же стал работать еще интенсивнее – шесть – восемь часов в сутки, обещая завершить книгу не позднее первой недели января 1898 года⁴⁴⁵. В процессе написании книги он с радостью обнаружит, что ему приятен не только творческий процесс. Ему нравилось трудиться, и он открыл в себе «огромную силу прилежания, о которой ранее не подозревал»⁴⁴⁶. Впоследствии трудолюбие станет характерен для Черчилля, сыграв не последнюю роль в его успехе. «Я могу по пальцам пересчитать дни, когда маялся от безделья», – признавался он, воспринимая жизнь как «нескончаемый фильм, в котором играешь главную роль». «Страшно увлекательно!»⁴⁴⁷.

Первоначально Черчилль планировал опираться на свои статьи в *The Daily Telegraph*. Но по мере погружения в работу понял, что этого материала недостаточно. Он начал переписывать целые куски, добавляя факты и сведения, приходящие чуть ли не ежедневно в ответ на его запросы. К началу декабря книга была уже почти закончена, но поступающая «свежая информация и более интересные детали» не давали возможность поставить точку⁴⁴⁸.

Пришлось также задуматься о формате подачи материала. Книга задумывалась как описание военных событий, происходящих за тысячи миль от Англии. Для этой цели наиболее удачно подходил формат личных воспоминаний, который позволял познакомить читателей с «множеством фактов, слишком локальных, слишком конкретных, слишком незнательных для исторического повествования» и сформировать «истинное представление» о происходящем⁴⁴⁹.

Но подобный формат имел и свои недостатки. По мнению начинающего автора, повествование, основанное на личных воспоминаниях, хотя и являлось «более живописным», уступало в «грандиозности». Приобретая «яркость», оно лишалось «беспристрастности». И если информация была «более точна и детализирована», то само описание теряло в «соразмерности» и грешило преувеличением значения отдельных эпизодов⁴⁵⁰. Так, например, будет с описанием сражения в Мамундской долине, которое для автора было связано со «столькими яркими эпизодами и воспоминаниями, что оно приобрело значение, выходящее за рамки его действительного места в истории»⁴⁵¹.

Подойдя к рассказу о сражении в Мамундской долине, Черчилль попросит читателя «сделать скидку на то, что я называю личной перспективой»⁴⁵². В целом же он решит расширить горизонты повествования, а также сократит упоминания о личном участии в описываемых событиях, не отказываясь от них полностью⁴⁵³.

Таким образом, уже работая над первой книгой, Черчилль поймет важность смены фокуса изложения с короткого на длинный, охватывающий широкую перспективу, и обратно, с передачей сути сложных событий без экономии на деталях и упрощения приводимых фактов. В последующих произведениях он будет развивать этот прием, который станет характерной составляющей его стиля, построенного на совмещении личных переживаний и личного опыта участия с объективным анализом событий⁴⁵⁴.

Примечательно, что уже в первой книге проявилась любовь Черчилля к иллюстрациям. Он относил свою работу к серии «дешевых и популярных» изданий, замечая при этом, что не потерпит в ней некачественного художественного материала⁴⁵⁵. Уинстон воспитывался на образном иллюстративном материале, которым пестрели газеты, журналы и книги периода позднего Викторианства. Он хотел, чтобы в его книге тоже были рисунки, изображавшие баталии и пейзажи.

Для иллюстрации своего опуса молодой автор хотел привлечь майора Эдмунда Хобдея (1859–1931), «самого искусного художника, который был свидетелем всех операций»⁴⁵⁶. Но его вновь обошел на повороте лорд Финкастл. Для своей книги он умудрился найти шестнадцать иллюстраций, одна из которых, рисунок «Рекогносцировка кавалерии в Малаканде», была нарисована именно майором Хобдеем⁴⁵⁷. В работе Черчилля будет только семь иллюстраций и ни одного рисунка. В книгах совпадет первая иллюстрация: фотография генерала Блада. Хотя и здесь Финкастл окажется на полкорпуса впереди: в его книге в левом верхнем углу фотография будет украшена автографом военачальника.

Черчилль частично возьмет реванш, подготовив более содержательные и удобные карты. Он всегда любил карты и считал их важным элементом повествования, позволяющим облегчить понимание описываемых событий, проследить ход сражений, оценить решения полководцев. Готовя книгу к выпуску, он настаивал на привлечении «высокопрофессиональ-

ного картографа», а также на тщательной проверке всего топографического материала⁴⁵⁸. В его книге будет шесть удобных, понятных и наглядных карт: две общие цветные карты на развороте и четыре схематические черно-белые карты, посвященные конкретным боевым сражениям. В книге Финкастала – только одна карта, которая вряд ли могла в полной мере облегчить восприятие текста.

Забегая вперед, скажем, что сразу после назначения Черчилля на пост первого лорда Адмиралтейства он разместит за своим рабочим столом огромную карту Северного моря с обозначением на ней судов германского военно-морского флота. Отдельная комната для карт будет также выделена в загородном доме политика, Чартвелле, в 1930-е годы. Не каждый государственный деятель в мирное время приспособливает жилые помещения для военных карт!

В конце декабря 1897 года Черчилль сообщит матери, что книга практически закончена, осталось только «проверить факты» и добавить «несколько интересных деталей». Чтобы не терять времени, которого и так не было, он попросил леди Рандольф начать активный поиск издателей.

Точка будет поставлена в последний день 1897 года, на неделю раньше запланированного срока. Для написания текста объемом восемьдесят пять тысяч слов ушло два месяца. Неплохой результат для человека, не имевшего высшего образования.

«Я очень торопился, поэтому, возможно, в книге есть ошибки и пропуски», – напишет он в сопроводительном письме леди Рандольф. Уинстон не планировал проводить масштабную редактуру. Так, подправить неудачные предложения, убрать стилистические и содержательные повторы. Кроме того, он попросил мать уделить внимание «разбиению на абзацы», «правописанию имен и названий» и «пропущенным словам. И отдельная просьба – проверить все цитаты.

Черчилль также попросил, чтобы леди Рандольф обратилась к Моритону Фревену (1853–1924), супругу ее старшей сестры Клары, с предложением стать редактором и корректором книги. А если он откажет, сделать аналогичное предложение супругу другой сестры – Айвору Берти Гесту (1835–1914). Если и тот откажет, поискать кого-то еще – «способного и умного». Хотя больше всего надежд и симпатий было связано с кандидатурой Фревена. «Он лучший, и я уверен, он согласится», – предположил Черчилль и не ошибся, правда, только в одной части. Фревен действительно согласился поработать с книгой. Но считать его лучшим было ошибочно, и Уинстон сам в этом скоро убедится. А пока он спешил, неоднократно повторяя, что «время – самый важный фактор». По его информации, лорд Финкастл вот-вот должен был завершить свой труд.

Одновременно с поиском редактора и корректора Уинстон попросил мать урегулировать вопрос с гонораром. Он признавался, что плохо разбирается в вопросе финансового взаимодействия издателя и автора. С учетом понесенных затрат – чего стоили одни почтовые отправления рукописи и сопроводительных материалов – молодой автор планировал получить за книгу не менее трехсот фунтов плюс роялти за продажу каждого экземпляра. Примечательно, что, обсуждая гонорар, Черчилль делает интересную приписку: сумма указывалась за первое издание. Это очень показательно для будущего политика. Выпуская первую книгу, он уже держал в уме возможность последующих изданий и переизданий⁴⁵⁹.

Черчилль вообще придерживался убеждения, что, будучи написанными, книги должны публиковаться. А также, и это самое главное, приносить финансовую выгоду. «Нехорошо писать ради денег, но нет ничего плохого в том, чтобы получать деньги за написанное», – считал он⁴⁶⁰. «Полезность большинства вещей может быть оценена в денежном эквиваленте, – разовьет Черчилль свою мысль в 1909 году. – Я не верю в написание книг, которые не продаются, или пьес, за которые не платят. Единственным исключением из этого правила явля-

ются произведения, которые могут быть отнесены к высокому искусству и которые ценятся очень немногими»⁴⁶¹.

Это высказывание отчетливо передает взгляды Черчилля, рассматривающего собственные книги как источник дохода и весомый вклад в публичный образ. Какая из этих двух составляющих была для него важнее, он и сам до конца не знал. Когда он писал книги, для него, скорее всего, важнее были деньги; когда его произведения публиковались – на первый план уже выходил читательский интерес, и не только к книге, но и к личности автора. С годами второе, разумеется, стало превалировать, поскольку заботиться уже надо было не о сиюминутном материальном интересе, а о том, как твои действия будут воспринимать другие поколения. И в этом отношении Черчилль создал мощный задел, на голову превзойдя своих современников. Да и не только современников.

Леди Рандольф активно подключилась к продвижению книги. Она переговорила с Артуром Бальфуrom, который честно признался, что не читал статей Уинстона в *The Daily Telegraph*, но слышал о них много «лестных отзывов». Бальфур посоветовал обратиться к «издательскому брокеру» (понятие литературного агента тогда еще было в новинку) Александру Поллоку Ватту (1837–1914), который, по его словам, был «очень хорош в заключении сделок»⁴⁶². Ватт договорился о публикации рукописи в известном издательстве *Longmans, Green, and Co.*, ведущем свою деятельность с 1724 года.

В одном из своих ранних интервью Черчилль заметит, что, «помимо прочих соображений, тот факт, что англичане и американцы говорят на одном языке, представляет огромное преимущество с коммерческой точки зрения. Оно не только способствует развитию торговли, но и позволяет автору обратиться сразу к двойной аудитории»⁴⁶³. Уинстон в полной мере сможет использовать эту возможность уже при публикации своей первой книги, которая будет издана отдельно для Великобритании и отдельно для США.

Публикация в США была связана с особенностями американского законодательства, согласно которому книги иностранных авторов для защиты авторского права следовало издавать на территории Соединенных Штатов. Черчиллю повезло. Благодаря этой особенности, а также принятому в 1891 году Конгрессом США закону о международном авторском праве для его произведений были открыты сразу два книжных рынка: в Старом и в Новом Свете.

Роялти для британского издания составят 15 % от продаж при количестве до трех тысяч экземпляров и 20 % – свыше трех тысяч. Для американского издания – 10 и 15 % соответственно. В день выхода книги Черчилль получит аванс в счет будущих начислений – 50 фунтов⁴⁶⁴.

«Я не сомневаюсь, что это лучшее, что мы можем получить», – полагала леди Рандольф⁴⁶⁵. И была права. *Longmans, Green, and Co.* предложило более чем щедрые условия. Во-первых, обычно они публиковали книги только за счет автора⁴⁶⁶. Для Черчилля же было сделано исключение. Изменив своим принципам, издательство брало на себя все финансовые риски за возможный провал. Во-вторых, был предложен неплохой гонорар, который в итоге составил шестьсот фунтов⁴⁶⁷, что было сравнимо с годовым офицерским жалованьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.